

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СТАТЬЕ 10
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ**

ТОМ 2

Санкт-Петербург
2004

34
С892
УДК 341.645:
341.231.14(4)

Научный редактор - Ю. Ю. Берестнев
Ответственный редактор – Г. Ю. Арапова
Составители – Г.Ю. Арапова, С. И. Мащенко
Перевод с англ. Центра Защиты Прав СМИ (Н.В. Самсоновой),
Института проблем информационного права (г. Москва)

Книга подготовлена и издана
Центрально-Черноземным
Центром Защиты Прав СМИ
при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров -
частной американской благотворительной организации (Чикаго, США),
в рамках проекта «Реализация права на свободу слова, свободу выражения
мнения, доступа к информации и юридическая практика по защите этих прав в
России и международных судах»

С892 Судебная практика Европейского Суда по правам человека
по статье 10 Европейской Конвенции: Т. 2/Под редакцией Г.Ю.Араповой -
СПб.: 2004 - 288с.

В книге представлены переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции, гарантирующей свободу выражения мнения. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения и практикой Европейского Суда по этому вопросу.

УДК 341.645:
341.231.14(4)

ISBN 5-98361-014-7

©Центр Защиты Прав СМИ, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Краткое изложение дела «Боуман против Соединенного Королевства».....	7
Постановление Суда делу «Боуман против Соединенного Королевства».....	9
Краткое изложение дела «Гавенда против Польши».....	30
Постановление Суда делу «Гавенда против Польши».....	32
Краткое изложение дела «Далбан против Румынии».....	44
Постановление Суда по делу «Далбан против Румынии».....	46
Краткое изложение дела «Дичанд и другие против Австрии».....	58
Постановление Суда по делу «Дичанд и другие против Австрии».....	62
Краткое изложение дела «Касадо Кока против Испании».....	77
Постановление Суда по делу «Касадо Кока против Испании».....	79
Краткое изложение дела «Кастеллс против Испании».....	97
Постановление Суда по делу «Кастеллс против Испании».....	100
Краткое изложение дела «Коломбани против Франции».....	123
Постановление Суда по делу «Коломбани против Франции».....	126
Краткое изложение дела «Лингенс против Австрии».....	142
Постановление Суда по делу «Лингенс против Австрии».....	145
Краткое изложение дела «Обершлик против Австрии».....	163
Постановление Суда по делу «Обершлик против Австрии».....	166
Краткое изложение дела «Обершлик против Австрии № 2».....	195
Постановление Суда по делу «Обершлик против Австрии № 2».....	197
Краткое изложение дела «Голстой-Милославский против Соединенного Королевства».....	208
Постановление Суда по делу «Голстой-Милославский против Соединенного Королевства».....	211

ПРЕДИСЛОВИЕ

Построение в России правового государства является одной из важнейших задач развития демократического общества. При этом общество опирается на ряд фундаментальных принципов, каждый из которых является неотъемлемой частью системы защиты прав и свобод человека и гражданина. Одним из таких «кирпичиков», более того, можно даже сказать, краеугольным камнем фундамента прогресса следует считать концепцию свободного выражения своего мнения каждым членом демократического общества.

Соответствующие положения, закрепляющие как собственно саму данную свободу, так и различного рода гарантии ее соблюдения, содержится как в Конституции Российской Федерации, так и Европейский конвенции о защите прав человека и основных свобод и, что самое главное, в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. При этом необходимо отметить, что в силу Федерального закона от 30 марта 1998г. №54-ФЗ о ратификации упомянутой Конвенции (в тексте которого прямо об этом указано) Российская Федерация признает обязательность решений Европейского Суда по правам человека, в том числе по делам против иных государств.

В литературе, особенно в российской, высказываются зачастую мнения о рекомендательном характере решений и постановлений Европейского Суда, во всяком случае, в той части, которая относится к т. и. мерам общего характера, т. е. действиям, которые необходимо предпринять властям государства-ответчика с целью предотвратить совершение подобного нарушения в будущем. Это суждение и верно, и неверно одновременно. Во-первых, действительно, Европейский Суд по правам человека выносит свои постановления по существу дела применительно к конкретному спору, а вопросы мер «общего характера» оставляются на усмотрение государства-ответчика и контролирующего его Комитета министров Совета Европы. Однако, с одной стороны, руководствуясь разработанной им самим концепцией «живого, развивающегося организма», Европейский Суд в последние два-три года стал включать в свои решения не только собственно констатацию факта нарушения и правовую оценку действия или бездействия властей государства-ответчика, но и прямо предписывать последним обязанность совершить определенные действия. Причем, если вначале (как это было, например, в делах «Ассанидзе против Грузии» и «Илашку и другие против Молдавии и России») он ограничивался лишь предписанием совершить разовые процессуальные действия (например, освободить заявителя из заключения), то в последнее время он стал предписывать властям обязанность принять конкретные законодательные новеллы, оставляя достаточно узкие рамки законодателям в плане концептуального содержания соответствующего закона (см. дело «Брониовский против Польши»). Во-вторых, даже без учета этого нового развивающегося подхода Европейского Суда, который можно назвать «саморасширением своей компетенции», на практике уже в течение, многих лет решения против стран - членов Организации, находившиеся на контроле в Комитете министров, становились для Совета Европы в целом, и для Комитета министров в частности, ориентиром для настойчивого давления на другие страны - члены Совета Европы в плане создания и развития единообразных, т. е. европейских стандартов, которые всем государствам на Европейском континенте надлежит инкорпорировать в национальные системы.

Таким образом, независимо от теоретических споров о прецедентном характере решений Европейского Суда и степени их влияния на национальные правовые системы, на практике их значение весьма велико и продолжает увеличиваться. Нельзя забывать и о том, что сам Суд, руководствуясь принципом *stare decisis*, опирается в

построении своей правовой логики по текущим делам, находящимся на его рассмотрении, на собственные правовые позиции, отраженные в более ранних решениях и постановлениях.¹ При этом, попытки властей государств-ответчиков проигнорировать ранее вынесенные прецедентные постановления и содержащиеся в них правовые позиции Суда по другим странам - членам Совета Европы «наказываются» более жесткими санкциями, в первую очередь, повышенным размером присуждаемых денежных компенсаций заявителю.

Из всего вышесказанного со всей очевидностью следует, что не только заявителям и их представителям следует внимательно изучать прецедентную практику Европейского Суда, но в значительной степени эта задача стоит и перед теми, кто представляет государство в правоотношениях с его гражданами. Таким образом, изучение постановлений и решений Европейского Суда становится на сегодняшний день одним из важнейших аспектов подготовки и переподготовки юридических кадров в Российской Федерации.

Данное издание является продолжением ранее вышедшего сборника постановлений Европейского Суда, являющихся прецедентами, по толкованию положений Статьи 10 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод. В настоящем издании, как и в первом вышедшем томе, все документы Европейского Суда приводятся без каких-либо сокращений, при этом они предваряются кратким неофициальным изложением дела, подготовленным сотрудниками Международной неправительственной организации «Артикль 19».

Следует помнить, что официальными текстами постановлений и решений Европейского Суда являются лишь тексты на английском и французском языках, поэтому для работы российскому правоприменителю было бы правильным использовать именно их. Однако с учетом недостаточного знания иностранных языков российскими юристами, а также отказа российских судов принимать ссылки на нормативные тексты на иностранных языках, следует, тем не менее, использовать публикуемые тексты в переводах на русский язык.

Выражаем надежду, что данная книга, как и предыдущая, а также, возможно, и последующая в этой серии, даст возможность российским юристам и всем тем, чье право на свободу выражения своего мнения нарушается, грамотно и квалифицировано защищать свои права и совершенствовать правоприменительную практику.

Ю. Ю. Берестнев

¹ Впрочем, применение данного принципа весьма «гибко». Пользуясь вышеупомянутым подходом о «живом, развивающемся организме», Суд периодически отступает от своих собственных прецедентов, когда это кажется ему (или точнее, кому-то из его судей или юристов Секретариата Суда) уместным.

Краткое изложение дела

ДЕЛО "БОУМАН ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА" (Bowman v. the United Kingdom)

(жалоба № 24839/94)

Постановление Суда

Страсбург, 19 февраля 1998 года

Тема: ограничения в отношении содержания

Подтема: ограничение в период выборов

Критерий: важность свободы выражения мнения, "необходимость в демократическом обществе"

Санкция: привлечение к уголовной ответственности

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); четырнадцать голосов против шести

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Соединенное Королевство

Факты:

В течение периода, непосредственно предшествующего всеобщим выборам, заявительница - руководитель организации, выступающей против аборт, - распространила в масштабах всего Соединенного Королевства около полутора миллионов листовок; порядка 25,000 было распространено в конкретном избирательном округе. Листовки резюмировали позицию каждого из кандидатов в отношении абортов и эмбриональных экспериментов. Заявительница была обвинена в нарушении правила, запрещающего расход неправомочным лицом более 5 фунтов стерлингов в предвыборный период на передачу избирателям информации, целью которой является агитация за или против конкретного кандидата. Она была оправдана на основании формальной стороны дела, но осуждена за подобные нарушения по эпизодам, имевшим место ранее.

Решено:

Ограничения по содержанию: факт решения прокуратуры возбудить уголовное дело в отношении заявительницы в значительной степени указывал как минимум на то, что если она не изменит свое поведение в период будущих выборов, то вновь подвергнется риску судебного преследования, а возможно, также осуждению и санкциям. Таким образом, она явилась жертвой в пределах значения п. 1 статьи 25 Конвенции.

Данный запрет приравнивался к ограничению на свободу выражения мнения. Он был предписан законом и преследовал законную цель защиты прав других лиц, а именно кандидатов на выборах и электората в данном избирательном округе, а также в других районах.

Важность свободы мнения и его выражения

В этом деле было важно рассмотреть право на свободу выражения мнения в свете права на свободные выборы (статья 3 Протокола № 1). Два этих права взаимосвязаны и работают на укрепление друг друга. Суд заявил:

«Свободные выборы и свобода выражения мнения, особенно свобода политических дискуссий, взятые в совокупности, формируют основные принципы любой демократической системы. ... [Т]о, что в предвыборный период распространение каких-либо мнений и информации не разрешается, особенно важно» (п. 43).

Необходимость в демократическом обществе

Однако, эти два права могут вступать в противоречие друг с другом, и наложение определенных ограничений на свободу выражения мнения в предвыборный период может рассматриваться как необходимость; для нахождения баланса между ними Государства наделены пределами усмотрения. Большое значение имело то, что планка ограничения на расходы была опущена так низко. Заявительница могла беспрепятственно провести кампанию в любое другое время, но это не позволило бы ей добиться своей цели, а именно сообщить избирателям о точках зрения, которых придерживались кандидаты на выборах. Заявительница практически не имела доступа к каким-либо другим эффективным каналам связи. Законодательство действовало фактически как абсолютный барьер, препятствующий ей в публикации информации с целью оказать влияние на электорат. Необходимости в том, чтобы ограничивать расходы до 5 фунтов стерлингов для обеспечения законной цели равенства между кандидатами, не было.

Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО "БОУМАН ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА"¹**(Bowman v. the United Kingdom)**

(жалоба № 24839/94)

Постановление Суда
Страсбург, 29 января 1998 года

По делу «Боуман против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека, заседаая, в соответствии с Правилем 51 Регламента Суда А², большой Палатой, в состав которой входили следующие судьи:

г-н Р. Бернхардт, *Председатель*,
г-н Тор Вильялмсон,
г-н Л.-Э. Петтити,
г-н Б. Уолш,
г-н Р. Макдональд,
г-н К. Руссо,
г-н А. Шпильман,
г-н Н. Валтикос,
г-жа Е. Палм,
г-н А.Н. Лоизу,
Сэр Джон Фрилэнд,
г-н А.Б. Бака,
г-н М.А. Лопеш Роша,
г-н Л. Вильдхабер,
г-н Д. Готчев,
г-н П. Ямбрек,
г-н У. Лохмус,
г-н Э. Левиц,
г-н Дж. Кассадевал,
г-н П. Ван Дайк, *судьи*

а также г-н Г. Петцольд, *Секретарь Суда*, и г-н П. Дж. Махони, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 25 октября 1997 года и 29 января 1998 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

Примечания Секретаря

¹ Дело под № 141/1996/760/961. Первый номер – порядковый номер жалобы, направленной в Суд в соответствующем году (второй номер). Последние два номера отражают порядковый номер дела в списке дел, направленных в Суд с момента его образования и в списке соответствующих направленных в Комиссию жалоб.

² Правила Регламента Суда А распространяются на все дела, направленные в Суд до вступления в силу Протокола № 9 (1 октября 1994 года) и, таким образом, только на дела в отношении государств, на которые действие этого протокола не распространяется. Они соответствуют Регламенту, который вступил в силу 1 января 1983 года со всеми изменениями.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было направлено в Суд Европейской Комиссией по правам человека ("Комиссия") и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии ("Правительство") 19 октября 1996 года и 7 января 1997 года соответственно, в пределах трехмесячного срока, установленного п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело в отношении Соединенного Королевства было возбуждено по заявлению (№ 24839/94), направленному в Комиссию в соответствии со статьей 25 г-жой Филлис Боуман, британской подданной, 11 марта 1994 года.

Обращение Комиссии основывалось на статьях 44 и 48 Конвенции и на декларации, в соответствии с которой Соединенное Королевство признало обязательной юрисдикцию Суда (статья 46). Целью этого обращения и заявления Правительства было принятие решения относительно того, имеет ли место в данном деле нарушение Государством - ответчиком своих обязательств по статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) Правила 33 Регламента Суда А, заявительница сообщила, что желает принять участие в слушаниях, и назначила адвоката, для представления ее интересов в суде (Правило 30).

3. В состав формируемой Палаты вошли: по должности (*ex officio*) сэр Джон Фриланд, избранный судья британской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Бернхардт, вице-председатель Суда (п. 4 (b) Правила 21). 29 октября 1996 года, в присутствии Секретаря, Председатель Суда г-н Р. Риссдал жребием определил имена других семи членов, а именно г-на Л.-Е. Петтити, г-на Б. Уолша, г-на К.Руссо, г-на А.Шпильмана, г-на А. Н. Лоизу, г-на М. А. Лопеша Роша и г-на П. Ямбрека (статья 43 *in fine* Конвенции и п. 5 Правила 21).

4. Как Председатель Палаты (п. 6 Правила 21), г-н Бернхардт, действующий через Секретаря, проконсультировал Уполномоченного Правительства, представителя заявительницы и Представителя Комиссии по процедурным вопросам (п. 1 Правила 37 и 38). Согласно порядку, в соответствии с предписанным сроком, продленном по просьбе заявительницы, Секретарь получил меморандум Правительства 3 июня 1997 года и меморандум заявительницы 18 июля 1997 года.

5. В соответствии с решением Председателя, слушания проводились публично во Дворце Прав человека в Страсбурге, 27 августа 1997 года. Перед этим Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н Д. Бентли, Министерство иностранных дел и по делам Содружества, Уполномоченный,
г-н Панник, Королевский адвокат,
г-н Д. Андерсон, Адвокат,
г-н Р. Клейтон, Министерство внутренних дел, Советник;

(b) со стороны Комиссии

г-н Л. Лукадес, Представитель;

(c) со стороны заявителя

г-н Г. Робертсон, Королевский адвокат, Адвокат,
г-н Д. Прайс, Помощник адвоката.

Суд заслушал выступления г-на Лукадеса, г-на Панника и г-на Робертсона.

6. После обсуждения, проведенного 29 августа 1997 года, Палата решила передать дело на рассмотрение в Большую Палату (Правило 51).

7. В состав формируемой Большой Палаты должны были войти: *ex officio* г-н Риссдал, Председатель Суда, и г-н Бернхардт, вице-председатель, вместе с другими членами и замещающими судьями первоначально созданной Палаты, - последние были представлены г-жой Э. Палм и г-ном Касадеваллем (п. 2 (а) и (b) Правила 51). 30 августа 1997 года Председатель, в присутствии Секретаря, вытянул по жребию имена девяти дополнительных судей, необходимых для укомплектования Большой Палаты, а именно г-на Тора Вильямсона, г-на Р. Макдональда, г-на Н. Валтикоса, г-на А. Б. Бака, г-на Л. Вильдхабера, г-на Д. Готчева, г-на У. Лохмуса, г-на Э. Левица и г-на П. Ван Дайка (п. 2 (с) Правила 51).

8. Приняв во внимание согласие Уполномоченного Правительством и противоположное мнение, высказанное Представителем Комиссии и заявительницей, 25 октября 1997 года Суд принял решение о том, что нет необходимости в проведении дальнейших устных слушаний после отказа от юрисдикции со стороны Палаты (Правило 38, в совокупности с п. 6 Правила 51).

9. Впоследствии г-н Бернхардт заменил г-на Риссдала, который, будучи Председателем Большой Палаты, не мог принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (п. 5 Правила 21).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

10. Г-жа Филлис Боуман родилась в 1926 году и проживает в Лондоне. Она - руководитель Общества Защиты Нерожденного Ребенка (ОЗНР; the Society for the Protection of the Unborn Child (SPUC)) - организации, насчитывающей около 50,000 членов, выступающей против абортот и экспериментирования в области человеческого эмбриона и требующей изменений в действующем законодательстве Соединенного Королевства, которое разрешает аборт при сроке беременности до двадцати двух недель и эмбриональное экспериментирование при сроке беременности до четырнадцати дней.

11. Основные политические партии не придерживаются какой-либо политики в отношении эмбрионального экспериментирования и абортов, поскольку считают их моральными проблемами; членам Парламента позволяют голосовать в отношении предлагаемого законодательства согласно их убеждениям. Поэтому г-жа Боуман и ОЗНР посчитали, что если избиратели хотели внести изменения в законодательство посредством своего представителя, которого им предстояло выбрать, для них было важно получить информацию о позиции кандидатов, баллотирующихся на выборах, по отношению к абортам и смежным проблемам.

12. Таким образом, в период, непосредственно предшествующий парламентским выборам в апреле 1992 года, г-жа Боуман организовала распространение порядка полутора миллионов листовок в избирательных округах во всем Соединенном Королевстве, - в том числе 25,000 экземпляров в избирательном округе г. Галифакса, - в которых было написано следующее:

"Мы не говорим вам о том, как надо голосовать, но считаем, что вам жизненно важно проверить позицию баллотирующихся на выборах кандидатов по отношению к абортам и использованию человеческого эмбриона в качестве "подопытного кролика".

Тэрри Мартин, консервативная партия.

Г-н Мартин публично дал твердое обязательство по защите еще не родившихся детей. Если его изберут, он будет голосовать за ограничение оснований для аборта, в целях прекращения абортотворения по требованию. Он будет голосовать за прекращение абортотворения на сроках беременности, превышающих 24 недели, поскольку в настоящее время законодательство разрешает абортотворения вплоть до рождения ребенка с детским церебральным параличом (ДЦП), а также по другим основаниям. Он также будет голосовать за прекращение создания и использования человеческих эмбрионов в качестве "подопытных кроликов" для проверки действия медикаментозных средств. Элисон Махон, лейбористская партия.

Г-жа Махон занимает ведущую позицию в поддержке абортотворения. Как член Парламента, она голосовала за разрешение абортотворения на сроках беременности вплоть до рождения ребенка с ДЦП. Она голосовала за обязательное внесение в официальные списки врачей - убежденных противников абортотворения, - несмотря на предупреждение о том, что эти списки могли использоваться как "черные списки". Она также голосовала за разрешение использовать человеческие эмбрионы для опытов в программах, куда входит и проверка действия медикаментозных средств, а также для других экспериментов.

Йен Хауэлл, либерально-демократическая партия

Если г-н Хауэлл будет избран, он будет голосовать за ограничение оснований для абортотворения в целях прекратить абортотворения по требованию. Он будет голосовать за уменьшение сроков беременности, при которых разрешаются абортотворения, до 24 недель или меньше, поскольку в настоящее время законодательство разрешает абортотворения на сроках вплоть до рождения ребенка с ДЦП, а также по другим причинам. Он будет голосовать также за защиту человеческих эмбрионов от использования в качестве "подопытных кроликов" в исследовательских программах.

"ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА"

На обратной стороне листовки, вместе с фотографией, подписанной "будущий ребенок через десять недель после зачатия", было написано:

"Первые недели жизни

День 1: Зачатие: сперма и яйцеклетка встречаются в процессе оплодотворения. Завершается генетическое строение: определяется цвет глаз, волос, пол и даже телосложение. В фаллопиевой трубе матки находится уникальная личность.

День 12: Поступление в матку и внедрение в нее.

День 17: Развитие собственных кровяных клеток.

День 21: Начинает биться сердце. Это - событие, не менее важное, чем рождение, но гораздо менее впечатляющее, чем оплодотворение.

День 26: Завершение формирования центральной нервной системы.

День 30: Постоянный кровоток в замкнутой сосудистой системе. Начинают развиваться уши и нос.

День 42: Наличие скелета и рефлексов. Сформированы печень, почки и легкие. Реагирует на прикосновение в области рта.

День 45: Могут быть зафиксированы мозговые импульсы.

День 56: Функционирование всех органов, кроме легких; теперь ребенок должен только расти и созревать, - так же, как ребенок превращается во взрослого.

День 65: Ребенок может сжимать ручку в кулачок и хватать предмет, дотрагивающийся до его ладони; подпрыгивать в матке вверх-вниз, координируя свои движения.

Неделя 12: Вся поверхность тела чувствует прикосновения.

Неделя 16: Длина тела ребенка достигает половины его длины при рождении; сердце ежедневно перекачивает 50 пинт крови.

Неделя 28: Открываются глаза. Ребенок слышит звуки при пищеварении матери, биение ее сердца и ее голос, а также звуки за пределами ее тела.

9-ый месяц: Рождение - это просто другой этап в процессе, который идет полным ходом. Из сказанного выше ясно, что ребенок чувствует боль уже на очень ранней стадии. Поэтому мы причиняем детям боль, уничтожая их при сроках беременности до 6 месяцев после зачатия, а в некоторых случаях, например, пораженных ДЦП, вплоть до рождения".

13. Г-жу Боуман обвинили в нарушении положений, закрепленных в подпунктах 75 (1) и (5) "Акта о представительстве народа 1983 года" ("Акт -1983"), запрещающих расходы в размере более пяти фунтов стерлингов ("GBP") со стороны неуполномоченного лица в течение предвыборного периода с целью передачи избирателям информации в целях агитации за кандидата или обеспечения его победы на выборах (см. пункты 17-19 ниже).

14. Во время процесса по делу г-жи Боуман в Саутворкском Суде короны, 27 сентября 1993 года судья оправдал ее, поскольку обвинительный акт по факту данного правонарушения не был принят в течение года с момента предполагаемого несанкционированного расхода, как это необходимо в соответствии с требованием о сроке давности, предусмотренном пунктом 176 Акта-1983. Тем не менее, судебный процесс был освещен в прессе.

15. В 1979 году в отношении г-жи Боуман был вынесен обвинительный приговор ввиду нарушения подобного закона, за распространение листовки в Северном Илфорде в период,

предшествующий дополнительным выборам; в 1982 году она также была осуждена за распространение листовки в период перед выборами в Европейский Парламент. В обоих случаях ей было предписано выплатить штраф и оплатить судебные издержки.

II. Применимое национальное законодательство

A. Парламентские выборы

16. День всеобщих выборов назначается действующим премьер-министром и обычно объявляется за четыре-шесть недель до дня выборов.

17. В целях избирательного процесса, Соединенное Королевство разделено на избирательные округа. Каждый округ представлен одним членом Парламента - человеком, который получил наибольшее число голосов в своем округе. Большинство кандидатов выдвинуты основными национальными политическими партиями, хотя некоторые из них баллотируются как независимые. Выдвижение кандидата на выборы должно быть подписано десятью людьми, которые зарегистрировались для голосования в данном округе. Каждый кандидат должен внести 500 фунтов, - эту плату принимает должностное лицо, контролирующее проведение выборов. Если он или она не получает по крайней мере 5 % правомерных голосов, эта сумма ему не будет возвращена.

B. Контроль за расходами в период выборов

18. В Соединенном Королевстве кандидаты в Парламент не получают государственного финансирования для проведения их кампаний. Чтобы гарантировать, что кандидаты не будут прибегать к крупномасштабному финансированию, сумма расходов, которая может быть потрачена кандидатом до, в течение или после избирательной кампании, контролируется Законом (Акт-1983, пункт 76). Сумма может незначительно колебаться в зависимости от размера избирательного округа, но в среднем сумма в настоящее время составляет 8,300 фунтов стерлингов. Чтобы гарантировать, что сумма расходов не выходит за эти рамки, все расходы кандидата должны проходить через агента по проведению выборов, который по прошествии выборов должен представить отчет (Акт-1983, пункты 73, 76 и 81).

19. В соответствии с положениями пункта 75 (1) Акта-1983, любые расходы, направленные на победу кандидата на выборах, со стороны какого-либо другого лица, кроме самого кандидата или его агента, запрещены:

"Любые расходы в целях агитации за кандидата или обеспечения его победы на выборах со стороны какого-либо другого лица, кроме самого кандидата или его агента по проведению выборов и людей, уполномоченных агентом в письменной форме, для:

(А) проведения общественных собраний или организации какого-либо общественного зрелища; или

(В) выпуска рекламы, проспектов или публикаций; или

(С) представления каким-либо другим образом избирателям кандидата, или его взглядов, или масштабов или характера его сильных сторон, или дискредитации другого кандидата, но параграф (с) этой подсекции не должен:

(I) ограничивать освещение любых вопросов, связанных с выборами, в газетах или других периодических изданиях или радиопередачах, транслируемых корпорацией Би-Би-Си ... [или Независимым Руководством Радиовещания];

(II) применяться к каким-либо расходам, в совокупности не превышающим сумму 5 фунтов стерлингов".

Интерпретируя значение слов "в целях агитации за кандидата или обеспечения его победы на выборах" в этом подпункте, Палата Лордов ввела в них еще и намерение воспрепятствовать победе на выборах конкретного кандидата или кандидатов ("Генеральный Прокурор против Люфта" [1977], Дела по апелляциям - 962).

20. Г-жа Боуман была обвинена в нарушении, предусмотренном в пункте 75 (5) Акта-1983, где говорится:

"Если кто-либо

(A) осуществляет или способствует осуществлению каких-либо расходов в нарушение [секции 75] со стороны любого другого человека, а также подстрекает его к ним или рекомендует их ему... он будет признан виновным в коррупции... "

21. Максимальная санкция за нарушение подсекций 75 (1) и (5) - тюремное заключение сроком на год и/или штраф до 5,000 фунтов стерлингов. Кроме того, человек, осужденный по обвинению в подобных нарушениях, может быть отстранен от голосования на выборах на срок до пяти лет, лишен права быть избранным, быть членом Палаты Общин или занимать какую-либо государственную должность или должность в суде (Акт-1983, секции 160 (4), 168 (1) и 173).

22. Пункт 75 касается лишь расходов, понесенных в связи с выборами конкретного кандидата в конкретных округах. Политической партии, состоятельному человеку или организации не запрещается расходовать деньги на публичные сообщения для поддержки или оппозиционирования политической партии или общей тенденции, на национальном или региональном уровне, - при условии отсутствия какого-либо намерения способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в каких-либо конкретных избирательных округах (см. "Р. против Тронуха Майнза" [1952 года] 1, Все Отчеты Англии - 697 (R. v. Tronoh Mines [1952] 1 All England Reports 697)). Не имеется также каких-либо ограничений на частные пожертвования политическим партиям или на правомочия прессы оказывать поддержку или выступать против избрания какого-либо конкретного кандидата (см. Акт-1983, пункт 75 (1) (с) (i) – пункт 19 выше).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

23. Заявление в Комиссию (№ 24839/94) от 11 марта 1994 года было подано совместно г-жой Боуман и ОЗНР. Оба заявителя жаловались на то, что судебное преследование в отношении г-жи Боуман нарушило их право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции. Они также ссылались на статью 13 Конвенции.

24. 4 декабря 1995 года Комиссия объявила о приемлемости жалобы в части, где оно касалось жалобы г-жи Боуман о нарушении статьи 10. Однако, считая, что ОЗНР как таковое не могло

утверждать, что стало жертвой судебного преследования в отношении г-жи Боуман, она не приняла к рассмотрению остальные пункты заявления.

В своем отчете от 12 сентября 1996 года (статья 31), Комиссия выразила мнение о том, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (двадцать восемь голосов против одного). Полный текст заключения Комиссии и особого мнения, входящих в отчет, воспроизведен в приложении к данному постановлению.³

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

25. В своем меморандуме и во время слушаний в Суде Правительство утверждало, в противовес мнению Комиссии, что заявление должно быть признано неприемлемым в соответствии с п. 1 статьи 25 Конвенции. В отличие от Комиссии, оно утверждало, что в пределах значения п. 1 статьи 10 не имелось каких-либо ограничений на свободу выражения мнения заявительницы, а если даже они имелись, то были необходимы в демократическом обществе в пределах значения п. 2 статьи 10.

Заявительница просила Суд установить нарушение статьи 10 и обеспечить ей справедливое удовлетворение в соответствии со статьей 50.

ПРАВО

I. Предварительное возражение со стороны Правительства

26. По утверждению Правительства, г-жа Боуман не могла должным образом требовать признания ее "жертвой" нарушения Конвенции в пределах значения п. 1 статьи 25, где в этой связи говорится следующее: "Комиссия может получать заявления ... от любого человека ... утверждающего, что он стал жертвой нарушения, совершенного одной из Высоких Договаривающихся сторон в отношении прав, установленных в Конвенции ... "

Оно указало на факт, что судья, рассматривавший дело, 28 сентября 1993 года рекомендовал суду присяжных вынести оправдательный приговор в отношении заявительницы, и выразило мнение, что при подобных обстоятельствах нельзя было бы сказать, что она была бы осуждена в случае продолжения процесса, или что закон был применен ей во вред.

27. Заявительница утверждала, что в результате применения в отношении нее пункта 75 Акта-1983, она испытала чувство тревоги, пострадала от "позорного клейма" и понесла расходы, связанные с ее допросами со стороны полиции, судебного преследования в отношении нее и вниманием общественности, которым она была окружена.

28. В своем решении о приемлемости жалобы Комиссия согласилась с тем, что г-жа Боуман понесла прямой ущерб в связи с судебным преследованием в отношении нее, и, таким образом, может утверждать, что стала жертвой вмешательства.

29. Судом установлено, что в отношении г-жи Боуман было применено средство реализации нормы закона, а именно уголовное преследование. Хотя она и была в конечном итоге оправдана, это произошло по техническим причинам – обвинительный акт по факту данного правонарушения не был принят в пределах установленного законом срока давности (см. п. 14 выше). Сам факт, что

³ Примечания Секретаря: Из практических соображений приложение есть только в опубликованной версии решения (в Reports of Judgments and Decisions 1998), но копию отчета Комиссии всегда можно получить в Секретариате.

прокуратура решила возбудить дело в отношении заявительницы в значительной степени указывал как минимум на то, что если она не изменит своего поведения в период будущих выборов, то вновь подвергнется риску уголовного преследования, а возможно, также будет осуждена и подвергнута наказанию.

В сложившейся ситуации Суд полагает, что г-жа Боуман могла должным образом утверждать, что понесла прямой ущерб в связи с применением рассматриваемого закона (см., среди других авторитетных источников, постановление по делу «Норрис против Ирландии» («Norris v. Ireland») от 26 октября 1988 года, Серия А, № 142, стр. 16, п. 31) и таким образом стала жертвой нарушения Конвенции в пределах значения п. 1 статьи 25.

Соответственно, предварительное возражение Правительства было отклонено.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

30. Г-жа Боуман заявила о нарушении ее права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции, в которой, соответственно, говорится:

«1. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Комиссия согласилась с тем, что нарушение имело место, но Правительство возражало против этого.

A. Наличие ограничения

31. Правительство утверждало, что какого-либо ограничения права г-жи Боуман на свободу выражения мнения не было, поскольку пункт 75 Акта-1983 ограничивал только свободу неуполномоченных лиц осуществлять какие-либо расходы в целях агитации за конкретного кандидата или обеспечения его победы в парламентских выборах, но не их свободу выражения мнения или распространения информации в более широком смысле (см. п. 19 выше).

32. Комиссия, как и заявительница, придерживалась мнения, что тот факт, что органы прокуратуры, очевидно, сочли, что ее поведение подпадает под установленный законом запрет, через опасение судебного преследования, стал причиной ограничения на ее свободу выражения мнения.

33. Суд обращает внимания на то, что пункт 75 Акта-1983 не содержит прямого ограничения на свободу выражения мнения, но вместо этого ограничивает до 5 фунтов стерлингов денежную

сумму, которую неуполномоченным лицам разрешено потратить на публикации и другие средства информирования в период выборов. Кроме того, она ограничивает не расходы в целях передачи информации или мнений вообще, а только те, что понесены в определенный период "с целью агитации за какого-либо кандидата или обеспечения его победы на выборах".

Тем не менее, не вызывает никакого сомнения то, что запрет, закрепленный в пункте 75, был равнозначен ограничению на свободу выражения мнения, которая нанесла г-же Боуман прямой ущерб (см. п. 29 выше).

34. Остается рассмотреть, было ли ограничение "предписано законом", преследовало ли законную цель, и было ли "необходимо в демократическом обществе".

В. "Предписано законом"

35. Суд считает, и это отнюдь не оспаривалось в ходе процесса, что ограничение на затраты, предусмотренное пунктом 75 Акта-1983, было "предписано законом".

С. Правомерная цель

36. Правительство поддержало свою позицию, что ограничение на затраты в пункте 75 Акта-1983 преследовало цель защиты прав других лиц в трех направлениях. Во-первых, оно способствовало справедливости для конкурирующих кандидатов на выборах, препятствуя состоятельным третьим лицам проводить кампании за или против конкретного кандидата или публиковать материалы, что потребовало бы выделения части бюджета кандидата, размер которого ограничен законом (см. п. 18 выше). Во-вторых, ограничение на затраты третьих лиц давало гарантию, что кандидаты оставались бы независимыми от влияния могущественных заинтересованных групп. В-третьих, оно препятствовало "перекосам" в ходе политических дебатов, которые могли возникнуть в случае отклонения от общезначимых вопросов и сосредоточения на частных проблемах.

37. По мнению заявительницы, пункт 75, будучи далеким от преследования законной цели, "работал" только на то, чтобы урезать демократическую свободу выражения мнения. Было весьма маловероятно, чтобы группы, преследующие частную цель, - такие, как ОЗНР, - могли отвлечь избирателей от господствующих политических платформ до такой степени, чтобы помешать избирательному процессу. Кроме того, нельзя с полной уверенностью сказать, что ограничение на затраты гарантировало равенство между кандидатами, поскольку они изначально были неравны, и их положение зависело от того, получили ли они поддержку одной из главных политических партий, - которые могли свободно тратить неограниченные средства на проведение кампаний на национальном уровне при условии, если не пытались способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата (см. п. 22 выше).

38. Суд считает очевидным, что цель пункта 75, особенно взятого в контексте с другими детализированными положениями о затратах на выборах в Акте-1983, - внесение вклада в обеспечение равенства между кандидатами. Поэтому, как и Комиссия, он приходит к выводу о том, что применение этого закона к г-же Боуман преследовало законную цель защиты прав других, а именно кандидатов на выборах и избирателей в Галифаксе, и, в той степени, в какой уголовное преследование оказывает сдерживающее действие на всей территории Соединенного Королевства.

Суд полагает, что возражения, выдвинутые заявителем по этому пункту, в большей степени относятся к вопросу о том, было ли ограничение "необходимым в демократическом обществе", - к рассмотрению которого он теперь переходит.

D. "Необходимо в демократическом обществе"

39. Правительство вновь поддержало свою позицию, что пункт 75 Акта-1983 налагал только частичное ограничение на затраты (см. п. 31 выше), которое было не более чем необходимым для достижения законных преследуемых целей. Оно указало на то, что для г-жи Боуман были открыты другие средства коммуникации, - например, она могла открыть собственную газету, опубликовать письма или статьи в прессе, дать интервью по радио или телевидению, баллотироваться на выборах сама или выпустить листовки с целью информировать электорат, не агитируя за или против какого-либо конкретного кандидата.

40. Как и Комиссия, заявительница также полагала, что ограничение не было пропорциональным. Она заявила, что не существовало какой-либо острой общественной потребности в том, чтобы пресекать распространение верной с фактической точки зрения информации о позиции кандидатов на общественный пост в отношении важных этических проблем; напротив, существовала острая потребность вынести подобные вопросы на политическую повестку дня до выборов. Несмотря на утверждение Правительства о том, что ограничение было необходимо для обеспечения равенства между кандидатами, ничто не указывало на то, что листовки г-жи Боуман ставили в невыгодное положение какого-либо конкретного кандидата, поскольку вполне возможно, что информация, которая в них содержалась, привлекла сколько сторонников, столько и противников разных позиций по проблеме абортов. Кроме того, она утверждала, что ограничение было нелогичным, так как в отношении полномочий средств массовой информации не было наложено никакого ограничения на публикации материалов за или против кандидатов. Политическим партиям и их сторонникам также не возбранялось оплачивать агитацию на национальном или региональном уровнях, если они не пытались способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата.

41. Суд считает, во-первых, что ограничение на затраты, предписанное пунктом 75 Акта-1983, - это только один из многочисленных элементов контроля и баланса, совокупность которых составляет избирательное законодательство Соединенного Королевства. В подобном контексте право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10, должно рассматриваться в свете права на свободные выборы, закрепленного в статье 3 Протокола №1 к Конвенции, в котором говорится:

"Высокие Договаривающиеся стороны обязуются проводить свободные выборы через определенные промежутки времени, тайным голосованием, при условиях, обеспечивающих людям свободу выражения мнения при выборе законодательных органов".

42. Свободные выборы и свобода выражения мнения, в особенности свобода политических дискуссий, взятые в совокупности, формируют основу любой демократической системы (см. постановления по делам "Мэтью-Мохин и Клерфайт против Бельгии" ("Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium") от 2 марта 1987 года, Серия А, № 113, стр. 22, п. 47, и "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года, Серия А, № 103, стр. 26, п.п. 41-42. Эти два права взаимосвязаны и "работают" на укрепление друг друга: например, как ранее говорил Суд, свобода выражения мнения - это одно из "условий", необходимых для "обеспечения людям свободы выражения мнения при выборе законодательных органов" (см. вышеупомянутое постановление

по делу "Мэтью-Мохин и Клерфайт против Бельгии", стр. 24, п. 54). По этой причине особенно важно, чтобы в период, предшествующий выборам, было разрешено свободное распространение различных мнений и информации.

43. Тем не менее, при определенных обстоятельствах может возникать конфликт двух этих прав, и наложение определенных ограничений на свободу выражения мнения, неприемлемых в обычное время, может расцениваться как необходимость во время выборов или в период, предшествующий им, - для обеспечения "людям свободы выражения мнения при выборе законодательных органов". Суд признает, что, при поиске равновесия между этими двумя правами, Договаривающиеся Государства наделяются определенными пределами усмотрения, которыми они обычно и пользуются для организации их избирательных систем (см. упомянутое выше постановление по делу "Мэтью-Мохин и Клерфайт против Бельгии", стр. 23 и 24, п.п. 52 и 54).

44. Возвращаясь к фактам настоящего дела: задача Суда состоит в том, чтобы определить, было ли, с учетом всех обстоятельств, ограничение на свободу выражения мнения г-жи Боуман пропорционально законной преследуемой цели, и были ли причины, приведенные национальными властями для его обоснования, уместными и достаточными (см. вышеупомянутое постановление по делу "Лингенс против Австрии", стр. 26, п. 40).

45. В этой связи, Суд считает существенным тот факт, что ограничение на затраты, закрепленное в пункте 75 Акта-1983, было установлено на столь низком уровне - до 5 фунтов стерлингов. Он напоминает, что это ограничение применяется только в предвыборный период сроком от четырех до шести недель (см. п.п. 16 и 18-19 выше). Однако, несмотря на то, что г-жа Боуман могла свободно провести кампанию в любое другое время, по мнению Суда, это не способствовало бы цели выпуска ее листовок, которая состояла в том, чтобы проинформировать жителей Галифакса о перспективах голосования со стороны этих трех кандидатов и их позиции в отношении аборт, - в течение решающего периода, когда они сосредоточены на выборе представителя (см. п. 11 выше).

46. Суд обращает внимание на заявление Правительства о том, что заявительница могла использовать альтернативные способы донесения информации до электората. Однако он не согласен с мнением, что она имела доступ к любым другим эффективным средствам коммуникации. Например, не было доказательства существования какой-либо гарантии для нее в том, что материал, содержащийся в листовках, был бы опубликован в газетах или транслировался бы по радио или телевидению. Несмотря на то, что она могла баллотироваться на выборах сама и таким образом получить право на установленную законом сумму расходов, предоставленную кандидатам, это потребовало бы от нее уплаты залога в 500 фунтов стерлингов, которые она, по всей вероятности, потеряла бы (см. п.п. 17 и 18 выше). Кроме того, ее желанием было не быть избранной в Парламент, а всего лишь распространить листовки среди избирателей.

47. Ввиду этого, Суд считает, что пункт 75 Акта-1983 фактически полностью лишил г-жу Боуман возможности опубликовать информацию с целью оказать на избирателей Галифакса влияние в пользу кандидата-противника аборт. Таким образом, он не согласен с тем, что существовала необходимость ограничивать ее затраты 5 фунтами стерлингов для достижения законной цели обеспечения равенства между кандидатами, в особенности ввиду того факта, что не было наложено каких-либо ограничений ни на свободу прессы при публикации материалов с целью поддержки или воспрепятствования избранию кандидата, ни на политические партии и их сторонников при оплате агитации на национальном или региональном уровнях, если они не пытались способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в каком-либо конкретном избирательном округе (см. п. 22 выше).

Соответственно, он заключает, что данное ограничение не было пропорционально преследуемой цели.

Из этого следует, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 50 Конвенции

48. Заявительница потребовала справедливого удовлетворения в соответствии со статьей 50 Конвенции, в которой говорится:

"Если Суд приходит к заключению, что решение или мера, принятая органом судебной власти или каким-либо другим крупным специалистом, принадлежащим к одной из Высоких Договаривающихся Сторон, полностью или частично противоречит обязательствам, следующим из... Конвенции, и если внутригосударственный закон упомянутой стороны допускает только частичную компенсацию в отношении последствий этого решения или меры, - судебное решение должно, при необходимости, предоставить справедливое удовлетворение потерпевшей стороне".

A. Моральный ущерб

49. Г-жа Боуман потребовала компенсации в размере 15,000 фунтов стерлингов за унижение, стресс и беспокойство, перенесенные ею в результате уголовного преследования.

50. Правительство утверждало, что факт установления судом нарушения Конвенции будет адекватной компенсацией.

51. Суд полагает, что, с учетом всех обстоятельств дела, факт установления нарушения является достаточным справедливым удовлетворением за моральный ущерб, понесенный заявительницей.

B. Судебные затраты и издержки

1. Процесс во внутригосударственных судах

52. Г-жа Боуман потребовала компенсации той части расходов, понесенных ею в ходе внутригосударственных процессов, которая не была покрыта государственной программой юридической помощи, - что составило 1,633.64 фунтов стерлингов.

53. Правительство утверждало, что заявительнице не должна быть присуждена какая-либо компенсация издержек, понесенных ею при рассмотрении ее дела внутригосударственными судами.

54. Суд считает, что данные издержки действительно были понесены заявительницей при рассмотрении ее дела внутригосударственными судами, и что указанная ею сумма является адекватной (см. постановление по делу "Санди Таймс против Соединенного Королевства" (№ 1) ("Sunday Times v. the United Kingdom" (no. 1)) от 6 ноября 1980 года, Серия А, № 38, стр. 13, п. 23. Поэтому суд предоставляет заявительнице эту сумму в полном объеме, вместе с любым налогом на добавочную стоимость (НДС), который мог быть уплачен вместе с этой суммой.

2. Процесс в Страсбурге

55. Заявительница потребовала возмещения судебных затрат и издержек, понесенных в ходе процесса в Страсбурге, в размере 35,490 фунтов стерлингов.

56. Адвокат, представляющий интересы Правительства, в ходе процесса в Суде высказал мнение о том, что заявленная сумма была чрезмерной.

57. Суд, принимая решение на основании равноправия, присуждает заявительнице 25,000 фунтов стерлингов в качестве компенсации за затраты и издержки, понесенные ею в ходе процесса в Страсбурге,- вместе с любым НДС, который может подлежать уплате.

D. Пеня

58. Согласно информации, которой располагает Суд, установленная законом норма пени, применяемая в Соединенном Королевстве в момент вынесения данного постановления, составляет 8 % годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Отклоняет единогласно* предварительное возражение со стороны Правительства;
2. *Постановляет* четырнадцатью голосами против шести, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет единогласно*, что факт установления нарушения является достаточным справедливым удовлетворением в отношении какого-либо нематериального ущерба, понесенного заявительницей;
4. *Постановляет единогласно*:
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявительнице в трехмесячный срок в счет компенсации судебных затрат и издержек, 26,633.64 фунтов стерлингов (двадцать шесть тысяч шестьсот тридцать три фунта и шестьдесят четыре пенса), а также любой налог на добавочную стоимость, который может подлежать уплате;
 - (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев должна выплачиваться пеня по норме 8% годовых до урегулирования;
5. *Отклоняет единогласно* остальные требования о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании во Дворце Прав человека в Страсбурге 19 февраля 1998 года.

Рудольф Бернхардт
Герберт Петцольд

Председатель
Секретарь

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 Правила 53 Регламента Суда А, к этому постановлению прилагаются следующие мнения:

Мнение судей г-на Петтити, г-на Лопеша Роха и г-на Касадевалля, совпадающее с позицией большинства состава суда;

Особое мнение г-на Валтикоса;

Особое мнение г-на Лоизу, г-на Бака и г-на Ямбрека;

Особое мнение сэра Джона Фриланда, разделенное г-ном Левицем.

**Мнение судей г-на Петтити, г-на Лопеша Роха и г-на Касадевалля,
совпадающее с позицией большинства состава суда
(Перевод)**

1. Мы проголосовали вместе с большинством и полностью согласны с постановлением Суда.
2. Однако мы не можем согласиться с его мнением, отраженном в п. 47 постановления, о том, что пункт 75 "Акта о представительстве народа" фактически полностью лишила г-жу Боуман возможности опубликовать "информацию с целью оказать на избирателей Галифакса влияние в пользу кандидата - противника абортот".

Из этого утверждения ясно следует, что Суд истолковал закон таким образом, что опубликование заявительницей листовки нарушило Закон, запрещающий расходы "с целью агитации за кандидата или обеспечения его победы на выборах".
3. П. 75 не запрещает публикации фактов или комментариев для информирования широкой общественности.
4. По нашему мнению, в первых четырех строках п. 47 должно было быть сказано не более чем то, что целью листовки было "проинформировать избирателей Галифакса о возможных намерениях кандидатов в отношении проблемы абортот".

**Особое мнение г-на Валтикоса
(Перевод)**

Я не могу согласиться с тем, что тот факт, что избирательная система Соединенного Королевства ограничивает расходы, которые могут осуществлять "неуполномоченные" лица, способствуя или нанося ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в период, непосредственно предшествующий выборам, - представляет собой нарушение Конвенции. В то время как, по общему признанию, теоретическая слабость этого положения - целью которого является не позволить влиятельным лицам или органам подорвать справедливость выборов или воспрепятствовать их незаконному влиянию на мнение избирателей - в том, что оно блокирует затраты даже в малых размерах, - в данном случае сумма была весьма велика, так как покрыла стоимость полутора миллионов листовок.

Учить Соединенное Королевство тому, как оно должно проводить выборы и управлять демократией, - несколько нелепо; прежде всего, не представляется правильным настаивать на отмене положения, нацеленного на воспрепятствование лицам, не являющимся членами политических партий, оказывать влияние на ход выборов, и - как справедливо отметил г-н Мартинес в своем особом мнении, приложенном к отчету Комиссии, - в конечном итоге на

воспрепятствование преимуществу кандидатов, обладающих значительными финансовыми ресурсами, перед другими, менее состоятельными кандидатами.

Таким образом, я не могу согласиться с решением в пункте установления нарушения статьи 10 Конвенции.

Особое мнение г-на Лоизу, г-на Бака и г-на Ямбрека

1. Мы соглашаемся с тем, что Суд отклонил предварительное возражение Правительства по поводу того, что в отношении заявительницы была нарушена Конвенция (см. п. 29 постановления).

2. Однако мы не считаем возможным согласиться с выводом, к которому пришло большинство, о том, что имело место нарушение права заявительницы на свободу выражения мнения, поскольку ограничение, наложенное на заявительницу пунктом 75 (1) и (5) "Акта о представительстве народа" ("Акт-1983"), не было пропорционально преследуемой цели.

3. В соответствии с пунктом 75 (1) Акта-1983, любые расходы в размере более 5 фунтов стерлингов, направленные на победу кандидата на выборах, со стороны какого-либо другого лица, кроме самого кандидата или его агента, запрещены, если они понесены в связи с выборами конкретного кандидата в конкретном округе. Акт-1983 не запрещает политическим партиям, состоятельным лицам или организациям расходовать деньги на публичные сообщения для поддержки или оппозиционирования политической партии или общей тенденции на национальном или региональном уровне, - при условии отсутствия какого-либо намерения способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в каких-либо конкретных избирательных округах. Не имеется также каких-либо ограничений на частные пожертвования политическим партиям или на полномочия прессы оказывать поддержку или выступать против какого-либо конкретного кандидата. Ограничение, наложенное пунктом 75, имеет отношение только к продвижению кандидатов, но не общей тенденции (см. п.п. 19-22 постановления).

4. Как было установлено Судом, вышеупомянутое ограничение на затраты - это только одна из многочисленных элементов контроля и баланса, совокупность которых составляет избирательное законодательство Соединенного Королевства. В таком контексте Суд рассматривал право на свободные выборы, защищенное статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции. Суд указал, что свобода выражения мнения и свободные выборы, в особенности свобода политических дискуссий, в совокупности составляют основу любой демократической системы, и что эти два права находятся во взаимосвязи и "работают" на укрепление друг друга. Он также признал, что, при поиске равновесия между этими двумя правами, Договаривающиеся Государства наделены определенными пределами усмотрения, которыми они обычно и пользуются для организации их избирательных систем. Мы полностью присоединяемся к этому аналитическому высказыванию Суда (см. п.п. 41-43 постановления).

5. Несомненно, что ограничения на расходы по избирательной кампании поддерживают "равенство оружия" кандидатов, - наиболее важный принцип в демократических обществах и в процессе выборов. Поскольку пункт 76 Акта-1983 налагает ограничения на расходы кандидатов таким образом, чтобы состоятельные кандидаты не имели несправедливого перевеса, должны иметься и ограничения для других, - таких, как состоятельные сторонники или группы поддержки,

- препятствующие им расходовать деньги в целях создания преимущества для одного кандидата или воспрепятствования избранию другого, поскольку публикация неблагоприятной для кандидата информации может остаться без ответа в связи с ограничением на денежную сумму, которую кандидату позволено расходовать (см. п. 18 постановления).

6. Ограничение, налагаемое п. 75, *inter alia*, было направлено на то, чтобы оградить кандидатов от давления со стороны различных групп. Это ограничение является узким по своей сути и не представляет собой общего препятствия для выражения взглядов групп, интересы которых сосредоточены на одной проблеме, поскольку существует несколько альтернативных способов для выражения их взглядов и убеждений относительно какой-либо конкретной проблемы. Они могут распространять листовки с целью информирования электората, если не продвигают какого-либо конкретного кандидата или не выступают против него. Это ограничение, которое находится в пределах усмотрения Государства, должно рассматриваться как часть общей сбалансированной демократической системы выборов.

7. Комиссия посчитала (пункт 39 ее отчета), что п. 75 " может ... рассматриваться как преследующая законную цель защиты прав других, а именно кандидатов и избирателей в конкретных округах". Суд счел очевидным, что цель п. 75, особенно взятого в контексте других детализированных положений Акта-1983 о расходовании средств в период выборов, - это внесение вклада в обеспечение равенства кандидатов. Таким образом, как и Комиссия, он пришел к заключению, что применение этого закона к г-же Боуман преследовало законную цель защиты прав других, а именно баллотирующихся кандидатов и электората в Галифаксе, - и, в той степени, в какой уголовное преследование должно было оказать сдерживающее действие, в других округах Соединенного Королевства (см. п. 38 постановления). Мы согласны с этим заключением.

8. Наше расхождение во мнении ограничивается заключением Суда в п. 47 о том, что п. 75 фактически полностью лишил г-жу Боуман возможности опубликовать информацию с целью оказать на избирателей Галифакса влияние в пользу кандидата - противника абортот. Мы также не согласны с его заключением о том, что он не считает необходимым ограничение затрат заявительницы 5 фунтами стерлингов для достижения законной цели обеспечения равенства между кандидатами, в особенности ввиду того, что не было наложено каких-либо ограничений ни на свободу прессы при публикации материалов с целью поддержки или воспрепятствования избранию кандидата, ни на политические партии и их сторонников при оплате агитации на национальном или региональном уровнях, если они не пытались способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в каком-либо конкретном избирательном округе. Из этого следует наше несогласие с заключением Суда о том, что рассматриваемое ограничение не было пропорционально преследуемой цели и явилось нарушением статьи 10 Конвенции.

9. Как мы считаем, п. 75, взятый в контексте всех положений Акта, не может рассматриваться как фактор, полностью лишивший г-жу Боуман возможности опубликовать информацию по вопросам, к которым она желала привлечь внимание. Как указано выше, существует несколько других способов для выражения своих убеждений и доведения их до им внимания электората без того, чтобы поддерживать какого-либо конкретного кандидата в конкретном округе или противодействовать ему. Это ограничение, которое должно рассматриваться в свете всей совокупности избирательной системы, основанной на представлении кандидатов в округах, было частичным и, кроме того, лимитированным во времени на период от четырех до шести недель до выборов.

10. Для определения необходимости вмешательства государства-участники Конвенции наделены пределами усмотрения, и задача Суда заключается в том, чтобы рассмотреть оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить, было ли оно "пропорционально законной преследуемой цели" и были ли аргументы, приведенные национальными властями для обоснования этого вмешательства, "уместными и достаточными" (см. постановления по делам "Санди Таймс против Соединенного Королевства" (№ 2) ("Sunday Times v. the United Kingdom" (no. 2)) от 26 ноября 1991 года, Серия А, № 217, стр. 29, п. 50; "Вогт против Германии" ("Vogt v. Germany") от 26 сентября 1995 года, Серия А, № 323, стр. 26, п. 52; и "Гудвин против Соединенного Королевства" ("Goodwin v. the United Kingdom") от 27 марта 1996 года, "Отчеты о решениях", 1996-II, стр. 500-01, п. 40.

11. В связи с вышеприведенными причинами, мы пришли к выводу, что не было какого-либо нарушения статьи 10 Конвенции. Ограничение, налагаемое пунктом 75 Акта, является пропорциональным, и сфера его действия не более широка, чем это необходимо в демократическом обществе для достижения законной цели, определенной судом, и находится в пределах усмотрения Соединенного Королевства.

12. Мы приходим к этому заключению, в частности, потому, что данное ограничение - это часть совокупной демократической системы выборов, предусматривающей средства контроля и баланса, направленные против превышения установленных рамок для расходования средств. Оно предполагает "равенство оружия" кандидатов; оно защищает кандидатов от давления со стороны различных групп - и, следовательно, предпочтения таких групп действовать в избирательных округах с предельными результатами, - и гарантирует их независимость; оно не запрещает расходование денег для продвижения общей тенденции, если это делается без намерения способствовать или нанести ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата; оно уравнивает лимиты, установленные для кандидатов; оно ограничено во времени. По нашему мнению, вышеупомянутые причины, приведенные Правительством-ответчиком для обоснования данного ограничения, являются "уместными и достаточными".

Особое мнение сэра Джона Фриланда, разделенное г-ном Левицем.

1. Я не могу согласиться с заключением большинства, что в данном деле имелось вмешательство в право г-жи Боуман на свободу выражения мнения за пределами того, что является "необходимым в демократическом обществе".

2. Одной из необходимых основ демократического общества является система, обеспечивающая свободное и справедливое проведение парламентских выборов. Действительно, статья 3 Протокола № 1 к Конвенции требует, чтобы свободные выборы, ответственность за проведение которых берут на себя Высокие Договаривающиеся стороны, происходили "при условиях, обеспечивающих людям свободу выражения мнения при выборе законодательных органов". В своем постановлении от 2 марта 1987 года по делу "Мэтью-Мохин и Клерфайт против Бельгии" (Серия А, № 113, стр. 22, п. 47) Суд признал, что, поскольку в статье "закреплен характерный принцип демократии", эта статья обладает "первоочередной значимостью в системе Конвенции".

3. В этом же постановлении, Суд признал (на стр. 24, п. 54) что "Договаривающиеся Государства обладают широкими пределами усмотрения" в отношении выбора типа избирательных систем, - добавив, что такие системы "стремятся достичь целей, с трудом совместимых друг с другом: с одной стороны, отражать справедливо и верно мнения людей, а с другой - направлять течение

мысли, способствуя появлению достаточно ясной и последовательной политической воли". То, что избирательные системы в Договаривающихся Государствах в очень большой степени отличаются друг от друга, неудивительно, если принять во внимание степень влияния на них национальных особенностей и истории.

4. В Соединенном Королевстве существует давняя парламентская традиция и избирательная система, которая развивалась в течение многих лет параллельно с меняющимися обстоятельствами (и которая, в отношении того или другого аспекта, остается постоянной темой для общественных дискуссий). "Акт о представительстве народа", после внесения поправок и дополнений, в настоящее время представляет собой детальную систему тщательно сформулированных правил для проведения выборов, отражая обоснованное представление законодательных органов в отношении вопроса наибольшей важности - а именно необходимости обеспечить свободное выражение мнения людей на основании справедливости.

5. Часть этой установленной законом схемы – пункт 75 Акта-1983, в соответствии с которым г-жа Боуман преследовалась по суду (но была оправдана) в 1993 году. Цель этого пункта, взятого в совокупности с п. 76, - обеспечить справедливость для кандидатов на выборах в конкретных округах, ограничивая средства, которые могут расходоваться с целью способствовать или нанести ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата. Ограничения, налагаемые п. 76 на расходы кандидата в ходе предвыборной кампании, могли бы быть неэффективными, если бы не имелось соответствующего ограничения, - такого, как в п. 75, на расходы других лиц в этих целях.

6. Существенная особенность ограничения, предусмотренного п. 75, состоит в том, что он запрещает расходы, превышающие установленную норму, "в целях агитации за кандидата или обеспечения его победы на выборах" (дополнительный акцент: как показывает п. 19 данного постановления, Палата Лордов в деле Люфта истолковала выделенные курсивом слова как включающие в себя также намерение воспрепятствовать избранию конкретного кандидата или кандидатов). Данный пункт не препятствует затратам средств на предоставление фактических материалов или комментариев, предназначенных исключительно для информирования общественности. Для того, чтобы судебное преследование завершилось не в пользу ответчика(-цы), суд присяжных должен полностью убедиться в том, что одной из причин, которые сыграли свою роль в том, чтобы побудить его осуществить эти затраты, было желание ответчика способствовать или нанести ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата (см. выступление Лорда Диплока по делу Люфта, стр. 983, буквы от С до D).

7. От имени г-жи Боуман было заявлено, что, осуществляя затраты на распространение своих листовок, она хотела лишь обнародовать верную с фактической точки зрения информацию, и что она была заинтересована не в том, чтобы способствовать избранию какого-либо конкретного кандидата, а лишь в том, чтобы привлечь внимание к своим собственным убеждениям. Преуспела бы она в защите своих позиций или нет, теперь не может быть известно, если принять во внимание результат судебного преследования в 1993 году (см. п. 14 постановления). Является очевидным, однако, что п. 75 не препятствовал бы ей и ее организации информировать избирателей о своих взглядах на проблему абортов и эмбрионального экспериментирования, или побуждать их задавать кандидатам вопросы на данную тему, если бы ее расходы, понесенные в целях способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата, не превысили установленную норму.

8. В п. 38 постановления Суд считает, что целью п. 75 Акта-1983, в особенности взятого в контексте с другими детализированными положениями о расходовании денежных средств в ходе

предвыборной кампании, очевидно, является внесение вклада в обеспечение равенства между кандидатами. Поэтому он заключает, "что применение этого закона к г-же Боуман преследовало законную цель защиты прав других, а именно кандидатов на выборах и электората в Галифаксе, и, в той степени, в какой уголовное преследование нацелено на сдерживающий эффект на всей территории Соединенного Королевства".

9. Таким образом, из постановления явствует, что Суд признает желательность поддержания справедливости между конкурирующими кандидатами на выборах, - *inter alia*, препятствуя третьим лицам проводить кампании, за пределами финансовых ограничений, за или против конкретного кандидата или расходовать неограниченные суммы денег на распространение материала, который мог бы потребовать ответных расходов из ограниченного бюджета кандидата на выборах. Далее, однако, он придает значение тому факту, что ограничение на расходование средств, закрепленное в пункте 75 Акта-1983, сузило финансовые рамки до 5 фунтов стерлингов. Затем, в п. 47 постановления, утверждается, что п. 75 Акта "фактически полностью лишил г-жу Боуман возможности опубликовать информацию с целью оказать на избирателей Галифакса влияние в пользу кандидата-противника аборт", и говорится, что Суд не был согласен с тем, что существовала необходимость ограничить ее затраты 5 фунтами стерлингов для достижения законной цели обеспечения равенства между кандидатами...".

10. Тем не менее, достижение законной цели обеспечения равенства между кандидатами, конечно же, "работает" больше в пользу сохранения (или даже еще большего сужения) крайне узких рамок, установленных для расходования средств третьими лицами, чем в пользу их расширения (или даже устранения), пока на расходование средств на предвыборную кампанию самими кандидатами наложены такие жесткие ограничения, как в настоящее время. Тем не менее, не поступило предложений предъявить Соединенному Королевству требование, под эгидой Конвенции или как-либо иначе, расширить рамки, которые Парламент посчитал нужным наложить на расходование средств баллотирующимися кандидатами.

11. Пункт 47 постановления также противопоставляет ограничение, установленное п. 75 Акта, отсутствию такового на свободу политических партий и их сторонников оплачивать агитацию на национальном или региональном уровнях, если они не пытаются способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в конкретном избирательном округе, или в отношении средств массовой информации при публикации материалов за или против конкретных кандидатов. Однако, нетрудно понять, почему справедливость на уровне избирательных округов должна рассматриваться как особо важный аспект в целостности избирательного процесса; и у Суда, разумеется, ранее была возможность подчеркнуть особую значимость роли прессы в демократическом обществе (см., например, постановление по делу "Лингенс против Австрии", 8 июля 1986 года, Серия А, № 103, стр. 26, п. 41).

12. По сути, вмешательство в право на свободу выражения мнения сведенное к расходованию средств третьими лицами с целью способствовать или наносить ущерб избирательным возможностям какого-либо конкретного кандидата в конкретном избирательном округе, которое представляет собой применение п. 75, является узким по своему охвату. По моему мнению, оно находится в пределах усмотрения, которые предоставлены Договаривающемуся Государству в решении вопроса о том, что является необходимым, в свете его собственного исторического опыта и текущих обстоятельств, для регулирования должным образом такого основополагающего для демократии процесса, как проведение парламентских выборов (и я добавил бы: как я считаю, существует очевидная необходимость в особенно осторожном подходе, который должен быть принят при вынесении решений на международном уровне в отношении правил, установленных

упрочившимися демократическими парламентами по вопросам, так глубоко связанным с их собственными структурой и действиями).

13. Я также добавил бы, что роль, которую играет давление со стороны групп, преследующих частную цель, в воздействии на общественное мнение и его мобилизации в современных демократических государствах, - как признало Правительство, важна. Но фактор, который Государство может законным образом принимать во внимание при определении способа регулирования избирательного процесса - это степень необходимости при установлении ограничений на финансирование кампаний, преследующих частную цель, в период в парламентских выборах, - для того, чтобы противостоять риску чрезмерных отклонений в ходе основных дискуссий на выборах и "направлять течение мысли, способствуя появлению достаточно ясной и последовательной политической воли" (см. вторую цель, определенную Судом в одном из абзацев постановления по делу "Мэтью-Мохин и Клерфайт", которая указана в п. 3 выше).

14. Наконец, в отношении вопроса о пропорциональности, необходимо отметить, что существование п. 75 не помешало г-же Боуман распространить листовки на территории всего Соединенного Королевства в ходе всеобщих выборов в 1992 году, в том числе 25,000 экземпляров в избирательном округе Галифакс, и что последовавшее за этим уголовное преследование закончилось в ее пользу, пусть даже на техническом основании несоблюдения сроков давности. С учетом еще и этих фактов, степень вмешательства в ее право на свободу выражения мнения не должна быть преувеличена.

15. Несмотря на то, что по другим пунктам я согласен с мнением большинства, ввиду вышеупомянутых причин я не считаю, что в данном деле имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ГАВЕНДА ПРОТИВ ПОЛЬШИ "
(Gaweda v. Poland)**

(жалоба № 26229/95)

Постановление Суда
Страсбург, 14 марта 2002 года

Тема: государственное регулирование прессы

Подтема: регистрация СМИ

Критерий: предписано законом, необходимость в демократическом обществе

Санкция: превентивная мера - отказ в регистрации СМИ

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека; Польша

Вмешательство: польские суды отказали заявителю в регистрации двух периодических изданий, таким образом препятствуя их публикации.

Факты:

Польские суды отклонили требование заявителя о регистрации двух периодических изданий, которые он намеревался издавать. По мнению суда, название одного из готовящихся к публикации изданий ввело бы в заблуждение потенциальных читателей, в то время как название другого было бы пагубным для международных отношений. В то время польское законодательство требовало юридической регистрации названий периодических изданий до их публикации. В обоих случаях суд предложил заявителю возможность изменить названия таким образом, с тем, чтобы периодические издания могли издаваться. Заявитель отказался сделать это. Апелляции заявителя по обоим решениям были отклонены.

Решено: отказы в регистрации составили вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения в рамках статьи 10. Основной рассматриваемый вопрос - было ли вмешательство "предписано законом".

"Предписано законом":

В отношении критерия было ли вмешательство "предписано законом" Суд высказал следующее:

«[О]дно из требований, вытекающих из выражения "предписано законом" является предсказуемость меры, о которой идет речь. Норма не может быть расценена как "закон", если не сформулирована с достаточной точностью для того, чтобы позволить гражданину соизмерять свое поведение, - чтобы он мог, пользуясь соответствующей консультацией, если это необходимо, - предвидеть

степень, которая является разумной в сложившейся ситуации, последствий, которые данное действие может повлечь за собой... (п. 39)

[С]оответствующий закон должен предписывать ясное указание на обстоятельства, когда такие ограничения допустимы, и, более того, когда последствия ограничения, как в данном случае, должны полностью блокировать публикацию периодических изданий. Это так, ввиду потенциальной угрозы, которую предварительные ограничения, по самой своей сути, представляют для свободы выражения мнения, гарантируемой статьей 10» (п. 40).

Польские суды допустили ошибку, истолковав норму национального законодательства так, что якобы закон дает им полномочия отказывать в регистрации периодических печатных изданий в том случае, когда название не удовлетворяет критерию достоверности. Суд пришел к заключению, что эта интерпретация создавала неоднозначную, допускающую двойное толкование норму:

«... требовать, чтобы в названии журнала была воплощена правдивая информации... недопустимо с точки зрения свободы печати. Название периодических изданий - не утверждение как таковое, поскольку, по существу, его функция - идентифицировать данное периодическое издание на рынке прессы для его фактических и предполагаемых читателей» (п. 43).

Соответственно, Суд заключил, что закон не обладал достаточной степенью точности, чтобы дать заявителю возможность регулировать свое поведение, и поэтому вмешательство в права заявителя на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 не было "предписано законом". Тот факт, что система регистрации контролировалась судами, не уменьшал степень нарушения по своей сути:

«[Ю]ридический характер системы регистрации - это значимая гарантия свободы печати. Однако, решения, выносимые национальными судами в этой области, должны также соответствовать принципам статьи 10. Суд считает, что в данном случае это, само по себе, не удержало суды от наложения предварительного ограничения на выход печатных СМИ, - в такой форме, что это ограничение повлекло за собой запрет на публикацию периодических изданий в полном объеме в связи с их названиями» (п. 47).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Европейской Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО "ГАВЕНДА ПРОТИВ ПОЛЬШИ"**(Gaweda v. Poland)**

(жалоба № 26229/95)

Постановление Суда

Страсбург, 14 марта 2002 года

По делу "Гавенда против Польши" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседающий как Палата в составе следующих судей:

г-жа Е. Палм, *Председатель*,
г-жа В. Томассен,
г-н Гаукур Джорундссон,
г-н Е. Макарчик,
г-н Р. Тюрмен,
г-н Ж. Кассадевал,
г-н Б. Зупанчич, *судьи*,

а также г-н М. О'Бойл, *Секретарь Секции*,

Проведя 21 февраля 2002 года закрытое заседание;

Вынес следующее постановление, принятое в вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд в соответствии с условиями, применяемыми до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция")¹, Европейской Комиссией по правам человека ("Комиссия", 17 мая 1999 года (п. 4 статьи 5 Протокола № 11 и ранее существовавшие статьи 47 и 48 Конвенции)).
2. Дело было возбуждено по заявлению (№ 26229/95) в отношении Республики Польша, направленному в Комиссию в соответствии с ранее существовавшей статьей 25 Конвенции гражданином Польши Йозефом Гавендой ("заявителем") 30 января 1994 года.
3. Заявитель, в частности, утверждал, что польские суды отказались регистрировать названия двух периодических изданий, тем самым препятствуя реализации его права на публикацию.
4. 15 января 1996 года Комиссия объявила заявление частично приемлемым. В сообщении от 4 декабря 1998 года (ранее существовавшая статья 31 Конвенции), она выразила мнение, 25 голосами против 1, о том, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

¹ Примечание Секретаря. Протокол № 11 вступил в силу 1 ноября 1998 года.

5. Интересы заявителя в Суде представлял г-н Венчислав Гжиб - адвокат, практикующий в Живеке. Правительство Польши ("Правительство") было представлено его Уполномоченным, г-ном Кшиштофом Джевицкий, из Министерства иностранных дел. 31 марта 1999 года коллегия Большой Палаты решила, что дело должно быть рассмотрено одной из Секций (п. 1 Правила 100 Правил Суда). Таким образом, дело было направлено в Первую Секцию. В рамках этой Секции, дело рассматривалось Палатой (п. 1 статьи 27 Конвенции), которая была сформирована в соответствии с п. 1 Правила 26 Правил Суда.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. 9 сентября 1993 года Региональный Суд Бельско-Бялы отклонил просьбу заявителя о регистрации названия периодического издания "Общественно-политический Ежемесячник - Европейский Моральный Суд" ("Miesięcznik społeczno-polityczny, europejski sąd moralny"), который должен был издаваться в городе Кенты. Суд посчитал, что, в соответствии с Актом о прессе и Постановлением министра юстиции о регистрации периодических изданий, название периодического издания должно соответствовать его содержанию. Предложенное заявителем название подразумевало бы, что в Кети находится некое учреждение европейского масштаба, что не соответствовало действительности и ввело бы в заблуждение предполагаемых покупателей. Кроме того, предложенное название было бы неадекватным по отношению к фактической важности этого периодического издания и его читателям, поскольку едва ли возможно было предположить, что периодическое издание общеевропейского масштаба могло издаваться в Кети. Суд далее высказал следующее:

"... заявитель упрямо обращается с требованием о регистрации периодических изданий, названия которых предположили бы существование в Кети учреждения международного характера (такие, как "Европейский Моральный Суд" или "Всемирный Суд Нравственности"), а когда суд требует изменить названия, он заявляет, что не будет этого делать."

7. 17 декабря 1993 года Апелляционный суд г. Катовице отклонил апелляцию заявителя в отношении этого решения. Суд заявил, *inter alia*, что в ходе процесса в суде первой инстанции заявитель был проинструктирован по поводу того, что ему необходимо изменить предложенное название, убрав выражение "Европейский Моральный Суд", но он отказался это сделать.

8. Далее заявитель начал процедуру регистрации еще ряда периодических изданий. Ему удалось получить четыре регистрации.

9. 6 мая 1994 года министр юстиции отклонил надзорную жалобу в отношении решения от 17 декабря 1993 года, считая, что оно соответствовало закону.

10. 17 февраля 1994 года Региональный Суд Бельско-Бялы отклонил новую просьбу заявителя о регистрации периодического издания "Германия - тысячелетний враг Польши". Суд отметил, что в ходе процесса 17 февраля 1994 года заявитель, от которого потребовали изменить предложенное название таким образом, чтобы убрать его негативный характер, отказался сделать это. Суд посчитал, что регистрация периодического издания с

предложенным названием будет пагубным для польско-немецкого урегулирования и хороших международных отношений.

11. Заявитель обжаловал это решение, утверждая, что решение суда для него непонятно и может приравниваться к цензуре.

12. 12 апреля 1994 года Апелляционный суд в Катовице поддержал обжалованное решение. Суд высказал свое мнение о том, что название, предложенное заявителем, предполагает неоправданную концентрацию внимания данного периодического издания на отрицательных аспектах польско-немецких отношений. Суд посчитал, что это название не будет соответствовать действительности, и, таким образом, даст искаженную картину соответствующих фактов. Далее Суд счел, что отказ суда низшей инстанции в регистрации на том основании, что название будет пагубным для польско-немецкого урегулирования и хороших международных отношений, был оправданным.

II. Применимое национальное законодательство

13. Статья 20 Акта о прессе от 26 января 1984 года требует регистрации названия периодического издания Региональным Судом как предварительного основания для публикации периодического издания. В заявлении о регистрации должны быть указаны предполагаемое название, адрес редактора, имя и другая личная информация о главном редакторе, название и адрес издательства и информация о том, как часто будет выходить данное периодическое издание. Решение о регистрации должно быть принято в течение тридцати дней с момента, когда заявление о регистрации подано в суд. Суд должен отказать в регистрации, если в заявлении не указаны требуемые данные или если предполагаемое название наносит ущерб праву на защиту названия любого существующего периодического издания. В статье 45 Акта о прессе говорится, что тот, кто выпускает периодическое издание без требуемой регистрации, подлежит штрафу.

14. Статья 23 (а) Акта о прессе уполномочивает Министра юстиции издать постановление, определяющее порядок регистрации прессы.

15. Статья 5 Постановления министра юстиции о регистрации периодических изданий, действующая в данное время, предписывала недопущение к регистрации, если она противоречила действующим нормам и действительности (“sąd nie może zarządzić wpisu do rejestru jeżeli wpis ten byłby niezgodny z obowiązującymi przepisami prawa lub faktycznym stanem rzeczy”).

16. 15 ноября 1997 года в Постановление была внесена поправка, в соответствии с которой статья 5 была отменена.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

17. Заявитель утверждал, что отказ в регистрации названий двух периодических изданий представляет собой нарушение статьи 10 Конвенции, в которой говорится:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия."

А. Доводы, представленные вниманию Суда

18. Правительство сначала подтвердило свое глубокое убеждение в том, что свобода выражения мнения представляет собой одну из принципиальных основ демократического общества. Поэтому любые ограничения, наложенные в этом отношении, должны толковаться узко, а их необходимость должна быть убедительно обоснована.

19. Правительство согласилось с тем, что в данном случае отказы регистрировать названия периодических изданий представляли собой вмешательство в права заявителя в соответствии со статьей 10 Конвенции. Что касается совместимости этого вмешательства с ограничениями, установленными п. 2 той же статьи, в соответствии с которой оно должно быть "предписано законом", Правительство не согласилось с заключением Европейской Комиссии по правам человека о том, что данные внутригосударственные нормативные акты, Акт о Прессе и Постановление, не были сформулированы с точностью, достаточной для заявителя, чтобы соразмерить свое поведение. По его мнению, рассматриваемые законодательные акты были написаны ясно, конкретно, понятно и являются доступными.

20. Далее было подчеркнуто, что система регистрации периодических изданий, как это было установлено законом, применявшимся в данное время, имела правовой характер. Положения и Акты, и Постановления в процессе регистрации периодических изданий толковались и применялись высшими судами. Такая система была введена для гарантии того, что, даже если в толковании возникнут трудности, такого рода проблемы должны были бы решаться независимыми и беспристрастными судами. В этом отношении Правительство обратилось к прецедентному праву Суда в том смысле, что суды наделялись ролью вынесения судебного решения именно для того, чтобы рассеять подобные сомнения по поводу интерпретации (см. постановление по делу "Кантони против Франции" ("Cantoni v. France") от 15 ноября 1996 года (Отчеты 1996-V, стр. 1628, п. 32). Правительство далее напомнило, что юридическое правило пройдет качественную проверку как закон тогда, когда оно является "достаточно ясным в значительном большинстве дел" (п. 31 постановления по делу «Кантони против Франции»). Оно возражало, что в прецедентном праве польских судов в большинстве дел о регистрации не возникало никаких особых проблем в интерпретации.

21. Далее, в объяснении Правительства говорилось, что рассматриваемые нормативные акты позволяли каждому человеку соразмерять свое поведение и, таким образом, предвидеть его

последствия. В данном случае заявитель сам показал, что внутригосударственные законы были достаточно ясны для него, - это доказывает тот факт, что он много раз успешно инициировал процедуры регистрации. Следовательно, нужно принять к сведению, что заявитель обладал адекватным и практическим знанием применяемых законов.

22. Далее оно опиралось на принцип, неоднократно повторяемый Судом: закон должен быть настолько ясным, что любая из сторон процесса "... могла - пользуясь соответствующей консультацией, если это необходимо, - предвидеть степень, которая является разумной в сложившейся ситуации, тех последствий, которые данное действие может повлечь за собой. Нет необходимости прогнозировать такого рода последствия с абсолютной точностью, - опыт показывает, что это возможно" (постановление по делу "Реквеный против Венгрии" ("Rekvényi v. Hungary") [GC], № 25390/94, п. 34, ЕСПЧ 1999-III, стр. 16, п. 34). В данном случае, рассматриваемое законодательство и опыт заявителя позволили последнему соразмерять свое поведение в гораздо большей степени, чем это было в деле "Реквеный против Венгрии".

23. Правительство далее сослалось на статью 5 Постановления, в соответствии с которой регистрация публикации не могла быть осуществлена, если не соответствовала действующим нормам. Оно утверждало, что закон следует рассматривать как целый комплекс правил общего характера. Точная и ясная формулировка юридических норм не обязательно должна достигаться путем чрезмерно казуистичных правил. Каждый раз, когда законодательство требовало от чего-либо соответствовать "действующим юридическим нормам", это следовало понимать так, что речь могла идти о любом потенциально применимом юридическом правиле. Суды вполне могли определить какие именно правила должны быть приняты во внимание в каждом конкретном случае. Поэтому в данном деле не было необходимости в какой-либо ссылке на конкретные правила.

24. Оно согласилось, что некоторые трудности в интерпретации могли бы возникнуть по поводу второго условия регистрации, изложенного в статье 5 Постановления. Это условие состояло в том, что в регистрации могло быть отказано, если она "не соответствовала реальному положению вещей". Правительство отменило статью 5 Постановления именно по этой причине, - чтобы избежать потенциально неверного истолкования.

25. Однако, оно подчеркнуло, что в судебных процессах о регистрации исследование на соответствие действительности тех фактов, на которые полагается заявитель, - это естественная роль судов. Это типичная особенность всех процедур регистрации, например, регистрации рождения, смерти и браков; регистрации ассоциаций, профсоюзов и политических партий. Такие процедуры регистрации обычно требовали от лиц, заинтересованных в регистрации, предоставить определенную информацию, истинность которой подлежала проверке органом регистрации. Юридические ограничения, применяемые в ходе регистрационных процедур, могут быть оправданы, - как, например, в случаях регистрации названий, в общественных интересах (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу "Стьерна против Финляндии" ("Stjerna v. Finland") от 25 ноября 1994 года, Series A, № 229-B, стр. 61, п. 39).

26. Наконец, было подчеркнуто, что заявитель мог бы выпускать свои периодические издания, если бы изменил предложенные названия. Следовательно, отказы в регистрации названий не были равносильны ограничению свободы выражения мнения или цензуре. Это был главным образом вопрос технической регистрации периодических изданий, а не

запрещение распространения или передачи определенных идей. Правительство утверждало, что во всех периодических изданиях, зарегистрированных заявителем, он мог осуществлять и осуществлял свою свободу выражения мнения как автор и как издатель. Процедура регистрации не может также приравниваться к "лицензированию" в пределах значения третьего предложения п. 1 статьи 10 Конвенции.

27. В заключение Правительство высказало мнение, что система регистрации периодических изданий, согласно польскому законодательству, действующему на тот момент, не находилась в резком противоречии с требованиями статьи 10 Конвенции. По мнению Правительства, отказ в регистрации периодических изданий заявителя был не только предусмотрен законом, но также и необходим в демократическом обществе в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и защиты репутации или прав других лиц. Однако, Суд обращает внимание на то, что далее в поддержку этого заключения не приводилось никаких аргументов.

28. Заявитель утверждал, что отказы в регистрации названий периодических изданий "Германия - тысячелетний враг Польши" и "Общественно-политический Ежемесячник - Европейский Моральный Суд" со стороны Регионального Суда Бельско-Бялы и Апелляционного суда в Катовице, несомненно, нарушили статью 10 Конвенции. Решения судов были нарушением польской Конституции, поскольку она гарантирует свободу выражения мнения, а также нарушением применимых положений польского законодательства.

29. Согласно Акту о прессе, названия периодических изданий, так же, как и данных, обозначенных в статье 20 Акта, должны быть внесены в реестр соответствующего ведомства (*ratione locae*) при региональном суде. Статья 5 Постановления министра юстиции, принятого 9 июля 1990 года в соответствии с полномочиями, указанными в статье 23 (а) Акта о прессе, предусматривала отказ в регистрации, если она противоречила действующим нормам или не соответствовала действительности. Заявитель подчеркнул, что формулировка этой нормы выходит за пределы полномочий, которые Акт о прессе предоставил министру для регулирования порядка регистрации прессы посредством постановления. Необходимо также упомянуть о том, что статья 5 была отменена после событий, рассмотренных в данном деле.

30. Заявитель возражал, что даже тогда, когда статья 5 Постановления еще была в силе, все судебные решения, рассматриваемые Судом в рамках данного дела, в любом случае нарушили соответствующие нормы польского законодательства. Это было так, поскольку суды отклонили заявления о регистрации названий на том основании, что они не соответствовали действительности. Однако, в отношении периодического издания "Общественно-политический Ежемесячник - Европейский Моральный Суд", в пределах разумного невозможно было определить, соответствует ли действительности это название, имеющее литературно-метафорический характер, - в пределах значения статьи 5 Постановления. Если бы было принято решение о том, что рассмотрение названия издания возможно с такой точки зрения, это привело бы к таким абсурдным последствиям, что, например, такие периодические издания, как "Шпигель (Зеркало - Der Spiegel)" или "Сан (Солнце - The Sun)" не могли бы издаваться по причине, что на самом деле их авторы не писали о "зеркале" или о "солнце". Что касается другого названия, "Германия - тысячелетний враг Польши", - оно также имело метафорический характер, и, следовательно, было бы невозможно определить, соответствовало ли оно действительности. Это название представляло собой скорее оценочное мнение, чем утверждение о факте, и его цель состояла

в том, чтобы стимулировать мысли и спровоцировать дискуссию в отношении польско-немецких отношений.

31. В итоге заявитель приходит к заключению, что оспариваемые решения явно нарушили статью 10 Европейской Конвенции по правам человека.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

32. Суд повторяет, что свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждой личности (см. постановление по делу "Лингенс против Австрии" ("Lingens v. Austria") от 8 июля 1986 года, Series A, № 103, стр. 26, п. 41). Несмотря на то, что эта свобода подчинена исключениям, они должны толковаться узко и необходимость ограничений должна быть убедительно доказана (см. постановление по делу "Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства" ("Observer and Guardian v. the United Kingdom") от 26 ноября 1991 года, Series A, № 216, стр. 30, п. 59).

33. Являясь предметом для ограничений, установленных в пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. постановления по делам "Хэндисайд против Соединенного Королевства" ("Handyside v. the United Kingdom") от 7 декабря 1976 года, Series A, № 24, стр. 23, п. 49, и "Йерсидл против Дании" ("Jersild v. Denmark") от 23 сентября 1994 года, Series A, № 298, стр. 26, п. 37).

34. Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" ("De Haes and Gijssels v. Belgium") от 24 февраля 1997 года, Отчеты 1997-I, стр. 233-234, п. 37). Помимо того, что передавать такую информацию и идеи - задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль "сторожевого пса общества" (см. постановления по делам "Торгер Торгерсон против Исландии" ("Thorgeir Thorgeirson v. Iceland") от 25 июня 1992 г., Series A, № 239, стр. 28, п. 63; "Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии" ("Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway") [GC], № 21980/93, п. 62, ЕСПЧ 1999-III).

Статья 10 защищает не только содержание идей и изложенной информации, но также и форму, в которой они переданы (см. постановление по делу "Обершлик против Австрии" ("Oberschlick v. Austria") от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, стр. 25, п. 57). Журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановления по делам "Прагер и Обершлик против Австрии" ("Prager and Oberschlick v. Austria") от 26 апреля 1995 года, Series A, № 313, стр. 19, п. 38; "Тома против Люксембурга" ("Thoma v. Luxembourg"), № 38432/97, п. 43-45).

35. Наконец, Суд напоминает, что текст статьи 10 Конвенции не содержит прямого запрета на наложение предварительных ограничений на публикации. Однако опасность, коренящаяся в предварительных ограничениях, такова, что они требуют самого пристального внимания (см. постановление по делу "Обзервер и Гардиан" против Соединенного Королевства" от 26 ноября 1991 года, Series A, № 216, стр. 30, п. 60).

2. Применение этих принципов к данному делу

36. Во-первых, Суд делает вывод, что в соответствии с польским законодательством отказ суда зарегистрировать название периодического издания равносителен отказу издавать его.

37. Следовательно, Суд полагает, что обжалуемые отказы в регистрации являются вмешательством в право заявителя, гарантируемое статьей 10 Конвенции. Такое вмешательство влечет за собой нарушение данного права, если не доказано, что оно было "предписано законом", преследовало одну или более законных целей, как указано в п. 2, и было "необходимо в демократическом обществе".

38. Вначале необходимо рассмотреть, было ли обжалуемое ограничение "предписано законом".

39. Суд напоминает, что одно из требований, вытекающих из выражения "предписано законом", является предсказуемость меры, о которой идет речь. Норма не может быть расценена как "закон", если она не сформулирована с достаточной точностью для того, чтобы позволить гражданину соизмерять свое поведение, - чтобы он мог, - пользуясь соответствующей консультацией, если это необходимо, - предвидеть разумную в данной ситуации степень последствий, которые данное действие может повлечь за собой (см., например, постановления по делам "Реквеный против Венгрии" [GC], № 25390/94, п. 34, ЕСПЧ 1999-III, стр. 16, п. 34; "Фелдек против Словакии" ("Feldek v. Slovakia"), № 29032/93, п. 56).

40. Суд полагает, что, хотя в формулировке статьи 10 Конвенции нет запрета на наложение предварительных ограничений на публикации (см. п. 35 выше), соответствующий закон должен предусматривать ясное указание на обстоятельства, когда такие ограничения допустимы, и, более того, когда последствия ограничения, как в данном случае, полностью блокируют выход периодических изданий. Это так, ввиду потенциальной угрозы, которую предварительные ограничения, по самой своей сути, представляют для свободы выражения мнения, гарантируемой статьей 10.

41. В данном случае система регистрации периодических изданий регулируется Актом о Прессе, вышедшим в 1984 года. В соответствии со статьей 20 этого Акта, суд может отказать в регистрации только в том случае, если он устанавливает, что заявление о регистрации не содержит требуемую информацию о предполагаемом периодическом издании. Во-вторых, в регистрации может также быть отказано, если суд находит, что это нарушило бы право на защиту права на название любых существующих периодических изданий. Статья 5 применяемого в то время Постановления о регистрации периодических изданий предписывала, что регистрация недопустима, если она противоречит действующим нормам или "противоречит действительности".

42. Отказывая заявителю в регистрации двух периодических изданий, суды по существу полагались на статью 5 Постановления, содержащей требование, чтобы в регистрации было отказано, если она "противоречит действительности". В своем решении от 9 сентября 1993 года Региональный Суд Бельско-Бялы отказал в регистрации, посчитав, что предложенное название предполагает существование общеевропейского учреждения в городе Кети, - что, конечно же, было не так. 17 февраля 1994 года, в своем следующем решении, рассматриваемом в рамках данного дела, суд счел, что регистрация периодического издания под названием "Германия - тысячелетний враг Польши" не будет соответствовать действительности, поскольку оно неоправданно концентрирует внимание на негативных аспектах польско-немецких отношений и таким образом дает неадекватную картину фактов.

43. Из изложенного выше ясно, что суды в данном случае вывели из понятия "противоречит действительности", предусмотренного статьей 5 Постановления, возможность отказать в регистрации, когда они находят, что название не удовлетворяет критерию достоверности, - то есть, предлагаемые названия периодических изданий создают по существу ложную картину. Поскольку формулировки, используемые в этой части, неоднозначны и не обладают той степенью ясности, которую следует ожидать от юридической нормы такого характера, самое большее, что они предполагают, - это то, что в регистрации может быть отказано, так как заявление о регистрации не соответствует техническим деталям, указанным в статье 20 Акта о прессе. Выходить за эти рамки, как сделали суды в данном случае, и требовать, чтобы в названии журнала была воплощена правдивая информация, в первую очередь, недопустимо с точки зрения свободы печати. Название периодических изданий - не утверждение как таковое, поскольку его функция, по существу, заключается в том, чтобы идентифицировать данное периодическое издание на рынке прессы для его фактических и предполагаемых читателей. Во-вторых, такая интерпретация требовала бы законодательной нормы, которая бы однозначно наделяла бы суды правом поступать таким образом. Одним словом, интерпретация, данная судами, внесла новые критерии, которые нельзя было предвидеть на основании текста, определяющего ситуацию, при которой в регистрации названия может быть отказано.

44. Далее, Суд также обращает внимания на аргумент Правительства о том, что юридическая норма может пройти качественный тест, если эта норма является достаточно ясной в большинстве случаев рассмотренных внутригосударственными органами. Далее, Правительство также возражало, что в прецедентном праве польских судов в большинстве дел о регистрации не возникало никаких особых проблем с интерпретацией.

45. Однако, задача Суда заключается только в том, чтобы оценить обстоятельства конкретного дела при его рассмотрении. Суд счел, что предыдущие интерпретации этой нормы не предусматривали основания для подхода, принятого судами в данном деле. Кроме того, по мнению Суда, тот факт, что прецедентное право польских судов в отношении регистрации печатных изданий не обнаруживало особых трудностей в интерпретации данных норм, только подчеркивает недостаточную степень прогнозируемости интерпретации, данной судами в настоящем деле.

46. Наконец, Суд также обращает внимание на аргумент Правительства по поводу того особого обстоятельства, что система регистрации периодических изданий, предусмотренная Актом о прессе, носила правовой характер (см. п. 20 выше). Поэтому регистрация периодических изданий была отдана в компетенцию независимых судов.

47. Суд подтверждает, что юридический характер системы регистрации - это значимая гарантия свободы печати. Однако, решения, выносимые национальными судами в этой области, должны также соответствовать принципам статьи 10. Суд считает, что в данном случае это, само по себе, не удержало суды от наложения предварительного ограничения на выход печатных СМИ, - в такой форме, что это ограничение повлекло за собой запрет на публикацию периодических изданий в полном объеме в связи с их названиями.

48. Суд приходит к выводу, что закон, применяемый в данном деле, не был сформулирован с точностью, достаточной для того, чтобы позволить заявителю соизмерять свое поведение. Поэтому порядок, с помощью которого были наложены ограничения на осуществление заявителем его свободы выражения мнения, не был "предписан законом" в пределах значения п. 2 статьи 10 Конвенции.

49. В свете вышеизложенного, Суд не считает необходимым выяснять, были ли удовлетворены другие требования, установленные в п. 2 статьи 10 Конвенции. В этом отношении Суд также обращает внимание на то, что, в любом случае, Правительство не развило свою аргументацию в поддержку того, что в данном деле эти требования были выполнены (см. п. 29 выше).

50. Таким образом, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

51. В статье 41 Конвенции говорится:

"В случае, если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне."

A. Ущерб

52. Заявитель утверждал, что в 1993 году у него уже был широкий опыт как издателя газет. В период с 1992 до 1994 годы две издательские компании "Фактор" (Faktor) и "Гавенда" (Gawęda), которые находились под его руководством, провели маркетинговое исследование, в результате которого был сделан вывод о том, что до 80 процентов опрошенных хотели покупать незарегистрированные периодические издания. В данных периодических изданиях заявитель также намеревался рекламировать названия других печатных изданий, издаваемых или планируемых им для издания. Он планировал тираж обоих журналов по 400,000 экземпляров в месяц и ожидал будущую прибыль в размере 4,000,000 евро. Заявитель потребовал справедливого удовлетворения в размере 10 процентов от суммы, оцененной как его будущая прибыль, то есть 400,000 евро.

53. Правительство утверждало, что требования заявителя были более чем чрезмерны и что ущерб, понесенный заявителем, если таковой вообще был, должен быть оценен с позиций соответствующего прецедентного права по делам, возбужденным в отношении Польши, - при

этом должны быть приняты во внимание национальные экономические реалии, в частности покупательная способность минимальной заработной платы до удержания налогов.

54. Суд обращает внимание, что требование заявителя о компенсации денежного ущерба основано на предполагаемых потерях возможностей в бизнесе. Суд не может предполагать размер прибыли, которую заявитель мог бы получить от публикации периодических изданий, которые не были зарегистрированы. Далее он отмечает невозможность точно соизмерить, на основе аргументов, представленных заявителем в поддержку его требования о справедливом удовлетворении, потерю прибыли, понесенной в связи с этим.

Однако Суд не исключает, что заявитель, возможно, действительно утратил некоторые возможности, что должно быть принято во внимание (см. постановление по делу "Озтюрк против Турции" ("Oztürk v. Turkey"), № 22479/93, п. 80). Оценивая это на равноправном основании и в свете всей информации, которой он располагает, Суд предоставляет заявителю компенсацию в размере 10,000 польских злотых по этому пункту.

В. Затраты и издержки

55. Заявитель запрашивал компенсацию судебных издержек, понесенных в ходе процесса, в размере 30,000 польских злотых.

56. Правительство просило Суд вынести решение в части компенсации судебных затрат и издержек в разумном размере исходя из того, что, они были неизбежно понесены. В этом отношении оно полагалось на постановление по делу "Циммерман и Штайнер против Швейцарии" ("Zimmerman and Steiner v. Switzerland") от 13 июля 1983 года (Series A, № 66, стр. 35, п. 36).

57. Суд, вынося решение на равноправном основании, присуждает заявителю сумму в 6,000 польских злотых, плюс любой размер НДС, который может подлежать уплате.

С. Пеня

58. Согласно информации, которой располагает Суд, официальная норма пени, применяемая в Польше во время принятия данного судебного постановления, - 20 % годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

(а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю, в трехмесячный срок, следующие денежные суммы, вместе с налогом на добавленную стоимость, который может подлежать уплате:

(i) 10,000 (десять тысяч) польских злотых в качестве компенсации морального ущерба;

(ii) 6,000 (шесть тысяч) польских злотых в качестве компенсации затрат и издержек;

(b) что пеня по ежегодной норме 20 % должна быть выплачена по истечении вышеупомянутых трех месяцев до урегулирования;

Отклоняет остальные требования заявителя о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском языке и оглашено в письменной форме 14 марта 2002 года, в соответствии с п.п. 2 и 3 Правила 77 Правил Суда.

Елизабет Палм
Майкл О'Бойл

Председатель
Секретарь

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ
© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

Краткое изложение дела

ДЕЛО "ДАЛБАН ПРОТИВ РУМЫНИИ" (Dalban v. Romania)

(жалоба № 28114/95)

Постановление Суда

Страсбург, 28 сентября 1999 года

Тема: Диффамация

Подтема: Уголовно наказуемая диффамация (клевета), способы защиты в деле о диффамации

Критерий: Важность свободы выражения мнения

Санкция: осуждение в уголовно-правовом порядке (лишение свободы, штраф, лишение права заниматься журналистской деятельностью)

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Румыния

Вмешательство: Заявительница была вдовой журналиста, осужденного за диффамацию в уголовном порядке, за статью, в которой политический деятель, высокопоставленное должностное лицо, обвинялся в мошенничестве.

Факты:

Заявительница была вдовой журналиста, г-на Далбана. Далбан написал и опубликовал несколько статей в местном издании, редактором которого являлся; в статьях утверждалось о совершении мошенничества Г.С. (G. S.), руководителем государственной сельскохозяйственной компании. Кроме того, Далбан утверждал о должностных злоупотреблениях в личных целях сенатора Р.Т. (R.T.), который также входил в руководство этой компании. Далбан был осужден за клевету в уголовном порядке, в отношении него был вынесен условный приговор, предписывающий оплатить все издержки и запрещающий ему осуществление его профессиональной деятельности на определенное время. В результате апелляции, запрет был аннулирован. В результате протеста Генерального прокурора, Верховный Суд снял с Далбана все обвинения в отношении Г.С. (G.S) на основании того, что он действовал добросовестно. Что касается клеветы в адрес Р.Т. (R.T.), Верховный Суд, несмотря на то, что признал осуждение Далбана обоснованным, отменил обвинительный приговор в отношении него и прекратил дело ввиду его смерти. Как вдова Далбана, заявительница возобновила дело, подав в Европейскую Комиссию по правам человека жалобу на нарушении Статьи 10, с целью получения справедливой компенсации.

Решено:

Имело место вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения со стороны органов государственной власти; оно было "предписано законом" и "преследовало законную цель", а именно защиту прав других лиц. По поводу вопроса о необходимости вмешательства в демократическом обществе Суд отметил, что рассматриваемые статьи затрагивали темы, представляющие собой общественный интерес, а именно распоряжение государственными средствами и то, как политические деятели выполняют свои обязанности.

Важность свободы выражения мнения

Суд отметил важность роли прессы в демократическом обществе. Хотя она и не должна претупать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Журналистская свобода предполагает некоторую долю преувеличения или даже провокации. Пределы усмотрения, предоставленные национальным властям, ограничены заинтересованностью демократического общества в том, чтобы обеспечить прессе выполнение ее функции "сторожевого пса общества" и распространять информацию, представляющую серьезный общественный интерес. Суд далее заявил:

«Неприемлема ситуация, в которой журналист не может высказывать критические оценочные суждения, соответствие которых действительности он не может доказать» (п. 49).

Средства защита по делам о диффамации

Журналистам не должны препятствовать в высказывании критических оценочных суждений, истинность которых он или она не в состоянии доказать. Не было доказано, что утверждения Далбана не соответствовали действительности и были высказаны с целью развернуть диффамационную кампанию против Г.С. (G.S.) и сенатора Р.Т. (R.T.). Правительство не оспаривало вывод Комиссии о том, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. Суд заключил, что осуждение Далбана в уголовном порядке и обвинительный приговор в отношении него представляет собой непропорциональное вмешательство в осуществление им как журналистом свободы выражения мнения.

В связи с этим делом была поднята важная проблема о статусе жертвы заявителя в отношении права на свободу выражения мнения. Суд отметил, что решение, благоприятное для заявителя, в принципе не является достаточным, чтобы лишить его статуса жертвы, если национальные власти не признали открыто или по сути нарушения Конвенции и не представили затем компенсацию за это допущенное ими нарушение. Отмена Верховным Судом обвинительного приговора в отношении Далбана на том основании, что он действовал добросовестно, основываясь на официальных документах относительно Г.С. (G.S.), может быть расценена как признание, по сути, того, что право на свободу выражения мнения было незаконно ограничено. Однако, Верховный Суд (государственные власти) не обеспечил адекватной компенсации. Что касается вывода Верховного Суда в отношении сенатора Р.Т. (R.T.), - заключение о том, что осуждение Далбана было обоснованным, и решение прекратить дело в связи со смертью последнего, никоим образом не является утверждением того, что имело место нарушение Статьи 10.

Таким образом, было установлено нарушение статьи 10 Конвенции в данном деле.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО «ДАЛБАН ПРОТИВ РУМЫНИИ»**(Dalban v. Romania)**(жалоба № 28114/95)¹**Постановление Суда**
Страсбург, 29 сентября 1999 г.

По делу "Далбан против Румынии" Европейский суд по правам человека, заседая Большой Палатой (см. статью 27 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в редакции Протокола №11² и соответствующие положения Регламента Суда³) в составе:

Л. Вильдхабер, *Председатель*,
А. Пасто Ридройхо,
Л. Феррари Браво,
Е. Макарчик,
П. Курис,
Р. Тюрмен,
Ж.-П. Коста,
Ф. Тюлькенз,
В. Стражнецка,
М. Фишбах,
В. Буткевич,
Х.С. Грeve,
А. Бака,
Р. Марусте,
Е. Левитс,
С. Ботугарова, *судья*,
Р. Бештелиу, *судья ad hoc*

а также П. Махони, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 8 января и 24 июня 1999 года закрытые заседания,

Вынес 9 сентября 1999 года следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд, образованный в соответствии со статьей 19 Конвенции⁴ (в ее прежней редакции), Европейской Комиссией по правам человека (далее – Комиссия) 27 апреля 1998 года и Еленой Далбан (Elena Dalban) (вдовой заявителя, умершего 13 марта 1998 года) 5 мая 1998 года – в течение трехмесячного срока, предусмотренного п. 1 статьи 32 и бывшей статьей 47 Конвенции. Первоначально жалоба (№ 28114/95) против Румынии была

¹ Перевод Д. Мокина.

² Протокол № 11 вступил в силу 1 ноября 1998 года.

³ Регламент Суда вступил в силу 1 ноября 1998 года.

⁴ С момента вступления в силу Протокола № 11, в соответствии которым изменена статья 19, Суд функционирует на постоянной основе.

подана румынским гражданином Ионелом Далбаном (Ionel Dalban) 20 апреля 1995 года в Комиссию в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции.

Из практических соображений в данном Постановлении "заявителем" будет называться И. Далбан, хотя в качестве такового выступает его жена (см. постановление Европейского Суда по делу "Ахмед Садик против Греции» («Ahmet Sadik v. Greece») от 15 ноября 1996 года, Reports 1996-V, p. 1641, п. 3).

Запрос Комиссии содержал ссылки на статьи 44 и 48 Конвенции (прежняя редакция), текст которых был изменен ратифицированным Румынией Протоколом № 9⁵, а также на декларацию, которой Румыния признавала обязательную юрисдикцию Суда (статья 46 прежней редакции). Целью запроса и жалобы заявителя являлось получение решения относительно того, обнаруживают ли обстоятельства дела нарушение государством-ответчиком своих обязательств по п. 1 статьи 6 и статье 10 Конвенции.

2. Елена Далбан назначила члена коллегии адвокатов Бакэу (Vcau) И. Попа (I. Popa) в качестве адвоката, представляющего ее интересы (п. 2 Правила 31 старого Регламента Суда В⁶). Являвшийся в то время Заместителем Председателя Суда Тор Вильямсон разрешил И. Попу использовать румынский язык и процедуре представления письменных материалов.

3. Действующий от имени Тора Вильямсона, Председателя Палаты, которая была первоначально образована (бывшая статья 43 Конвенции и правило 2 прежней редакции Регламента Суда), в частности для того, чтобы рассматривать процессуальные вопросы, которые могли возникнуть до момента вступления в силу Протокола № 11, Секретарь Суда уведомил уполномоченного государства-ответчика А. Чиобану-Дордеа (Ciobanu Dordea), адвоката заявителя и представителя Европейской Комиссии по правам человека К. Бырсана (C. Birsan) об организации процедуры письменного производства.

4. После вступления в силу 1 ноября 1998 года Протокола №11 и в соответствии с положениями п. 5 статьи 5 данного Протокола дело было передано в Большую Палату Суда. Большая Палата включала (*ex officio*) судью, избранного от Румынии, – К. Бырсана (п. 2 статьи 27 Конвенции и п. 4 Правила 24 Регламента Суда), Председателя Суда Л. Вильдхабера, заместителя Председателя Суда Э. Пальм, заместителей председателей Секций (п. 3 статьи 27 Конвенции и п.п. 3 и 5 (а) статьи 24) Ж.-П. Коста и М. Фишбаха. Остальными членами, назначенными для завершения формирования Большой Палаты, являлись А. Пасто Ридройхо, Л. Феррари Браво, Е. Макарчик, П. Курис, Р. Тюрмен, Ф. Тюлькенз, В. Стражнецка, В. Буткевич, "С. Грев, А. Бака, Р. Марусте и С. Ботугарова.

Впоследствии принимавший участие и рассмотрении дела Комиссией К. Бырсан отказался от участия в заседании Большой Палаты (Правило 28 Регламента Суда), и государство-ответчик назначило для участия в заседании в качестве судьи *ad hoc* Р. Бештелиу (п. 2 статьи 27 Конвенции и п. 1 правила 29 Регламента Суда).

5. Председатель принял решение не предлагать Комиссии уполномочивать своих членов принять участие в рассмотрении дела в Большой Палате (Правило 99 Регламента Суда).

6. После консультаций с Уполномоченным государства-ответчика при Европейском Суде и адвокатом Е. Далбан Большая Палата приняла решение не проводить публичных слушаний по делу.

⁵ Протокол № 9 вступил в силу 1 октября 1994 года и прекратил свое действие с даты вступления в силу Протокола №11

⁶ Вступивший в силу 2 октября 1994 года Регламент Суда В применялся до 31 октября 1998 года в отношении всех дел, касающихся государств, связанных положениями Протокола № 9.

7. Секретарь Суда получил дополнительные меморандумы заявителя 16 декабря 1998 года, государства-ответчика – 22 декабря 1998 года. Власти Румынии просили Суд приостановить производство по делу вплоть до вынесения постановления Верховным Судом Румынии по протесту Генерального прокурора на решение о признании заявителя виновным и оставляющее решение без изменений по его апелляции.

8. Впоследствии судья Бонелло, который не смог принять участие в дальнейшем рассмотрении дела, был заменен запасным судьей Е. Левитсом (п. 5 (b) правила 24 Регламента Суда).

9. 8 января 1999 года Большая Палата приняла решение приостановить производство по делу.

10. 21 мая 1999 года Секретарь Суда через нового Уполномоченного государства-ответчика при Европейском Суде К.-Л. Попеску (С.-Л. Popescu) получил копию постановления Верховного Суда Румынии от 2 марта 1999 года. По запросу Председателя Европейского Суда заявитель и государство-ответчик 6 мая и 1 июня 1999 года соответственно представили свои меморандумы в отношении этого постановления.

11. Впоследствии судья Э. Пальм, которая не смогла принять участие в дальнейшем рассмотрении дела, была заменена запасным судьей Л. Феррари Браво (п. 5 (b) правила 24 Регламента Суда).

ФАКТЫ

1. Обстоятельства дела

12. Журналист и редактор регионального еженедельного издания "Кроника Ромашкана" (Сропися Ротаșапă) Ионел Далбан проживал в г. Роман (Roman) до момента своей смерти 13 марта 1998 года.

13. 23 сентября 1992 года в номере 90/1992 вышеупомянутого издания заявитель опубликовал статью под названием "Мошенничество в размере десятков миллионов на IAS в Романах". В статье описывались мошеннические действия, якобы совершенные директором государственного сельскохозяйственного предприятия г. Роман FASTROM (бывшее государственное хозяйство IAS) Г.С. Приводя выдержки из докладов отдела полиции по борьбе с экономическими преступлениями, заявитель, в частности, писал:

*"...новые факты мошенничества в немыслимых масштабах были обнаружены на FASTROMЕем Романа, бывшем государственном сельскохозяйственном предприятии IAS. Первый подозреваемый – представитель местной коммунистической номенклатуры Г.С. По данным отдела полиции по экономическим преступлениям и экспертным оценкам, нанесенный им ущерб измеряется суммой в более чем 23 млн. лей! Мошенничество состояло в регистрировании поступающих на центральный склад FASTROMа товаров, которые больше нигде не всплывали, в том числе в инвентаризационных описях складов дочерних предприятий. Было установлено, что большинство из них обменивалось на товары, в которых нуждались Г.С., его родственники и друзья, либо на наличные, которые впоследствии делились по-братски. Это напоминает бандитов с большой дороги, не имеющих ни чести, ни совести!...
Общественное мнение интересуется, как это могло произойти. Может быть, сенатор Р.Т., который до сего времени являлся представителем государства в*

правлении FASTROMA, даст нам ответ. В этом качестве он ежемесячно получал зарплату в размере сотен тысяч лей. Теперь мы знаем, почему, вернее, как он защищал интересы государства..."

14. 6 января 1993 года в статье, опубликованной в номере 104/1993, заявитель писал:

"Принадлежащий FASTROMу автомобиль типа "универсал" с водителем Р.М. в течение полтора лет "предоставлялся" сенатору Р.Т., чтобы каждые выходные отвозить его в аэропорт Бакау и забирать оттуда. Эта практика, кажется, прекратилась, но она не забыта."

15. Г.С. и Р.Т., расценив эти сведения как диффамационные, обратились в суд с заявлением об обвинении Далбана, в совершении преступления, предусмотренного статьей 206 Уголовного кодекса.

16. 24 июня 1994 года суд первой инстанции г. Романа (*judectoria*) признал заявителя виновным в клевете, условно осудив к трем месяцам лишения свободы и обязав его выплатить Р.Т. и Г.С. 300 000 лей. Кроме того, заявителю было на неопределенный период времени запрещено заниматься журналистикой.

17. Суд принял во внимание то обстоятельство, что, хотя в отношении Г.С. и велось два уголовных расследования, прокуратура 7 сентября 1990 года и 10 декабря 1992 года установила отсутствие события преступления в том, что касалось обвинений в присвоении им корпоративного имущества и совершении общественно опасных действий, связанных со служебным положением (*abuzul on serviciu contra intereselor obşteşti*), – преступлении в соответствии со статьей 248 Уголовного кодекса.

В том, что касается Р.Т., суд констатировал, что в период с июня 1991 года по июль 1992 года его совокупный оклад как члена правления от государства составил 55 000, а не "сотни миллионов" лей. Далее суд указал на то, что в соответствии с Регламентом Сената "префектуры предоставляют в распоряжение сенаторов транспортные средства и секретаря в целях обеспечения выполнения ими своих функций" и что в письме № 4849/1991 префектура уезда Нямц (*Neamt*) обращалась к предприятию FASTROM с просьбой о предоставлении одной автомашины в распоряжении Бюро сенатора в г. Роман. Суд заключил, что утверждения заявителя не соответствовали действительности.

18. Заявитель подал на вышеназванное решение апелляционную жалобу. Он утверждал, что отчеты отдела полиции по борьбе с экономическими преступлениями, на основании которых Г.С. было предъявлено обвинение, отчеты инспекторов Министерства финансов от 19 и 26 июня и 18 декабря 1992 года, заявления членов Правления FASTROMа, а также членов профсоюза, действующего на предприятии, содержали свидетельства незаконных финансовых операций, приписываемых Г.С. Суммы, фигурировавшие в этих документах, составляли более 23 млн. лей.

19. В отношении Р.Т. заявитель указал на то, что суд первой инстанции в своем решении от 24 июня 1994 года признал факт использования Р.Т. автомобиля, принадлежащего FASTROMу. Заявитель отрицал диффамационный характер утверждений относительно зарплаты Р.Т. несмотря на признанную им собственную ошибку в размере зарплаты.

20. Решением от 7 декабря 1994 года. уездный суд Нямца (*tribunal judetean*) оставил приговор от 24 июня 1994 года без изменения как в части, касающейся лишения свободы, так и в части, касающейся выплаты компенсации. Констатировав тот факт, что по данным прокуратуры

действия Г.С. не обнаруживают события преступления, суд, не рассмотрев представленные заявителем для оправдания своих утверждений отчеты полиции, счел, что эти утверждения не соответствуют действительности. Суд также признал правомерным использование автомобиля сенатором Р.Т.

Вместе с тем суд отменил запрет на работу заявителя в качестве журналиста, сославшись на "его положительное поведение".

21. Судья М.С. выразил свое особое мнение. Он пришел к следующим выводам:

"...Установление истинного положения вещей является неперенным условием для устранения недостатков и защиты общественных интересов. Эти интересы более значимы, чем защита любой ценой репутации кого-либо. Правом и обязанностью журналиста является постановка вопроса в отношении организаций и их руководителей с тем, чтобы контролировать качество их работы и выяснить, оправдывают ли они оказанное доверие и насколько оправдан их престиж. Непогрешимых нет, и никто не может утверждать, что непогрешим.

Мне кажется несправедливым осуждение журналиста Ионела Далбана в связи с тем, что он лишь честно выполнил свой долг, стремясь внести вклад в улучшение морального климата города, в котором живет и работает..."

22. Несмотря на обвинительный приговор, заявитель продолжал опубликование материалов о мошенничестве, якобы совершенном Г.С. Более того, он не возместил моральный вред, причиненный Г.С. и Р.Т.

23. Реагируя на разоблачения, сделанные заявителем, Комиссия румынского парламента по расследованию злоупотреблений обратилась в прокуратуру уезда Нямец.

24. В результате мер, предпринятых неправительственной организацией "Демократическая лига за справедливость", прокуратура г. Романа начала новое расследование в отношении Г.С.

25. После вынесения в отношении заявителя обвинительного приговора другие газеты, среди которых – всерумынская крупнотиражная ежедневная газета "Адеварул" ("Adevarul"), опубликовали материалы о предполагаемом мошенничестве.

26. Многие газеты расценили обвинительный приговор в отношении заявителя как "попытку запугать" прессу.

27. 24 апреля 1999 года Генеральный прокурор поставил перед Верховным Судом вопрос об отмене обвинительного приговора, вынесенного судом первой инстанции в отношении заявителя, и решения по апелляции, мотивировав это отсутствием состава преступления.

28. Решением от 2 марта 1999 года Верховный Суд удовлетворил протест прокуратуры. Он признал заявителя невиновным в клевете в адрес Г.С., расценив, что заявитель действовал добросовестно. В том, что касается клеветы в адрес Р.Т., Верховный Суд два предшествующих решения отменил и, признав осуждение И. Далбана обоснованным, прекратил дело в связи со смертью последнего.

II. Применимое национальное законодательство

29. Соответствующие статьи Уголовного кодекса Румынии гласят:

Статья 206

"Публичное заявление или утверждение в отношении какого-либо лица, требующие, в случае их соответствия действительности, применения к этому лицу мер уголовной, административной или дисциплинарной ответственности либо порочащие его честь в глазах общественности, наказываются лишением свободы на срок от трех месяцев до одного года или штрафом".

Статья 207

Соответствие действительности высказываний и утверждений признается в случае, если они сделаны в целях защиты законных интересов. В случае доказанности соответствия высказываний и утверждений действительности, последние не считаются преступлениями – оскорблением либо диффамацией".

30. Соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса Румынии гласят:

Статья 385 – 9

"Апелляция может быть подана в следующих случаях:

(10) если в решении не учтены обвинения, содержащиеся в определении о предании суду, собранные по делу доказательства либо ходатайства, которые имеют существенное значение для обеспечения прав сторон в деле и которые могут повлиять на исход рассмотрения дела..."

Статья 504

"Каждый, кто признан виновным, имеет право на компенсацию государством причиненного вреда или ущерба в случае, если в соответствии с окончательным решением будет установлено, что он не совершал преступления либо отсутствует событие преступления..."

Лицо, которое в ходе следствия или судебного разбирательства дела умышленно и путем виновных действий препятствовало либо пыталось препятствовать установлению истины, не имеет права на такую компенсацию.

Лица, указанные в §§ и 2 настоящей статьи, которые на момент их ареста имели работу, имеют право на учет в трудовом стаже (общем и непрерывном) срока лишения свободы или исправительных работ".

Статья 505

"Процессуальные действия в целях получения предусмотренной статьей 504 компенсации за вред или ущерб могут быть начаты лицом, которому такой вред или ущерб был причинен, либо после его смерти начаты или продолжены лицами, находившимися у него на иждивении. Такие действия могут быть начаты в течение одного года с даты вынесения оправдательного приговора либо решения о прекращении дела".

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

31. И. Далбан обратился в Комиссию 20 апреля 1995 года. Ссылаясь на п. 1 статьи 6 и статью 10 Конвенции, он жаловался на нарушение его права на справедливое судебное разбирательство дела и права на свободу выражения мнения.

32. 9 сентября 1996 года Комиссия объявила жалобу (№ 28114/95) приемлемой. В своем докладе от 22 января 1998 года (бывшая статья 31 Конвенции) она выразила мнение о том, что имеет место нарушение статьи 10 (единогласно) и что нет необходимости рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение п. 1 статьи 6 (тридцать один голос против одного).

III. Окончательное рассмотрение дела судом

33. Адвокат Е. Далбан просил Суд определить, что имело место нарушение статьи 10 и присудить своему клиенту справедливую компенсацию в 250 000 000 лей в качестве возмещения материального ущерба и морального вреда.

34. Власти Румынии предложили Суду прекратить рассмотрение дела в связи с тем, что вдова заявителя не проявляет личного интереса в продолжении рассмотрения дела. В дополнение к этому они, согласившись с тем, что имело место нарушение статьи 10, предложили Суду прекратить рассмотрение дела, поскольку Верховный Суд своим решением от 2 марта 1999 года устранил последствия нарушения. В отношении жалобы на нарушение п. 1 статьи 6 власти Румынии просили Суд объявить, что таковое отсутствует. Власти Румынии также требовали отклонить претензии заявителя по статье 41 Конвенции (справедливая компенсация).

ПРАВО

1. О предмете спора

35. Адвокат заявителя в письме от 16 декабря 1998 года, направленном в адрес Суда, утверждал, что его бюро было взломано и ряд документов украден. Он также утверждал, что два направленных им в адрес Суда письма были перехвачены неизвестными лицами.

36. Власти Румынии заявили, что эти обстоятельства не имеют отношения к делу.

37. Поскольку данные вопросы не учитывались на стадии рассмотрения Комиссией приемлемости жалобы заявителя, они не являются составной частью дела, переданного на рассмотрение Суда (см., в частности, постановление по делу "Яновски против Польши" («Janovski v. Poland») от 21 января 1999 года, Reports 1999-1, p. 196, п. 19).

II. Предложение властей Румынии прекратить рассмотрение дела

38. В своем меморандуме по делу от 1 июня 1999 года власти Румынии выступали за прекращение рассмотрения дела, обосновывая это тем, что вдова заявителя, как явствует из ее меморандума от 31 августа 1998 года, больше не имела личного интереса в продолжении рассмотрения дела (на чем она настаивала в жалобе от 5 мая 1998 года), а только ссылалась на интерес своего умершего мужа.

39. Суд отметил, что заявитель был осужден судами Румынии за распространение через печатные СМИ клеветнических высказываний. Суд полагает, что вдова заявителя имеет законный интерес в том, чтобы решение о виновности ее мужа было признано противоречащим праву на свободу выражения мнения, которое он отстаивал, обратившись в Комиссию. На этом основании требование властей Румынии о прекращении рассмотрения

дела отклоняется. Суд постановляет рассматривать Е. Далбан в качестве заявителя в данном деле.

III. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

40. Заявитель считает, что признание его виновным в клевете противоречит его праву на свободу выражения мнения в том виде, как оно гарантировано статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Потеря статуса "жертвы" нарушений Конвенции

41. Суд отмечает, что Верховный Суд своим постановлением от 2 марта 1999 года удовлетворил протест прокурора, отменив решения суда первой инстанции и апелляционного суда об осуждении заявителя, в связи с вынесением которых последний подал жалобу, ссылаясь на нарушение статьи 10 Конвенции (см. выше п. 28).

42. В своем меморандуме от 1 июня 1999 года власти Румынии подчеркнули тот факт, что Верховный Суд отменил обвинительный приговор (в соответствии с которым заявитель признавался виновным в клевете в адрес Г.С.) на основании того, заявитель действовал добросовестно. По мнению властей Румынии, это обстоятельство, а также возможность для вдовы заявителя возместить причиненный ущерб в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, представляет собой признание по существу "возможного нарушения Конвенции и открывает возможность получения полной компенсации в рамках национальной правовой системы". На основании того, что отсутствует "жертва", власти Румынии просили Суд отклонить жалобу.

В том, что касается осуждения заявителя за клевету в адрес Р.Т., то власти Румынии подчеркнули, что Верховный Суд отменил два судебных решения, опротестованных Генеральным прокурором, и "пересмотрев дело, принял постановление о его прекращении в связи со смертью подсудимого". Власти Румынии заявили, что заявитель воспользовался средствами судебной защиты своих прав в связи с предполагаемым нарушением статьи 10 и что оно "полагается в данном деле на усмотрение Суда."

43. Адвокат заявителя охарактеризовал решение Верховного Суда как "подлинный обвинительный акт" в отношении покойного заявителя и как "явное оправдание действий Р.Т."

44. В Постановлении Суда по делу "Амюур против Франции" («Amuur v. France») от 25 июня 1996 года Суд подтвердил свою позицию, в соответствии с которой "решение или меры в пользу заявителя не являются в принципе достаточными для того, чтобы он перестал быть "жертвой", за исключением случаев, в которых национальные власти в прямой форме или фактически признали нарушение положений Конвенции и устранили его последствия" (Reports 1996-III, p. 846, § 36).

В данном деле, даже если постановление Верховного Суда об отмене обвинительного приговора заявителя (в силу того, что последний действовал по доброй совести, и на основании документов, касающихся Г.С.; см. выше п. 28) рассматривать как фактическое признание неправомерного ограничения "права на свободу выражения мнения", Суд считает, что это не является адекватным устранением последствий такого нарушения в том виде, как того требует правоприменительная практика Суда. Хотя власти Румынии ссылаются на статьи 998 и 999 Гражданского кодекса и статью Уголовно-процессуального кодекса (см. выше п. 30), не ясно, сможет ли и каким образом Е. Далбан получить какую-либо компенсацию. Рассмотрение жалобы в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, влекущее, по утверждению Е. Далбан (власти Румынии не возражали), значительные судебные расходы, предполагает наличие правонарушения, за которое установлена гражданско-правовая ответственность. Что касается возможностей, предоставляемых Уголовно-процессуальным кодексом, то вряд ли после приговора, вынесенного по результатам рассмотрения уголовного дела и подтвержденного решением по апелляции, после протеста прокурора и постановления Верховного Суда Е. Далбан сочтет целесообразным участие в новом процессе, исход которого, по меньшей мере, не ясен.

По поводу выводов, содержащихся в постановлении от 2 марта 1999 года в отношении сенатора Р.Т., Суд отмечает, что Верховный Суд посчитал осуждение заявителя правильным на основании того, что последний намеренно причинил вред Р.Т., распространив о нем непроверенные сведения (см. выше - 28). Очевидно, что это не означает ни прямого, ни косвенного признания национальными властями нарушения статьи 10 Конвенции.

45. В итоге Суд постановляет, что вдова заявителя может утверждать, что явилась жертвой по смыслу статьи 34 Конвенции.

В. По существу жалобы

46. Никто не оспаривает того, что осуждение заявителя представляло собой "вмешательство публичных властей" в его право на свободу выражения мнения в том виде, как оно гарантировано в п. 1 статьи 10. Никто не отрицал также, что вмешательство было "предусмотрено законом" и преследовало законную цель "защиты репутации других лиц". Выполнение двух названных требований позволяет рассматривать вмешательство оправданным по смыслу п. 2 статьи 10. По этим вопросам выводы Суда совпадают с выводами Комиссии.

47. По вопросу о том, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе", Суд напоминает свои постановления по аналогичным делам в соответствии с которыми необходимо установить, было ли вмешательство соразмерным законной преследуемой цели и были ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, достаточными и соответствующими критериям п. 2 статьи 10 (см., среди прочих, постановление по делу "Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии" («Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway») от 20 мая 1999 года, Reports 1999-III, pp. 321 – 322, § 58). Суд не ставит перед собой цель подменять национальные суды, однако он обязан проверять решения на предмет соответствия статье 10, в свете всего дела в целом, которые последние выносят, пользуясь предоставленными им пределами усмотрения (см. там же п. 60, а также Постановления по

другим делам, в частности, «Фрессоз и Руар против Франции» («Fressoz and Roire v. France») от 21 января 1999 года, Reports 1999-1, pp. 19 – 20, § 45).

48. Статьи, в связи с опубликованием которых заявитель был обвинен, касались вопросов, представляющих общественный интерес: управление государственным имуществом, действия политиков по выполнению возложенных на них функций. Первая статья содержала информацию, взятую из материалов проводимого отделом полиции по борьбе с экономическими преступлениями расследования в отношении руководства FASTROMа – членов Совета директоров, в котором Г.С. являлся исполнительным директором, а Р.Т. – представителем государства. Во второй статье говорилось об окладе, получаемом сенатором Р.Т. в соответствии с его должностью в FASTROME и использовании им служебного автомобиля (см. выше п.п. 13 и 14).

49. Один момент является особенно важным для суда при определении его позиции в данном деле: существенная роль прессы в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации, прав других лиц и необходимости предотвратить разглашение конфиденциальной информации, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Более того, Суд убежден в том, что журналистская свобода предполагает некоторую долю преувеличения или даже провокации. В делах, подобных данному, следует исходить из того, что пределы усмотрения, предоставленные национальным властям, ограничены интересом демократического общества, состоящего в том, чтобы позволить прессе выполнять ее функцию "сторожевого пса общества" и распространять информацию по серьезным вопросам, представляющим общественный интерес (см. упомянутое выше постановление Суда по делу "Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии", стр. 322, п. 59). Неприемлема ситуация, в которой журналист не может высказывать критические оценочные суждения, соответствие которых действительности он не может доказать (см. постановление по делу «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Серия А, М 103, стр. 28, п. 46).

50. В данном деле Суд, как и Комиссия, отмечает, что отсутствуют доказательства того, что приведенные в статьях заявителя факты полностью не соответствуют действительности и использованы в целях разжигания диффамационной кампании против Г.С. и сенатора Р.Т. Статьи заявителя содержали информацию не о частной жизни Р.Т., а о его действиях в качестве избранного представителя народа (см. выше п.п. 13 и 14). Сведения, распространенные заявителем о действиях сенатора и выполнении последним своих депутатских функций, были признаны румынскими судами не соответствующими действительности и на этом основании клеветническими. Мнение прокуратуры об отсутствии события преступления в том, что касается действий Г.С., послужило для румынских судов достаточным основанием для того, чтобы определить содержащиеся в статьях заявителя сведения о Г.С. как не соответствующие действительности. Суды пришли к такому заключению, не исследовав доказательства, представленные заявителем (см. выше п.п. 17 и 20).

51. Власти Румынии не оспаривали вывод Комиссии, в соответствии с которым, "даже принимая во внимание функции и обязанности журналиста, выполняя которые он реализует право, гарантированное ему статьей 10 Конвенции, осуждение заявителя не может рассматриваться как "необходимое в демократическом обществе".

52. Суд принимает это к сведению и выносит Постановление о том, что признание заявителя виновным в совершении уголовного преступления и назначение ему в качестве наказания

лишение свободы является непропорциональным вмешательством в его право как журналиста на свободу выражения мнения.

Соответственно, имеет место нарушение статьи 10 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции

53. Заявитель жаловался на то, что нарушено его право на справедливое судебное разбирательство, поскольку национальные суды не исследовали доказательства, представленные им в свою защиту, – официальные документы, которые легли в основу его статей (см. выше п.п. 17 и 20). Заявитель ссылался на п. 1 статьи 6, соответствующие положения которой предусматривают:

"Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом".

54. Власти Румынии просили Суд объявить, что нарушение положений п. 1 статьи 6 не имело места, поскольку "отсутствие прямых ссылок на доводы И. Далбана" не означает, что эти доводы не были рассмотрены. Напротив, факт "приобщения соответствующих документов к делу" дает основания полагать, что румынские суды исследовали представленные заявителем письменные доказательства.

55. Учитывая вывод, сделанный в отношении жалобы на нарушение статьи 10 Конвенции, Суд, как и Комиссия, не считает необходимым рассматривать жалобу с точки зрения положений п. 1 статьи 6.

V. Применение статьи 41 Конвенции

56. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции ил» Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне."

A. Ущерб

57. Вдова заявителя требовала выплаты общей суммы в 250 000 000 румынских лей в качестве компенсации за моральный вред – потерю репутации в результате осуждения ее покойного мужа, и за материальный ущерб – убытки, понесенные в результате прекращения издания "Кроника Ромашкана". Она заявила, что "эта сумма является минимальной компенсацией и будет полностью использована для возобновления издания", а не для личного обогащения.

58. Власти Румынии сначала подчеркнули отсутствие причинной связи между требованиями и заявленным материальным ущербом, затем отметили, что указанная сумма в любом случае является завышенной. В том, что касается морального вреда, то сама констатация нарушения статьи 10 представляет, по мнению властей Румынии, достаточно справедливую компенсацию. В отношении ущерба, обязанность компенсировать который была возложена на заявителя в соответствии с приговором, власти Румынии, отметив возможность для вдовы заявителя получить соответствующее возмещение в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, заявили, что такой компенсации не выплачивалось.

59. Суд разделяет мнение Комиссии по вопросу о материальном ущербе. Тем не менее, в отношении морального вреда Суд считает, что заявителю и его вдове такой вред был нанесен, и что простая констатация факта нарушения не является достаточной компенсацией. В данном деле смерть заявителя, наступившая до принесения прокуратурой протеста в Верховный Суд, является фактом, который необходимо учитывать при оценке подлежащего компенсации вреда. Принимая во внимание высокий уровень инфляции в Румынии, Суд устанавливает подлежащую возмещению сумму во французских франках. Эта сумма должна быть конвертирована в румынские леи по курсу на день фактической уплаты. Суд присуждает Е. Далбан 20000 французских франков. Наконец, в отношении третьего аргумента властей Румынии Суд ограничивается замечанием о том, что Е. Далбан не требовала возмещения соответствующих выплат, поскольку последние не были произведены (см. выше п. 22).

В. Судебные издержки

60. Заявителю Советом Европы были предоставлены средства для оплаты юридической помощи при ведении дела в Комиссии и Суде. Вдова заявителя не просила возмещения каких-либо дополнительных расходов и издержек.

С. Процентная ставка по просроченному долгу

61. Суд считает целесообразным принять установленную законом процентную ставку, действующую во Франции на дату принятия настоящего постановления и составляющую 3,47 % в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что вдова заявителя имела его права для продолжения участия в производстве по данному делу.
2. *Постановил*, что вдова заявителя может утверждать, что явилась жертвой" по смыслу статьи 34 Конвенции.
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.
4. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать дело на основании положений п. 1 статьи 6 Конвенции.
5. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить вдове заявителя в течение трех месяцев сумму в 20 000 французских франков в качестве компенсации за моральный вред, которая должна быть конвертирована в румынские леи по курсу на день платежа;
 - (b) и что к указанной сумме прибавляются простые проценты по ставке в 3,47 % годовых с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до совершения платежа.
6. *Отклонил* остальные требования о "справедливом возмещении".

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 28 сентября 1999 года.

Люциус Вильдхабер
Пол Махони

Председатель
Заместитель Секретаря Суда

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ДИЧАНД И ДРУГИЕ ПРОТИВ АВСТРИИ"
(Dichand and others v. Austria)**

(жалоба № 29271/95)

Постановление Суда

Страсбург, 26 февраля 2002 года

Тема: диффамация

Подтема: диффамация в отношении публичной фигуры (общественного деятеля)

Критерий: "предписано законом", законная цель, необходимость в демократическом обществе

Санкция: судебный запрет на определенные действия

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека), единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека; Австрия

Вмешательство: Заявителям, редактору и издателю газеты, владельцу газеты и деловому партнеру владельца газеты, было запрещено повторять утверждения о предполагаемом злоупотреблении служебным положением со стороны председателя Законодательного Комитета при австрийском Парламенте.

Факты:

В июне 1993 года газета заявителей опубликовала статью о г-не Граффе, написанную редактором/издателем и подписанную псевдонимом. Помимо того, что г-н Графф занимал должность председателя Законодательного Комитета в то время, он также был частным адвокатом, представляющим интересы одного из основных конкурентов заявителей. Как член Парламента, г-н Графф предложил принять законодательный акт, который значительно увеличивал финансовую ответственность за невыполнение судебных запретов, вследствие чего размер штрафов умножался на число исполнительных листов, если сторона не выполняла судебный запрет. В статье, опубликованной заявителями, утверждалось, что г-н Графф предложил подобный закон в интересах своего частного клиента, и была высказана критика в адрес г-на Граффа в связи с тем, что он не оставил частную юридическую практику после вступления в правительственную должность.

Г-н Графф потребовал вынесения и получил судебный запрет, предписывающий заявителям воздержаться от публикации утверждений о несовместимости должностей г-на Граффа - члена Парламента и частного адвоката. Австрийский суд интерпретировал заявления в отношении г-на Граффа не как оценочные суждения, а как оскорбления и утверждения о фактах, истинность которых должна была быть доказана заявителем. Далее, австрийский суд посчитал, что в статье содержалось неверное утверждение о факте о том, что г-н Графф был членом Правительства. Заявитель обжаловал судебный запрет в двух австрийских судах высшей инстанции, но обе апелляции были отклонены.

Решено:

Судебный запрет в отношении заявлений, высказанных в адрес г-на Граффа, представил собой вмешательство в право на свободу выражения мнения. Суд посчитал, что вмешательство было "предписано законом", поскольку по этому вопросу существует заслуживающий внимания внутригосударственный закон, несмотря на то, что заявители утверждали обратное. Суд также счел, что вмешательство преследовало законную цель, а именно цель защиты репутации или прав других лиц, в то время, как заявители и по этому критерию утверждали обратное. Вопрос заключался в том, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе". В отношении критерия "необходимости" Суд вновь повторяет свои общие принципы:

«[С]вобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждого его члена. Будучи предметом для законных ограничений, установленных в п. 2 статьи 10, она относится не только к той «информации» или тем «идеям», которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. [Право на свободу выражения мнения] защищает не только содержание идей и высказанной информации, но также и форму, в которой они переданы. Эта свобода подчинена исключениям <...> которые, однако, должны толковаться узко.

Тест на "необходимость в демократическом обществе" требует, чтобы Суд определил, действительно ли "вмешательство" было вызвано "острой общественной потребностью", соответствовало ли оно преследуемой законной цели, и были ли причины, указанные органами федеральной власти, чтобы оправдать его, уместными и достаточными<...> [С]уществует весьма незначительная сфера для ограничений на политические выступления или дебаты по вопросам общественной значимости. Более того, пределы допустимой критики более широки в отношении политического деятеля в его общественной роли, чем в отношении частного лица, так как первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело на всеобщее обозрение и пристальное внимание со стороны как журналистов, так и широкой общественности в целом, и он должен выказывать большую степень терпимости. Политический деятель, конечно же, имеет право на защиту своей репутации, даже когда он действует не как частное лицо, но требования этой защиты должны быть сопоставлены с интересами открытого обсуждения политических вопросов<...>

Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать установленных границ, особенно в отношении репутации и прав других людей, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Помимо того, что передавать такую информацию и идеи - задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль "сторожевого пса общества".

Статья 10 защищает не только содержание идей и изложенной информации, но также и форму, в которой они переданы. Журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторой степени преувеличения, или даже провокации.

В своей практике Суд разграничил утверждение о факте и оценочное суждение. В то время как существование фактов может быть доказано, соответствие оценочных мнений действительности доказано быть не может. Требование доказать соответствие оценочного суждения действительности невыполнимо и нарушает свободу выражения мнения как таковую, - а она является основной частью права [на свободу выражения мнения].

Однако, даже если утверждение квалифицировано как оценочное суждение, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для оспариваемого суждения, поскольку даже субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерной» (п.п. 37-43, ссылки опущены).

В свете политического контекста публикации Суд заключил, что утверждение, содержащееся в публикации заявителя, было скорее оценочным суждением, нежели утверждением о факте. Соответственно, от заявителя нельзя было требовать доказательства истинности подобных заявлений для возможности опубликовать их.

Суд не согласился с утверждением австрийских судов о том, что статья искажила факт о том, что г-н Графф был членом правительства. Суд возразил, что с учетом контекста публикации, такое прочтение является неоправданным. Действительно, он указал на то, что "точные обязанности г-на Граффа [были] подробно изложены" в тексте статьи.

В отношении содержащихся в статье утверждений о конфликте интересов, Суд заявил, что в соответствии с критерием, примененным австрийскими судами, заявления расценивались как утверждения о факте, который заявителям было необходимо доказать, что "возложило на заявителей чрезмерное бремя". Суд посчитал, что эти заявления были оценочными суждениями, для которых существовало достаточное фактическое основание.

По поводу заявлений о конфликте интересов, Суд высказал следующее:

«Г-н Графф был значимым политическим деятелем, и тот факт, что политический деятель находится в ситуации, где его политическая деятельность и деятельность в бизнесе накладываются друг на друга, может спровоцировать общественную дискуссию, - даже в том случае, если, строго говоря, согласно внутригосударственным законам не возникает никакой проблемы несовместимости должностей» (п. 51).

В отношении резкости утверждений, высказанных заявителями, Суд отметил:

«Действительно, на слабом фактическом основании заявители опубликовали статью, в которой содержалась резкая критика с использованием крепких выражений и полемичного языка. Однако, следует помнить, что [право на

свободу выражения мнения] защищает также информацию или идеи, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят» (п. 52).

В свете вышесказанного Суд пришел к заключению, что Австрия вышла за рамки пределов усмотрения, предоставленных Государствам - членам Европейской Конвенции по правам человека, и что судебный запрет не был пропорционален преследуемой цели.

Соответственно имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО "ДИЧАНД И ДРУГИЕ ПРОТИВ АВСТРИИ"**(Dichand and others v. Austria)**

(жалоба № 29271/95)

Постановление Суда

Страсбург, 26 февраля 2002 года

По делу "Дичанд и другие против Австрии" Европейский суд по правам человека (ранее существовавшая Третья Секция), заседая в следующем составе:

г-н Ж.-П. Коста, *Председатель*,
г-н В. Фурман,
г-н Л. Люкайдис,
Сэр Николас Братца,
г-жа Х.С. Грeve,
г-н К. Трайя,
г-н М. Угрехелидзе, *судьи*

а также г-жа С. Долле, *Секретарь Секции*,

Проведя 9 января 2001 года и 30 января 2002 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено против Республики Австрия на основании заявления (№ 29271/95), поданного 28 сентября 1995 года в Европейскую Комиссию по правам человека ("Комиссия") в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") австрийским подданным Гансом Дичандом, компанией "Кроне - Верлаг GmbH & KG" (Krone-Verlag GmbH & KG), товариществом с ограниченной ответственностью, зарегистрированным в соответствии с австрийским законодательством, и "Кроне-Верлаг GmbH" (Krone-Verlag GmbH), обществом с ограниченной ответственностью, зарегистрированным в соответствии с австрийским законодательством.

2. Интересы заявителей в Суде представлял г-н Т. Хене, адвокат, практикующий в Вене (Австрия). Правительство Австрии ("Правительство") было представлено его Уполномоченным, послом Х. Уинклером, начальником Отдела Международного права в Федеральном Министерстве Иностранных дел.

3. Заявители утверждали, что судебный запрет, не позволяющий им повторять некоторые высказывания, опубликованные ими в периодическом издании ("Ное Кронэн-Цайтунг" ["Neue Kronen-Zeitung"]), и предписывающий им опровергнуть эти высказывания, нарушил их право на свободу выражения мнения, вопреки гарантии предусмотренной в статье 10 Конвенции.

4. Заявление было передано в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (п. 2 статьи 5 из Протокола № 11).
5. Заявление было направлено в Третью Секцию Суда (п. 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции, Палата, которая в дальнейшем рассматривала дело (п. 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с п. 1 Правила 26 Регламента Суда.
6. Решением от 9 января 2001 года Палата объявила заявление приемлемым.
7. 1 ноября 2001 года Суд произвел изменение в составе его Секций, но данное дело осталось в компетенции прежней Палаты Секции III, которая объявила заявление приемлемым.
8. Посовещавшись со сторонами, Палата приняла решение, что отсутствует необходимость в слушании конкретных обстоятельств дела (п. 2 Правила 59 *in fine*); заявитель, в отличие от Правительства, представил дополнительные материалы относительно конкретных обстоятельств дела. Кроме того, от г-на Михаэля Граффа, которому Президент дал разрешение на интервенцию в письменном виде (п. 2 статьи 36 Конвенции и п. 3 Правила 61), были получены комментарии третьей стороны. Заявители дали свои пояснения на эти комментарии (п. 5 Правила 61).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Первый заявитель, австрийский гражданин, родившийся в 1921 года и проживающий в Вене, - главный редактор и издатель газеты "Ное Кронэн-Цайтунг" ("Neue Kronen-Zeitung"). Второй заявитель, товарищество с ограниченной ответственностью (Kommanditgesellschaft) – собственник этой газеты. Третий заявитель - общество с ограниченной ответственностью, главный партнер (Komplementär) второго заявителя. Предприятия второго и третьего заявителя находятся в Вене.
10. Заявители принадлежат к большой группе средств информации, которая в соответствующий период времени находилась в состоянии жесткой конкуренции с другой группой средств массовой информации, представленной г-ном Майклом Граффом, адвокатом, практикующим в Вене. Помимо профессии адвоката, г-н Графф с 1982 по 1987 годы был генеральным секретарем Австрийской Народной партии (Österreichische Volkspartei), а с 1983 по 1995 годы - членом Парламента от этой партии. С 1987 по 1995 годы он был Председателем Законодательного Комитета Парламента (Justizausschuß). С 1989 по июль 1995 года он представлял интересы конкурента заявителей в нескольких процессах по поводу несправедливых конкурентных действий в отношении компаний, принадлежащих к группе средств массовой информации заявителей.
11. В 1989 году в несколько австрийских законов были внесены изменения в соответствии с Актом о поправках о расширении пределов денежных штрафов (Erweiterte Wertgrenzen-Novelle). В правительственном законопроекте (Regierungsvorlage) также была предусмотрена поправка к части 359 § 1 Акта об исполнении решений (Ехекutionsordnung), - в части, которая имеет особое значение для применения судебных запретов. В правительственном законопроекте было предусмотрено увеличение размеров штрафов, которые могут быть

наложены за несоблюдение судебных запретов, с 50,000 австрийских шиллингов (ATS) за выдачу исполнительного листа до ATS 80,000.

12. Под председательством г-на Граффа, Законодательный Комитет, занимавшийся Правительственным законопроектом, предложил другой вариант, а именно, что максимальный штраф в размере ATS 80,000 мог бы быть наложен в рамках каждого требования об исполнении решения (Ехекutionsantrag), вместо "в рамках каждого исполнительного листа, предъявленного исполнительным судом". В своем отчете в июне 1989 года, Законодательный Комитет отметил, что штраф должен быть умножен на число требований об исполнении решения, если только не было принято одно решение, объединяющее несколько требований. Это предложение было принято Парламентом 29 июня 1989 года и издано как Статья XI Акта о поправках о расширении пределов денежных штрафов, в Федеральном Законодательном бюллетене (Federal Law Gazette) 1989/343 (Erweiterte Wertgrenzen-Novelle 1989, BGBl. 1989/343).

13. Четырьмя годами позже, в июне 1993 года, в "Ное Кронэн-Цайтунг" ("Neue Kronen-Zeitung") была опубликована следующая статья, написанная первым заявителем под псевдонимом "Като" (Cato):

"Моральные устои - 93

Перед тем, как стать Министром иностранных дел Франции, Роланд Думас был одним из наиболее известных и наиболее преуспевающих адвокатов. Он управлял гигантским состоянием Пикассо; он представлял интересы Крайского (Kreisky) и Министра иностранных дел Австрии, когда последний оказался в неприятной ситуации. Думас принял как должное тот факт, что он должен перестать заниматься адвокатской практикой, когда он стал членом правительства. Такого порядка действий придерживается любая демократическая страна мира. Только г-н Графф - явно толстокожий - не намеревается подчиняться этим нравственным принципам.

Получилось так, что в то время, когда г-н Графф был председателем Законодательного Комитета, в законодательство была внесена поправка, которая принесла большие преимущества для издателей газет, интересы которых г-н Графф представлял как адвокат. Чтобы гарантировать отсутствие в подобных случаях каких-либо подозрений, даже тех, которые не имеют никакого объективного подтверждения, существует мудрое правило о "несовместимости"; адвокату не позволено участвовать в принятии законов, которые создают преимущества для его клиентов.

И Австрийская Народная партия думала таким же образом; поэтому она решила воззвать к совести г-на Граффа. Напрасно! Для данной ситуации очень показательно, что Австрийская Народная партия не может убедить г-на Граффа. Другие партии будут очень довольны, ведь становится так вопиюще очевидно, насколько бессильна Австрийская Народная партия в отношении одного из своих официальных лиц, который является носителем ее же моральных принципов. Г-ну Граффу даже позволили высказать его недостойные уважения взгляды на нашем монопольном телевидении. Г-н Графф думал, что если ему

придется уйти из Законодательного Комитета, это испугает "Кронэн-Цайтунг" ("Kronen Zeitung").

Народная партия должна бояться не "Кронэн" ("Kronen"), а ее избирателей, которые будут и дальше отворачиваться от нее, если партия покажет себя неспособной навести порядок в своих собственных рядах; как же сможет тогда кто-либо предположить, что она преуспеет в этом в масштабах страны ... Като."

<Немецкая версия>

"Moral 93

Roland Dumas war, bevor er Frankreich's Außenminister wurde, einer der bekanntesten und erfolgreichsten Rechtsanwälte Europas. Er verwaltete zum Beispiel das gigantische Erbe Picassos, vertrat Kreisky und einen österreichischen Außenminister, als dieser in eine arge Affäre geraten war. Für Dumas war es ganz selbstverständlich, daß er sein Rechtsanwaltsbüro aufgeben mußte, als er in die Regierung eintrat. Überall in der Welt wird dies in Demokratien so gehalten. Nur der offenbar mit einer Büffelhaut ausgestattete Rechtsanwalt Dr. Graff denkt nicht daran, sich nach solchen Moralbegriffen zu richten.

So kam es, während er im Justizausschuß des Parlaments den Vorsitz hatte, zur Veränderung eines Gesetzes, wodurch der Zeitungsverlag, den Graff rechtsanwaltlich vertritt, große Vorteile hatte. Damit in solchen Fällen nicht ein bestimmter Verdacht entstehen kann, der keineswegs begründet sein muß, gibt es eben die weise Regel der Unvereinbarkeit; ein Anwalt darf nicht an der Entstehung von Gesetzen beteiligt sein, die seinen Mandanten Vorteile bringen.

Das dachte man auch in der ÖVP, und man entschloß sich, Graff ins Gewissen zu reden. Vergeblich! Es sagt einiges über den Zustand der ÖVP aus, daß sie sich gegen Graff nicht durchsetzen konnte. Den anderen Parteien kann es nur recht sein, wenn sich in so brutaler Offenheit zeigt, wie ohnmächtig die Volkspartei gegenüber einem Funktionär ist, der seine eigene Moral hat. Sogar in unserem Monopol-Fernsehen durfte er seine anrühige Haltung vertreten. Graff meinte, es würde nur Angst vor der 'Kronen Zeitung' signalisieren, berufe man ihn im Justizausschuß ab.

Nicht vor der 'Krone' braucht die ÖVP Angst zu haben, sondern vor ihren Wählern, die sich weiter von ihr abwenden werden, wenn sie sich als unfähig erweist, in der eigenen Partei Ordnung zu machen; wie sollte man da das Vertrauen haben, es könne ihr im Staat gelingen ... Cato."

14. 7 июня 1993 года г-н Графф подал в Коммерческий Суд (*Handelsgericht*) г.Вены иск о наложении судебного запрета в соответствии со статьей 1330 Австрийского Гражданского Кодекса (*Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch*) в отношении этих трех заявителей. Он требовал, чтобы заявителям было запрещено заявлять или повторять, что он "не намеревается подчиняться нравственным принципам, существующим в демократических государствах во всем мире, а именно, что человек должен оставить свою адвокатскую практику, если он становится членом правительства, (М. Графф никогда не был членом правительства), и/или то, что он участвовал в принятии законов, которые привнесли преимущества для его

клиентов, и/или то, что ему позволили высказать свои недостойные уважения взгляды по телевидению". Он также потребовал опровержения этих утверждений и публикации опровержения в "Ное Кронэн-Цайтунг" ("Neue Kronen-Zeitung").

15. 9 июля 1993 года Коммерческий Суд Вены вынес предварительный судебный запрет (einstweilige Verfügung) в отношении заявителей, в соответствии с которым им не разрешалось повторение оспоренных высказываний. Заявители пытались обжаловать это решение, но безуспешно.

16. 9 сентября 1994 года Коммерческий Суд Вены вынес постоянный судебный запрет, в соответствии с которым заявителям не разрешалось повторять оспоренные высказывания, а также было предписано отказаться от этих утверждений на страницах "Neue Kronen-Zeitung". Суд посчитал, что утверждения заявителей можно квалифицировать как оскорбление и поэтому подпадали под действие не только статьи 1330 Австрийского Гражданского Кодекса, но также и первого параграфа статьи 1330. В этом случае бремя доказывания перекладывалось на заявителей, которым необходимо было доказать правдивость оспариваемых утверждений. Суд указал, что все высказывания, содержащиеся в статье, были утверждениями о фактах, которые заявители не сумели доказать.

17. Суд счел утверждение, содержащееся в первом абзаце газетной статьи, оскорблением, в значении § 1 статьи 1330 Гражданского Кодекса, так как г-н Графф был обвинен в том, что игнорировал моральные и демократические принципы или пренебрегал ими, а потому действовал безнравственно. В этом высказывании подразумевалось, что г-н Графф стал членом правительства. Однако утверждение было ложным, потому что г-н Графф никогда не был членом правительства.

18. Далее суд посчитал, что во втором абзаце газетной статьи было выражено подозрение, что г-н Графф злоупотребил своим служебным положением члена Парламента. Предлагаемое доказательство, которое должно было подтвердить правдивость этого утверждения, а именно поправка к § 1 статьи 359 Акта об исполнении решений, было недостаточным, потому что заявители даже не утверждали в суде, что поправка работала исключительно на интересы клиентов г-на Граффа. На самом деле, эта поправка имела объективное основание, касалась обеих конкурирующих групп средств массовой информации и никак не способствовала перевесу сил в сторону какой-либо из конкурирующих сторон.

19. Что касается третьего заявления, согласно которому взгляды г-на Граффа были расценены не достойными уважения, суд счел, что это заявление опять-таки содержит утверждение о том, что г-н Графф действовал безнравственно, потому что осуществил два несовместимых действия. Суд поэтому заключил, что заявители напрасно прибегают к статье 10 Конвенции, так как вмешательство в права заявителей, согласно этой норме, было оправдано целью защитить доброе имя г-на Граффа, которому подобные ложные утверждения могли нанести ущерб.

20. 20 октября 1994 года заявители подали апелляцию. Они утверждали, что Коммерческий Суд недостаточно принял во внимание письменное заявление Е.С. (E.S.), служащего второго заявителя, которое заявители прилагали к материалам. Согласно этому заявлению, г-н Графф запрашивал поправку к Акту об исполнении решений, чтобы затем налагать штраф в рамках каждого требования об исполнении решений, таким образом пользуясь одним из слабых мест заявителей. Заявители были владельцами нескольких ежемесячных журналов. В отличие от

ежедневных газет, эти журналы обычно дольше задерживались на рынке. Если, например, один из журналов заявителей нарушил бы Акт о недобросовестной конкуренции (*Bundesgesetz gegen den unlauteren Wettbewerb*), г-н Графф, как юридический представитель конкурентов, немедленно получил бы предварительный судебный запрет и регистрировал почти ежедневные требования об исполнении данного решения о запрете. Он рассчитывал на то, что заявители в конечном итоге не смогли бы оплачивать штрафы, или же что они не смогли бы оплатить стоимость изъятия тиража определенного номера ежемесячного журнала. При ранее существовавшем положении вещей в законодательстве, несколько требований об исполнении решений были бы объединены в одном решении, и заявители были бы должны оплатить только один штраф в размере ATS 50,000. Однако, в соответствии с § 1 статьи 359 Акта об исполнении решений с внесенными поправками, штрафы умножались на число требований и, следовательно, резко увеличивались.

21. Далее, заявители жаловались на то, что Коммерческий Суд не придавал достаточного значения письменному заявлению их адвоката, С.Р. (S.R.), и отказался заслушать свидетельские показания этого человека. Он мог бы засвидетельствовать телефонный разговор, который состоялся 12 июня 1989 года между ним и г-ном Граффом, в котором последний жаловался на то, что его требования об исполнении решений не были успешными и не принесли ожидаемых штрафов. В продолжение он сказал, что это потребует изменений в отношении пределов денежных взысканий и системы штрафов. Заявители также утверждали, что оспариваемая статья включает в себе критику поведения г-на Граффа как политического деятеля и поэтому защищена положением о свободе выражения мнения, гарантируемой Статьей 10 Конвенции.

22. 15 декабря 1994 года Апелляционный суд Вены (*Oberlandesgericht*) отклонил апелляцию заявителей. Он посчитал, что Коммерческий Суд правильно принял необходимые доказательства и оценил факты, относящиеся к делу. Заявители даже не стали приводить в Коммерческом Суде доводы о том, что г-н Графф был членом правительства, или что поправка к Акту об исполнении решений работала на исключительные интересы клиента г-на Граффа. Вместо этого они просто убеждали, что г-н Графф, в качестве Председателя Законодательного Комитета, принимал участие в создании законов, которые создавали преимущества для его клиентов. Поэтому заявители должны были доказать, что г-н Графф был членом правительства и что он манипулировал законодательством для создания исключительного преимущества для его клиентов. Однако, доказательств, предоставленных заявителями, было недостаточно, чтобы подтвердить подобные высказывания. Более того, оспариваемые высказывания были не оценочными суждениями, а (политической) критикой, основанной на утверждаемых фактах. Такая критика была бы приемлемой только в том случае, если факты, лежащие в ее основе, соответствовали бы действительности. Так как заявители не сумели доказать правдивость этих фактов, они не могли прибегать к статье 10 Конвенции.

23. 9 марта 1995 года Верховный Суд отклонил как не подлежащую рассмотрению надзорную жалобу заявителей по вопросам права (*außerordentliche Revision*). Ссылаясь на ранее установившееся прецедентное право, суд указал, что дискредитация посредством не соответствующих действительности заявлений, даже сделанных в ходе политической дискуссии, выходит за рамки допустимой (политической) критики и не может быть оправдано "взвешиванием интересов" или апеллированием к праву на свободу выражения мнения. Это решение было оглашено заявителям 10 апреля 1995 года.

II. Применимое национальное законодательство

24. Статья 1330 Австрийского Гражданского Кодекса (Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch) предусматривает следующее:

"(1) Каждый, кому причинен материальный ущерб или кто понес убытки из-за оскорбления, может требовать компенсации.

(2) Это же относится и к тем случаям, если кто-либо распространяет утверждения о факте, которые ставят под угрозу репутацию другого человека, его доходы или благополучие, и если ложность этих утверждений была известна или должна была быть известна ему. В таком случае, можно также требовать опровержения этих утверждений и публикацию опровержения...."

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

25. Ссылаясь на статью 10 Конвенции, заявители жалуются, что судебный запрет, не позволяющий им делать определенные заявления в адрес г-на Граффа, нарушил их право на свободу выражения мнения. Соответствующая часть статьи 10 Конвенции гласит:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия."

A. Имело ли место вмешательство

26. Суд обращает внимание, что стороны сошлись с одним, что судебный запрет, вынесенный австрийскими судами, представлял собой вмешательство в свободу выражения мнения заявителей, гарантированную п. 1 статьи 10 Конвенции.

B. Было ли вмешательство оправданным

27. Вмешательство нарушает статью 10 Конвенции, если не является "предписанным законом", не преследует одну или большее количество законных целей, упомянутых в п. 2 статьи 10, и не является "необходимым в демократическом обществе" для достижения подобной цели или целей.

1. "Предусмотрено законом"

28. Заявители утверждают, что судебный запрет в данном случае не был предписан законом. Вмешательство не было предсказуемым, так как избыточная подробностями, казуистичная и запутанная судебная практика австрийских судов по статье 1330 Гражданского Кодекса ведет к непредсказуемым результатам. В данном случае, австрийские суды расценили заявления, содержащиеся в оспариваемой статье, утверждениями о фактах, - хотя, в соответствии с правоприменительной практикой Европейского Суда по правам человека, они должны были квалифицировать их как оценочные суждения.

29. Правительство, со своей стороны, утверждало, что в статье 1330 Австрийского Гражданского Кодекса сформулировано законное основание для судебных запретов. Эта норма и судебная практика, выработанная австрийскими судами, достаточно доступны для понимания и делают применение этой нормы предсказуемым.

30. Ссылаясь на правоприменительную практику в плане требования ясности и предсказуемости (см. постановления по делам «Маркт Интерн Верлаг Гмбх и Клаус Бирман против Германии» («Markt Intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany») от 20 ноября 1989 года, Series A №165, стр. 18, п. 30; «Мюллер и др. против Швейцарии» («Muller and Others v. Switzerland») от 24 мая 1988 года, Series A № 133, стр. 20, п. 29), и на тот факт, что по данному вопросу существует заслуживающий внимания внутригосударственный закон, Суд полагает, что судебный запрет был предписан в соответствии с законом в пределах значения п. 2 статьи 10 Конвенции. Простой факт, что судебная практика австрийских судов или ее часть по этой проблеме, по мнению заявителей, не соответствовало прецедентному праву Суда, может подвергаться критике, но не затрагивает проблему "предсказуемости". Соответственно, Суд соглашается, что вмешательство было "предписано законом".

2. Правомерная цель

31. Заявители утверждают, что в данном случае вмешательство не преследовало законную цель, как того требует п. 2 статьи 10. Поскольку необходимо принять во внимание, что г-н Графф является политическим деятелем, в отношении которого пределы допустимой критики являются более широкими при обсуждении его деятельности в общественной должности, и рассматривая этот факт в совокупности с тем, что настоящая статья не касалась частной жизни г-на Граффа, судебный запрет не преследовал интересы защиты репутации или прав других лиц, в пределах значения п. 2 статьи 10.

32. С точки зрения Правительства, законная цель существовала, - а именно, защита репутации и прав других лиц.

33. Суд соглашается с Правительством и находит, что данная мера преследовала законную цель, а именно цель защиты репутации и прав других лиц, то есть г-на Граффа. С точки зрения Суда, доводы заявителей касаются больше вопроса о том, было ли рассматриваемое вмешательство "необходимым в демократическом обществе", - вопроса, который Суд исследует ниже. Обжалуемое вмешательство, таким образом, имело цель, которая была законной согласно п. 2 статьи 10.

3. "Необходимо в демократическом обществе"

(а) Доводы, представленные вниманию Суда

(i) Заявитель

34. Заявители утверждают, что судебный запрет не был необходим в демократическом обществе. Оспариваемая статья предназначалась не для того, чтобы подробно информировать общественность об определенных должностях, занимаемых г-ном Граффом, а для того, чтобы объяснить, что, по мнению автора, определенные политические функции несовместимы с профессиональной деятельностью вне политики. Несмотря на то, что г-н Графф как председатель Законодательного Комитета Парламента *de jure* не имел никакой государственной власти, он имел решающее политическое влияние на процесс законотворчества. Так как партия, членом которой является г-н Графф, была представлена в Правительстве, его положение можно сопоставить с положением бывшего Министра иностранных дел Франции. Критика взглядов г-на Граффа, даже будучи резкой и полемичной, не являлась неуместной нападкой личного характера. Скорее, она представляла собой объективно понятную оценку взглядов г-на Граффа, и использование таких выражений, как "безнравственный" или "не достойный уважения" в том контексте было, следовательно, допустимым.

(ii) Правительство

35. Правительство возражало, утверждая, что вмешательство было пропорционально преследуемой законной цели и что причины, названные внутригосударственными судами, были достаточны и уместны. С его точки зрения высказывания, содержащиеся в оспариваемой статье, - а именно, что г-н Графф занимал правительственную должность, что поправка к закону была внесена исключительно в интересах одного из клиентов г-на Граффа и что он имел безнравственные взгляды, - представляют собой утверждения о фактах, которые не соответствовали действительности, имели дискредитирующий характер и были излишне резки. Эти утверждения вышли далеко за пределы допустимой критики даже с учетом того, что истец, как политический деятель, должен был выказать более высокую степень терпимости к критике в свой адрес. На слушаниях, в результате которых был вынесен судебный запрет, заявителям предоставили возможность доказать достоверность их утверждений, но им не удалось убедить национальные суды в том, что обстоятельства, на которых они основывались, были по существу верными, - хотя и не имелось никаких причин сомневаться в добросовестности заявителей в этом отношении. Кроме того, судебный запрет был адекватной мерой, принимая во внимание тот факт, что он базировался на решении суда по гражданскому делу, а не на обвинительном приговоре суда, и что он не был сформулирован в широких понятиях, но ограничен до специальных пунктов, которые были четко определены в судебном решении.

(iii) Г-н Михаэль Графф

36. В его комментариях, представленных в соответствии с п. 2 статьи 36 Конвенции и п. 3 Правила 61 Правил Суда, г-н Графф заявил, что, хотя в п. 2 статьи 10 упоминается защита прав других лиц как одна из законных целей, этому элементу не было уделено достаточного внимания в правоприменительной практике Суда.

Вне всякого сомнения, публичное выражение оценочных суждений должно быть допустимо в очень больших пределах, и что политический деятель должен терпеть критику в свой адрес в большей степени, чем рядовые члены общества. Однако, в то же время он не должен быть оставлен без защиты, будучи несправедливо обвиненным посредством утверждений о фактах, не соответствующих действительности. То же относится и к оценочному суждению, если оно основано на неверных фактах. Таким образом, Австрийский Верховный Суд решил, что "права на свободу выражения мнения на основе неверных или недоказанных утверждений о фактах не существует".

Упреки против него были основаны на ложных утверждениях о фактах. Утверждение о том, что поправка к Акту о расширении пределов денежных штрафов создавала большие преимущества для его тогдашнего клиента, не соответствовало действительности. Было очевидно, что любое изменение в юридических нормах, касающееся осуществления судебных запретов, затрагивало всех конкурентов на рынке, включая его клиента, по той причине, что это значительно увеличило штрафы за нарушения судебных запретов согласно Акту о недобросовестной конкуренции. Несмотря на то, что требование о том, что практикующий адвокат должен оставить свою профессиональную деятельность, если он становится членом Правительства, было правильным, но он никогда не был членом Правительства. Поэтому ссылка в статье на г-на Думаса, который оставил свою юридическую практику, когда стал государственным министром, конечно же, вводила в заблуждение.

Г-н Графф заключил, что вмешательство в свободу выражения мнения заявителей было оправданным.

(b) Оценка Суда

(i) Соответствующие принципы

37. Согласно правоприменительной практике Суда, свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждого его члена. Будучи предметом для законных ограничений, установленных в пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят. Статья 10 защищает не только содержание идей и изложенной информации, но также и форму, в которой они переданы. Эта свобода подчинена исключениям, оговоренным в п. 2 статьи 10, - которые, однако, должны толковаться узко (см. постановления по делам «Леидо и Изорни против Франции» («Lehideux and Isorni v. France») от 23 сентября 1998 года, Отчеты о судебных решениях 1998-VII, стр. 2886, п. 52, и «Нилсен и Джонсен против Норвегии» («Nilsen and Johnsen v. Norway») [GC], № 23118/93, п. 43, ЕСПЧ 1999-VIII).

38. Тест на "необходимость в демократическом обществе" требует, чтобы Суд определил, действительно ли "вмешательство" было вызвано "острой общественной потребностью", соответствовало ли оно преследуемой законной цели, и были ли причины, указанные органами федеральной власти, чтобы оправдать его, уместными и достаточными. В оценке, существует ли такая "потребность" и какие меры должны быть приняты, чтобы ее удовлетворить, органам федеральной власти оставлены определенные пределы усмотрения. Но данная свобода усмотрения не абсолютна и подчиняется Европейскому контролю со

стороны Суда, который должен вынести окончательное решение на предмет соответствия ограничения свободе выражения мнения, как она защищается статьей 10. Задача Суда при осуществлении его контролирующей функции состоит не в том, чтобы подменить собой органы федеральной власти, а скорее в том, чтобы рассмотреть в свете статьи 10 и всего дела в целом решение, которое они приняли, пользуясь своей свободой усмотрения. Так, Суд должен убедиться, что национальные власти применили нормы, соответствующие принципам, изложенным в статье 10 и, кроме того, что их решения основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. постановление по делу «Джерусалем против Австрии» («Jerusalem v. Austria») от 27 февраля 2001 года, № 26958/95, п. 33, с дальнейшими ссылками).

39. Далее Суд напоминает о том, что в соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции существует весьма незначительная сфера для ограничений на политические выступления или дебаты по вопросам общественной значимости (см. постановление по делу «Сюрек против Турции» («Surek v. Turkey (No. 1)») (№ 1) [GC], № 26682/95, п. 61, ЕСПЧ 1999-IV). Более того, пределы допустимой критики более широки в отношении политического деятеля в его общественной роли, чем в отношении частного лица, так как первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело на всеобщее обозрение и пристальное внимание со стороны как журналистов, так и широкой общественности в целом, и он должен выказывать большую степень терпимости. Политический деятель, конечно же, имеет право на защиту своей репутации, даже когда он действует не как частное лицо, но требования этой защиты должны быть сопоставлены с интересами открытого обсуждения политических вопросов (см. постановления по делам «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июня 1986 года, Series A, № 103, стр. 26, п. 42; «Обершлик против Австрии» («Oberschlick v. Austria») от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, стр. 26, п. 59).

40. Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать установленных границ, особенно в отношении репутации и прав других людей, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» («De Haes and Gijssels v. Belgium») от 24 февраля 1997 года, Отчеты 1997-I, стр. 233-234, п. 37). Помимо того, что передавать такую информацию и идеи - задача прессы, общество также имеет право получать их. Если бы все было иначе, пресса была бы неспособна играть ее жизненно важную роль "сторожевого пса общества" (см. постановления по делам «Торгер Торгерсон против Исландии» («Thorgeir Thorgeirson v. Iceland») от 25 июня 1992 года, Series A, № 239, стр. 28, п. 63; «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» («Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway») [GC], № 21980/93, п. 62, ЕСПЧ 1999-III).

41. Статья 10 защищает не только содержание идей и изложенной информации, но также и форму, в которой они переданы (см. постановление по делу «Обершлик против Австрии» от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, стр. 25, п. 57). Журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторой степени преувеличения, или даже провокации (см. постановление по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» («Prager and Oberschlick v. Austria») от 26 апреля 1995 года, Series A, № 313, стр. 19, п. 38).

42. В своей практике Суд разграничил утверждение о факте и оценочное суждение. В то время как существование фактов может быть доказано, соответствие оценочных мнений действительности доказано быть не может. Требование доказать соответствие оценочного

суждения действительности невыполнимо и нарушает свободу выражения мнения как таковую, - а она является основной частью права, защищенного статьей 10 (см. постановления по делам «Лингенс против Австрии», цитируемое издание, стр. 28, п. 46; «Обершлик против Австрии» от 23 мая 1991 года, Series A, № 204, стр. 27, п. 63).

43. Однако даже если утверждение квалифицировано как оценочное суждение, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для оспариваемого суждения, поскольку даже субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерной (см. постановление по делу "Джерусалем против Австрии", цитируемое издание, п. 43, с дальнейшими ссылками).

(ii) Применение вышеупомянутых принципов к данному делу

44. В данном случае Суду необходимо рассмотреть жалобу заявителей относительно того, что судебный запрет, вынесенный австрийскими судами, которые обязали их отказаться от определенных заявлений в адрес г-на Граффа и воздержаться от повторения их в будущем, представлял собой вмешательство в свободу выражения их мнения, тем самым, нарушая статью 10 Конвенции.

45. Судебный запрет в отношении заявителей касается следующих трех моментов в оспариваемой статье: (i), что г-н Графф "не намеревается придерживаться нравственных принципов, существующих в демократических государствах во всем мире, а именно, что любой человек должен перестать заниматься адвокатской практикой, если он становится членом правительства (Михаэль Графф никогда не был членом правительства), и-или (ii), что он принял участие в принятии законов, которые принесли преимущества для его клиентов, и/или (iii), что ему позволили высказать его не достойные уважения взгляды по телевидению". Суд рассмотрит эти моменты, каждый по очереди.

46. Что касается первого момента, Суд считает, что высказывание заявителей, дословно приведенное ниже, не представляло собой открытого утверждения о том, что г-н Графф был членом австрийского правительства. Более того, такое утверждение также не может быть убедительно выведено из контекста. Оспариваемое утверждение было извлечено из одного абзаца, за которым сразу же следует второй абзац, в первом предложении которого недвусмысленно указана точная должность г-на Граффа.

47. Первый абзац иллюстрирует общий моральный принцип конкретным примером, а именно примером французского адвоката, затем министра, Роланда Думаса, который, по мнению автора, повел себя образцово, когда "принял как должное тот факт, что он должен был перестать заниматься адвокатской практикой, когда стал членом [французского] правительства." В следующих предложениях утверждается, что:

"Такого порядка действий придерживается любая демократическая страна мира. Только г-н Графф - явно толстокожий - не намеревается подчиняться этим нравственным принципам".

48. В отношении общественной должности г-на Граффа, в следующем абзаце подробно и точно описывается фактическая предпосылка для завершающего замечания в его адрес, - в последнем предложении первого абзаца. Это звучит так:

"Получилось так, что в то время, когда г-н Графф был председателем Законодательного Комитета, в законодательство была внесена поправка, которая принесла большие преимущества для издателей газет, интересы которых г-н Графф представлял как адвокат. Чтобы гарантировать отсутствие в подобных случаях каких-либо подозрений, даже тех, которые не имеют никакого объективного подтверждения, существует мудрое правило о "несовместимости"; адвокату не позволено участвовать в принятии законов, которые создают преимущества для их клиентов".

49. В этих обстоятельствах, Суд не может подтвердить заключение австрийских судов о том, что вмешательство в права заявителей было оправданным, потому что заявители опубликовали недостоверное утверждение о факте.

50. Что касается второго момента, а именно утверждения о том, что г-н Графф, как председатель Законодательного Комитета, участвовал в принятии поправки, которая принесла большие преимущества для одного из его клиентов, Суд обращает внимание на то, что критерий, примененный Коммерческим Судом в ходе внутригосударственного процесса, в соответствии с которым заявители должны были доказать, что поправка к Акту об исполнении решений отвечала исключительно интересам клиентов г-на Граффа, наложил чрезмерное бремя на заявителя. В оспариваемых утверждениях имелось в виду не то, что поправка отвечала исключительно интересам клиентов г-на Граффа, а только то, что она приносила значительные преимущества для них. В этих обстоятельствах Суд находит, что для оценочного суждения (второй момент) в статье имелось достаточное фактическое основание. По мнению Суда, это оценочное суждение представляет собой честный комментарий по поводу широкой проблемы общественной значимости. То же относится и к третьему моменту.

51. В любом случае, Суд не находит, что ограничение, наложенное в данном случае на свободу выражения мнения, было необходимо в демократическом обществе: г-н Графф был значимым политическим деятелем, и тот факт, что политический деятель находится в ситуации, где его политическая деятельность и деятельность в бизнесе накладываются друг на друга, может спровоцировать общественную дискуссию, - даже в том случае, если, строго говоря, согласно внутригосударственным законам не возникает никакой проблемы несовместимости должностей.

52. Действительно, на слабом фактическом основании заявители опубликовали статью, в которой содержалась резкая критика с использованием крепких выражений и полемичного языка. Однако, следует помнить, что статья 10 защищает также информацию и идеи, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят (см. постановление по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» («Handyside v. the United Kingdom») от 7 декабря 1976 года, Series A, № 24, стр. 23, п. 49). В итоге Суд находит, что австрийские суды превысили пределы усмотрения, предоставленные Государствам - членам Конвенции, и в этом отношении мера, принятая по данному делу, не была пропорциональна преследуемой цели.

53. Суд поэтому приходит к выводу, что имелось нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

54. В статье 41 Конвенции говорится:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

55. Заявители требовали 103,750.11 австрийских шиллингов [ATS] (7,539.81 евро [EUR]) в соответствии с суммой компенсаций, предоставленной г-ну Граффу австрийскими судами.

56. Правительство не комментировало это требование.

57. Ввиду прямой связи между этим пунктом и нарушением статьи 10, установленным Судом, заявители имеют право на компенсацию в полном размере 7,539.81 евро, поэтому Суд присуждает эту сумму.

В. Затраты и издержки

58. Заявители требовали 205,094.84 австрийских шиллингов (14,904.82 евро) в качестве компенсации своих затрат и издержек в Австрии. Эти пункты должны быть приняты во внимание, поскольку затраты и издержки были понесены, чтобы предотвратить или скорректировать нарушение, установленное Судом. Размер суммы, по поводу которой Правительство не высказало никаких комментариев, кажется Суду разумным и поэтому предоставляется в полном объеме.

59. В качестве компенсации затрат и издержек, понесенных в ведомствах Конвенции, заявители потребовали 109,808.40 австрийских шиллингов (7,980.09 евро).

60. Правительство не комментировало это требование.

Принимая во внимание тот факт, что в Суде не проводились слушания по данному делу, Суд считает это требование чрезмерным. На основе доказательств, имеющихся в его распоряжении, заявлений участников в ходе процесса и его собственного прецедентного права, Суд считает адекватной компенсацией сумму в размере 5,800 евро по этому пункту.

С. Пеня на сумму компенсаций издержек в национальных судах и ведомствах Конвенции

61. Заявители запросили, чтобы к их требованию относительно суммы компенсации, предоставленной противной стороне в ходе внутригосударственных процессов, была добавлена пеня по курсу 4 % в год с даты, когда Апелляционный суд Вены вынес свое решение, то есть с 15 декабря 1994 года.

62. Суд считает, определенные денежные потери действительно должны были иметь место, в виду того, что прошло некоторое время с момента, когда вышеупомянутые издержки были понесены, до момента, когда Судом была предоставлена компенсация (см., например,

постановления по делам «Дарби против Швеции» («Darby v. Sweden») от 23 октября 1990 года, Series A, № 187, стр. 14, п. 38; «Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства» («Observer and Guardian v. the United Kingdom») от 26 ноября 1991 года, Series A, № 216, стр. 38, п. 80 (d); «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» [GC], № 21980/93, п. 83, ЕСПЧ 1999-III. Вынося решение на основании равноправия и принимая во внимание установленную законом норму пени в Австрии, Суд предоставляет заявителям 1,850 евро в рамках их требований по этому пункту.

D. Пеня

63. Согласно информации, которой располагает Суд, установленная законом норма пени, применяемой в Австрии во время вынесения настоящего постановления - 4 % в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

(а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителям, в трехмесячный срок с момента, когда постановление становится окончательным согласно п. 2 статьи 44 Конвенции, следующие денежные суммы:

(i) 7,539.81 евро (семь тысяч пятьсот тридцать девять евро и восемьдесят один цент) в качестве компенсации денежного ущерба;

(ii) 20,704.82 евро (двадцать тысяч семьсот четыре евро и восемьдесят два цента) в качестве компенсации затрат и издержек;

(iii) 1,850 евро (одна тысяча восемьсот пятьдесят евро) в качестве пени;

(b) что пеня по ежегодной норме 4 % должна быть выплачена по истечении вышеупомянутых трех месяцев до урегулирования;

3. *Отклоняет* остальные требования заявителей о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме 26 февраля 2002 года, в соответствии с п.п. 2 и 3 Правила 77 Правил Суда.

Жан-Поль Коста
С. Долле

Председатель
Секретарь

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

Краткое изложение дела

ДЕЛО "КАСАДО КОКА ПРОТИВ ИСПАНИИ" (Casado Coca v. Spain)

(жалоба № 15450/89)

Постановление Суда

Страсбург, 26 января 1994 года

Тема: ограничения на содержание распространяемой информации

Подтема: коммерческая речь

Критерий: важность свободы выражения мнения, ее необходимость в демократическом обществе

Санкция: дисциплинарная

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения не имело места (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека); семью голосами против двух

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Испания

Факты:

Заявитель был адвокатом. Он регулярно размещал объявления с рекламой своей практики в местных газетах. Совет коллегии адвокатов Барселоны провёл дисциплинарное разбирательство его деятельности, результатом чего стало вынесение ему двух выговоров и двух предупреждений за нарушение запрета рекламы профессиональной деятельности. Когда он опубликовал объявление о своих услугах в местном информационном бюллетене Ассоциации жителей и домовладельцев, Совет коллегии адвокатов провел дальнейшее дисциплинарное разбирательство деятельности заявителя. Он получил очередное письменное предупреждение за нарушение запрета на рекламу профессиональной деятельности. После неудачного обжалования дисциплинарного взыскания внутри корпорации заявитель обратился с жалобой на это предупреждение в судебные органы, которые поддержали вынесенное ему взыскание.

Решено:

Важность свободы выражения мнения

Право на свободу выражения мнения - право, гарантированное "каждому". Не проводится никакого различия в зависимости от преследуемой цели выражения мнения - будет ли это извлечение прибыли или иное. Суд указал, что статья 10 применима к информации и идеям политического характера, а также к художественному самовыражению, к информации коммерческого характера и даже к легкой музыке и коммерческим объявлениям. В данном деле спорные объявления содержали лишь имя, профессию, адрес и телефонный номер заявителя. Они были опубликованы с целью рекламы, но вместе с тем они давали лицам, нуждающимся в правовой помощи, полезную для них информацию, которая, по всей видимости, облегчала им доступ к правосудию. Поэтому было решено, что статья 10 подлежит применению в настоящем деле.

Согласно внутреннему законодательству Совет Коллегии адвокатов Барселоны был корпорацией публичного права. Кроме того, обжаловать его предписания следовало через компетентные суды, которые были государственными учреждениями. Следовательно, имело место вмешательство со стороны государственных органов власти.

Другие санкции

Дисциплинарная мера представляла собой запрет на рекламу, выданный Коллегией адвокатов Испании, Коллегией адвокатов Барселоны и решением ее совета. Прецедентное право Конституционного Суда Испании допускает, чтобы в писаных законах предусматривалось, что правила, регламентирующие деятельность профессиональных объединений и занятие определенными видами профессиональной деятельности, могли устанавливаться посредством законодательных актов. Суд посчитал такое вмешательство обоснованным и заявил, что вмешательство "предусмотрено законом". Оспариваемым правилами были разработаны с целью защиты интересов общественности, при одновременном уважении к интересам членов Коллегии адвокатов, поэтому они "преследовали законную цель".

Государства-участники Конвенции наделены определенными пределами усмотрения, которые особенно существенны в сложной и переменчивой области недобросовестной конкуренции и рекламы. В настоящем случае задача Суда ограничивается тем, чтобы установить, насколько в принципе оправданными и пропорциональными были меры, принятые на национальном уровне.

Для граждан реклама является средством, с помощью которого они узнают о предлагаемых им услугах и товарах. Не смотря на это, Суд отметил, что реклама

"...в некоторых случаях может быть подвергнута ограничениям, в особенности для того, чтобы предотвратить недобросовестную конкуренцию или появление недостоверной либо вводящей в заблуждение рекламы...При определенных обстоятельствах, публикация даже объективной, правдивой рекламы может быть ограничена для того, чтобы обеспечить уважение прав других лиц или в связи с особыми обстоятельствами определенных видов деятельности и профессиональных занятий" (п. 51).

"Необходимость в демократическом обществе"

Однако любые подобные ограничения должны подвергаться тщательной проверке. Оспариваемый запрет не был абсолютным. Члены коллегии адвокатов не могут сравниваться со страховыми компаниями, поскольку особый статус адвокатов, как служащих правосудия, отводит им центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредников между общественностью и судами. Правила, которыми должны руководствоваться члены профессиональной корпорации в области рекламы, различны в разных странах. Широкий спектр правил поведения и различия в темпах перемен, происходящих в государствах - членах Совета Европы, указывает на сложность проблемы. В рассматриваемый период времени реакция соответствующих властей не может считаться непропорциональной преследуемой цели.

Суд счел, что не было нарушения статьи 10 Конвенции в настоящем деле.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. Кондратьевой

ДЕЛО «КАСАДО КОКА ПРОТИВ ИСПАНИИ»**(Casado Coca v. Spain)**

(жалоба № 15450/89)

Постановление суда

Страсбург, 24 февраля 1994 года

По делу “Касадо Кока против Испании” Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) и соответствующими положениями Регламента Суда А, в виде Палаты, состоящей из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Тор Вильямсон,
г-н А. Шпильман,
г-н Н. Валтикос,
г-жа Е. Палм
г-н И. Фойгель,
г-н Х. М. Моренила,
сэр Джон Фрилэнд,
г-н Ф. Биги, *судьи*

а также г-н М. -А. Эйсен, *Секретарь Суда*, и г-н Х. Петцольд, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 26 января 1994 г. закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 19 февраля 1993 года, в течение трехмесячного срока, предусмотренного п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Оно было возбуждено по жалобе (№ 15450/89) против Королевства Испания, поданной в Комиссию 25 мая 1989 года испанским подданным, г-ном Касадо Кока, в соответствии со статьей 25.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Испания признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) статьи 33 Регламента Суда А, заявитель сообщил о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и дать свои объяснения по делу. 30 апреля 1993 года Председатель Суда удовлетворил его ходатайство и разрешил ему пользоваться испанским языком во время судебного разбирательства (п. 3 статьи 27 и 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, ex officio вошли г-н Х. М. Моренила как избранный судья, испанский подданный (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (п. 3 статьи 21 Регламента). 27 февраля 1993 года в присутствии секретаря, заместитель Председателя г-н Р. Бернхардт путем жеребьевки определил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Тора Вильямсона, г-на А. Шпильмана, г-на Н. Валтикоса, г-жи Е. Палм, г-на И. Фойгеля, сэра Джона Фрилэнда и г-на Ф. Биги (статья 43 Конвенции и п. 4 статьи 21 Регламента).

4. В качестве Председателя Палаты (п. 5 статьи 21 Регламента), г-н Риссдал, действуя через секретаря, провел с представителем Испанского правительства ("Правительством"), заявителем и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (п. 1 статьи 37 и 38 Регламента). По получении соответствующих предписаний, заявитель и Правительство подали в Секретариат суда свои меморандумы 29 апреля 1993 года и 13 июля 1993 года, соответственно. 7 сентября Секретарь Комиссии сообщил секретарю, что Представитель Комиссии выскажет свои соображения на слушаниях.

24 августа и 15 сентября 1993 года Комиссия представила различные документы, которые запросил у нее секретарь по поручению Председателя, действующего по просьбе Правительства. В октябре того же года Правительство и заявитель также подали некоторые документы.

5. В соответствии с решением Председателя, который также дал представителю Испанского правительства разрешение пользоваться на слушаниях испанским языком, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 26 октября 1993 года. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства -

г-н Х. Боррего Боррего, руководитель правовой службы по вопросам прав человека, Министерство юстиции, Представитель,

(b) со стороны Комиссии -

г-н Л. Ф. Мартинес, Представитель;

(c) заявитель, г-н Касадо Кока, адвокат.

Суд выслушал выступления указанных лиц, а также их ответы на заданные им вопросы. Представитель Правительства предъявил Суду некоторые документы.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Г-н Пабло Касадо Кока, испанский подданный, проживает в пригороде Барселоны Вальдорей и имеет адвокатскую практику в Барселоне.

7. После того как в 1979 году заявитель начал заниматься юридической практикой, он регулярно помещал объявления с рекламой своей практики на страницах рекламных

объявлений ряда барселонских газет, а также “Немецкого журнала Испании”. Он также направлял в различные компании письма с предложением своих услуг.

8. В связи с этим Совет коллегии адвокатов Барселоны четырежды проводил дисциплинарное разбирательство его деятельности, результатом чего стало вынесение ему в 1981 и 1982 годах ряда взысканий, а именно двух выговоров и двух предупреждений. Заявитель подал несколько внутренних апелляционных жалоб на указанные взыскания, но не стал обращаться в компетентные судебные инстанции.

А. Разбирательство дела в Совете коллегии адвокатов

9. Начиная с октября 1982 года в информационном бюллетене Ассоциации жителей и домовладельцев Валльдорей стали публиковаться объявления о юридической практике заявителя. Они занимали примерно треть страницы и содержали имя заявителя, после которого шло слово “адвокат” и были указаны адрес и телефонный номер его конторы.

10. Ввиду этого, Совет коллегии адвокатов Барселоны провел дальнейшее дисциплинарное разбирательство деятельности г-на Касадо Кока. 6 апреля 1983 года ему было вынесено еще одно письменное предупреждение за нарушение запрета на рекламу профессиональной деятельности (статья 31 Королевского указа № 2090/82 от 24 июля 1982 г. об утверждении устава Коллегии адвокатов - см. п. 22 ниже).

11. 3 июня 1983 года Совет национальной коллегии адвокатов рассмотрел внутреннюю апелляционную жалобу заявителя и поддержал вынесенное ему взыскание. Основываясь на статье 31 Устава Коллегии адвокатов и соответствующих положениях Регламента Совета коллегии адвокатов Барселоны (см. п. 22, 24 и 27 ниже), он постановил, что, учитывая характер рассматриваемых объявлений, они выходят за рамки установленных ограничений. Кроме того, было отмечено, что заявитель в последнее время получил еще ряд других дисциплинарных взысканий по той же самой причине, и они также были приняты во внимание при вынесении решения по апелляционной жалобе.

В. Разбирательство в компетентных судах

12. Вслед за этим г-н Касадо Кока обратился в Административный суд Барселоны. В частности, он заявил, что целью его объявления было информирование общественности, и что вынесенное ему предупреждение противоречит статье 20 Конституции страны, в которой гарантируется право на свободу слова. Он также утверждал, что был нарушен принцип, согласно которому установить, что является правонарушением, и предусмотреть санкцию за него, может только законодательный акт, поскольку положения о запрете рекламных объявлений со стороны членов коллегии адвокатов и о вынесении дисциплинарных взысканий за невыполнение указанного запрета носят регулятивный характер.

Суд отклонил обращение заявителя 11 мая 1987 года на том основании, рассматриваемое объявление носило рекламный характер, а не было просто информационным. Оно появилось рядом со схожими объявлениями школы вождения и дома престарелых и выходило за рамки, установленные правилами коллегии адвокатов, которыми допускается использование рекламных объявлений только в случаях начала адвокатской практики или перемены адреса адвокатской конторы; дело заявителя не подпадало ни под один из этих разрешенных случаев.

13. 23 сентября 1988 года Верховный Суд отклонил жалобу г-на Касадо Кока по вопросам права и в то же самое время отказался передать дело в Конституционный Суд по причине ее неконституционности.

Он не согласился с основным доводом жалобы, и счел неважным в данном деле принцип, согласно которому только Закон может определять, что является правонарушением и устанавливать соответствующее наказание. При этом Верховный Суд сослался на прецедентное право Конституционного Суда, в соответствии с которым статья 36 Конституции (см. п. 18 ниже) допускает, чтобы в писаных законах предусматривалось, что правила, регламентирующие деятельность профессиональных объединений и занятие определенными видами профессиональной деятельности, могут устанавливаться посредством законодательных актов. Суд заявил, что статья 20 не защищает рекламу как одно из основных прав, поскольку сущность рекламы заключается не в выражении мыслей, идей или мнений, а в объявлении о существовании коммерческой предпринимательской деятельности.

Более того, запрет членам коллегии адвокатов прибегать к рекламе своей деятельности преследовал законные цели, такие как поддержка свободной конкуренции и защита интересов клиентов. В таком случае право, о котором идет речь, может подлежать определенным ограничениям.

С. Разбирательство в Конституционном Суде

14. Затем заявитель направил жалобу в Конституционный Суд. В ней он снова утверждал, что установление административных наказаний посредством указа идет вразрез с закрепленным в Конституции принципом, согласно которому установить, что является правонарушением, и предусмотреть санкцию за него может только законодательный акт; и что поскольку в его объявлении была приведена правдивая информация, т.е. его имя, адрес и телефонный номер адвокатской конторы, наложенное взыскание противоречит статье 20 Конституции.

15. 17 апреля 1989 года Конституционный Суд признал жалобу неприемлемой.

Он постановил, что оспариваемое взыскание не посягает на основное право распространять подлинную информацию. Цель рекламных объявлений связана с “ведением коммерческой, производственной, промысловой или профессиональной деятельности”; она заключается в прямом или косвенном создании благоприятных условий для заключения контрактов, связанных с движимым или недвижимым имуществом, услугами, правами либо обязательствами”. В то же время, определенное в статье 20 п. 1 (d) основное право направлено на то, чтобы дать гражданам возможность “формировать собственные убеждения путем взвешивания различных и даже диаметрально противоположных мнений, и таким образом принимать участие в обсуждении общественно значимых вопросов”. Таким образом, запрет на рекламу профессиональных услуг не нарушает основного права, о котором идет речь.

II. Применимое национальное законодательство

A. Общие положения

1. Конституция 1978 г.

16. Статья 20 Конституции гарантирует право на свободу слова:

“1. Признаются и защищаются следующие права:

(a) право свободно выражать и распространять мысли, идеи и мнения в устной форме, в письменном виде или с помощью иных средств воспроизведения;

...

(d) право получать и передавать правдивую информацию с помощью любых средств распространения. Право обращаться к пунктам законов, допускающих несоблюдение их по этическим, религиозным и другим принципам, в том числе ради сохранения профессиональной тайны, определяется законодательными актами.

2. Осуществление данных прав не может быть ограничено какой-либо предварительной цензурой.

...

4. В отношении прав, гарантированных в настоящей Части, данные свободы ограничиваются положениями обеспечивающих их актов и, в особенности, правом на уважение и на личную жизнь, правом на контроль за использованием собственного изображения и правом на защиту молодежи и детей.”

17. В статье 25 закрепляется принцип, согласно которому установить, что является правонарушением, и предусмотреть санкцию за него может только законодательный акт:

“1. Никто не может быть признан виновным или наказан за действие или бездействие, которое на время его совершения не составляло по действующему на тот момент законодательству уголовного преступления, будь то серьезного или незначительного, и не являлось административным проступком.

...”

18. В статье 36 речь идет о профессиональных объединениях:

“Особенности правового статуса профессиональных объединений и занятия видами деятельности, требующими наличия университетского диплома, устанавливаются законодательным актом. Внутренняя структура и функционирование объединений должны быть демократическими.”

В соответствии с прецедентным правом Конституционного Суда, данная статья не препятствует законоположению, согласно которому правила, регламентирующие профессиональные объединения и занятие определенными видами профессиональной деятельности, устанавливаются в постановлениях административных органов (судебные решения от 20 февраля и 24 сентября 1984 года).

19. В Конституции заявляется об отмене всех противоречащих ей ранее действовавших положений.

2. Закон № 2/1974 о профессиональных объединениях

20. Закон № 2/1974, который был опубликован в “Испанской официальной газете” 15 февраля 1974 года, регулирует вопросы функционирования и организации профессиональных объединений. В разделе 1 говорится:

“Профессиональные объединения являются корпорациями публичного права. Они признаются Государством, защищаются законом, являются субъектами права и обладают полным правом преследовать свои цели.”

21. Раздел 5 (i) возлагает на профессиональные объединения ответственность за регулирование профессиональной деятельности их членов, обеспечение соблюдения норм профессиональной этики и защиты прав частных лиц, а также применение дисциплинарных мер по внутренним и профессиональным вопросам. В этих целях, соответствующие национальные советы принимают уставы, которые утверждаются Правительством. В этих уставах формулируются права и обязанности членов различных профессий и применяемые к ним правила дисциплинарного характера.

В. Специальные положения о деятельности коллегий адвокатов

1. Устав Коллегии адвокатов Испании

(а) Режим, действовавший на момент вынесения взыскания

22. Королевский указ № 2090/82, в котором излагается устав Коллегии адвокатов Испании, был опубликован в “Испанской официальной газете” 2 сентября 1982 года.

Статья 31

“Члены Коллегии адвокатов не имеют права

а) публиковать или распространять информацию о своих услугах непосредственно или через рекламные средства информации, ... а также выражать мнения бесплатно в профессиональных журналах, других печатных изданиях и средствах массовой информации без разрешения Совета коллегии адвокатов;

...”

В статьях 102-112 определяются дисциплинарные полномочия Советов коллегий адвокатов. Апелляции по вынесенным взысканиям могут быть поданы в Совет национальной коллегии адвокатов (статья 96 п. 1), а впоследствии в компетентные суды (статья 99).

(b) Предложенный новый режим

23. На состоявшихся 5-6 марта, 21-22 мая и 25 июня 1993 года заседаниях Ассамблея председателей коллегий адвокатов Испании приняла проект нового национального Устава, который был направлен на утверждение в Правительство. В статье 31 проекта Устава предусматривается:

“1. Члены коллегии адвокатов могут рекламировать свои услуги и деятельность в соответствии с действующим законодательством, настоящим Уставом и другими правилами и решениями коллегии адвокатов.

2. Прямая или косвенная реклама отдельных членов коллегии адвокатов и оказываемых ими услуг, а также их участие в программах правовой помощи в средствах массовой информации ограничиваются определенными условиями. Члены коллегии адвокатов должны

a. соблюдать специальные положения, применимые к профессиональной деятельности в коллегии адвокатов, а также действующее законодательство о рекламе;

b. проявлять заботу о правдивости, точности и аккуратности, не умаляя рекламных объявлений других членов путем подражания им или создания путаницы с ними, не скатываясь к самовосхвалению, сравнению с коллегами и их диффамации, и не ссылаясь на свои собственные профессиональные успехи, состав клиентуры или финансовые условия, на которых они предоставляют услуги; и

c. перед публикацией рекламного объявления обратиться в Совет коллегии адвокатов за соответствующим разрешением, точно указав в своем запросе содержание объявления и способ его публикации.

Совет коллегии адвокатов может выдать разрешение, обусловить его выдачу внесением в объявление определенных изменений либо отказать в выдаче разрешения. В любом случае, им должно быть вынесено аргументированное решение, которое может быть оспорено в соответствии с порядком, изложенным в статье 130 и последующих статьях настоящего Устава. Указанное решение должно быть доведено до члена коллегии адвокатов, обратившегося за разрешением, не позднее чем через 30 дней после подачи запроса; в противном случае отсутствие решения будет рассматриваться как молчаливое согласие Совета коллегии адвокатов.

3. Несмотря на все вышеизложенное, члены коллегии адвокатов могут без предварительного разрешения:

a. использовать печатные бланки с указанием имени, профессии и ученых степеней их самих или их партнеров, а также названия и телефонного номера их адвокатской конторы, в форме, обычно используемой членами коллегии адвокатов;

b. прикреплять снаружи зданий, в которых располагаются их адвокатские конторы или находятся их частные резиденции, а также на дверях своих контор или рядом с ними, вывески или таблички с указанием их адвокатской практики, размер и вид которых должен быть обычен для данной области коллегии адвокатов;

c. включать в справочники телефонов, факсов и телексов указание на то, что они являются членами коллегии адвокатов;

d. извещать посредством писем или через средства массовой информации о любых изменениях в адресах или телефонных номерах своих адвокатских контор, также в той форме, которая обычно используется членами коллегии адвокатов, к которой они принадлежат; и

e. принимать участие в конференциях и симпозиумах, упоминая на них о своем членстве в коллегии адвокатов, публиковать статьи в специализированных и обычных изданиях, а также делать заявления на радио и телевидении.

4. Члены коллегии адвокатов, которые постоянно или время от времени предоставляют услуги частным лицам или компаниям, должны просить их воздерживаться от всяких заявлений рекламного характера, идущих вразрез с положениями настоящего Устава.

5. Совет коллегии адвокатов выносит решения по сомнительным или непредвиденным ситуациям и случаям нарушения положений, касающихся рекламной деятельности. Кроме того, он принимает постановления по любым случаям злоупотребления правами, вытекающими из правил настоящего Устава. Он может в явном виде запрещать приемы, которые он считает противоречащими духу настоящего Устава, и налагать взыскания за любые нарушения таких запретов.”

2. Конкретные правила Коллегии адвокатов Барселоны

(а) Режим, действовавший на момент вынесения взыскания

(i) Устав Коллегии адвокатов Барселоны 1947 года

24. На время, когда заявителю было вынесено взыскание, еще был в силе устав Коллегии адвокатов Барселоны 1947 года. Статья 18 совершенно недвусмысленно запрещала членам коллегии адвокатов заниматься рекламой своей деятельности:

Статья 18

“Членам коллегии адвокатов запрещается публиковать объявления, касающиеся их профессиональных занятий, в целях рекламы или пропаганды.”

(ii) Постановление от 24 февраля 1981 года

25. Придерживаясь того мнения, что запрет на рекламу является важным правилом профессионального поведения, Совет коллегии адвокатов Барселоны 24 февраля 1981 года принял постановление “Члены Совета коллегии адвокатов и реклама”, в котором, среди прочего, говорилось:

“1. Общий принцип

Членам коллегии адвокатов запрещается прибегать к прямой или косвенной персональной рекламе, направленной на привлечение клиентов.

...

2. Разрешенные объявления

Члены коллегии адвокатов могут публиковать небольшие объявления в местных ежедневных газетах с тем, чтобы уведомить население об открытии своей практики или изменениях в адресе, номере телефона или телекса их конторы.

Размер и содержание объявлений предварительно должны быть утверждены Советом коллегии адвокатов. Они не могут появляться более трех раз в течение максимального периода в два месяца.

...

6. Профессиональные справочники

Члены коллегии адвокатов могут помещать свои имена, адреса, номера телефонов и телексов, с кратким указанием типа предлагаемых ими профессиональных услуг, в профессиональных справочниках, при условии, что всем членам коллегии адвокатов предоставлена такая же возможность.

...”

(b) Последующий режим

(i) Устав Коллегии адвокатов Барселоны 1985 года

25. Новый устав Коллегии адвокатов Барселоны был опубликован в “Каталонской официальной газете” 5 июня 1985 года. В статье 19 предусматривается:

“1. Членам коллегии адвокатов запрещается прибегать к какой-либо персональной рекламе, направленной на привлечение клиентов, будь то прямая или косвенная реклама.

2. Членам коллегии адвокатов также запрещается давать явное или молчаливое согласие на предлагаемую им рекламу любого вида.

3. Вышеизложенный запрет распространяется как на устную рекламу, так и на письменную и графическую рекламу любой формы и любого вида. Он также действует в отношении рекламы посредством радиовещательных и телевизионных передач.

...

5. Совет коллегии адвокатов может принимать правила, более подробно регламентирующие вопросы, которые затрагивает данная статья.”

Несоблюдение положений Устава в зависимости от обстоятельств представляет собой серьезный или незначительный проступок и может повлечь за собой вынесение взысканий (статьи 94-96 Устава).

(ii) Постановление Совета коллегии адвокатов Барселоны 1985 года

27. 5 февраля 1985 года Совет коллегии адвокатов Барселоны внес поправки в правила, изложенные в его постановлении 1981 года (см. п. 25 выше). В частности, он запретил членам коллегии адвокатов посылать в средства массовой информации пресс-релизы, включающие в себя персональную рекламу.

(iii) Правила, принятые Советом коллегии адвокатов Барселоны в 1981 года

28. 4 июля 1991 года Совет коллегий адвокатов Каталонии принял новые правила относительно рекламы. Они заменили собой прежние правила, включенные в уставы и постановления коллегий адвокатов Каталонии (правило 6).

В преамбуле говорится:

“Реклама со стороны членов коллегии адвокатов традиционно считается несовместимой (в большей или меньшей степени) с профессиональной этикой. Тем не менее, очевидно, что реклама, при условии, что она не выходит за определенные рамки, не наносит ущерба таким основополагающим принципам профессионального этического кодекса, как честность и независимость. В настоящее время информация является одним из оснований демократических стран, и пользователи услуг имеют право на ее получение.

...”

Правила 2 и 3 вносят разграничения в данной области:

“Правило 2

Разрешенная реклама

Члены коллегии адвокатов могут

...

(b) публиковать документы, циркуляры или статьи по вопросам права, даже в изданиях, не специализирующихся на правовой тематике, за своей подписью и с указанием членства автора в коллегии адвокатов;

(c) выражать в средствах массовой информации свое личное мнение по вопросам, вызывающим общественный интерес, или по делам, в которые они вовлечены в силу своей профессиональной деятельности; при этом они должны все время помнить о необходимости хранить профессиональную тайну;

(d) издавать брошюры с описанием своих адвокатских контор, рассказом о работающих в них членах коллегии адвокатов и характеристикой их специализации. Данные рекламные материалы должны пройти предварительное утверждение в Совете коллегии адвокатов. Кроме того, они могут публиковать информационные циркуляры по правовым вопросам. Брошюры и циркуляры, о которых идет речь в данном параграфе, могут распространяться только среди клиентов и не могут рассылаться третьим лицам;

...”

“Правило 3

Неразрешенная реклама

Члены коллегии адвокатов не могут прибегать к иной рекламе, кроме той, которая разрешена по условиям предыдущего правила. В частности, они не могут

a. рекламировать свои услуги путем упоминания своих профессиональных успехов, обнародования имен своих клиентов или сравнения себя с другими членами коллегии адвокатов, либо позволять другим лицам действовать таким образом без возражений с их стороны;

b. рассылать брошюры, циркуляры и другие документы или предлагать свои услуги лицам, не являющимся их клиентами;

...

a. прибегать к рекламе в печатных изданиях, на радио или телевидении кроме случаев, разрешенных согласно правилу 2.”

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

29. Г-н Касадо Кока подал жалобу в Комиссию 25 мая 1989 года. В ней он утверждал, что было нарушено несколько статей Конвенции: (a) статья 7, поскольку дисциплинарные правила коллегий адвокатов Испании были установлены указом, а не законом; (b) статья 10, поскольку Совет коллегии адвокатов Барселоны вынес ему предупреждение за публикацию объявления в местном информационном бюллетене; (c) п. 2 статьи 4, поскольку члены коллегии адвокатов Испании не могли воспользоваться правом выбора специализации; (d) статья 14, рассматриваемая в совокупности со статьей 10, поскольку члены других профессий имели больше возможностей для рекламы своих занятий.

30. 2 декабря 1991 года Комиссия объявила жалобу (№ 15450/89) приемлемой в части, касающейся протеста против нарушения статьи 10, и неприемлемой - по остальным пунктам. В своем докладе от 1 декабря 1992 года (сделанном в соответствии со статьей 31), Комиссия девятью голосами против девяти, причем голос председательствующего оказался решающим, пришла к заключению, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции. Полный текст выводов Комиссии и содержащегося в докладе совместного особого мнения двух ее членов приведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

31. В своих письменных соображениях и замечаниях от 13 июля 1993 года Правительство просило Суд вынести решение о том, что

“1. данное дело не подпадает под сферу действия статьи 10; и

2. если статья 10 не применима к данному делу, то не имело места нарушения Королевством Испания своих обязательств согласно Конвенции”.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции.

32. Г-н Касадо Кока обжаловал наложенное на него 6 апреля 1983 года Советом коллегии адвокатов Барселоны дисциплинарное взыскание за публикацию объявления о своей практике в нескольких номерах местного информационного бюллетеня. Он ссылается на статью 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...»

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Применимость статьи 10 Конвенции

33. Правительство оспаривает возможность применения статьи 10. Оно утверждает, что объявления заявителя не содержали никакой информации коммерческого характера, а были чисто рекламными. Он оплатил их с единственной целью получить больше клиентов. Реклама сама по себе не входит в сферу действия свободы выражения мнения; реклама служит не общественному интересу, а частным интересам заинтересованных лиц. Применять к рекламе гарантии, предоставляемые статьей 10, было бы равносильно изменению сферы действия указанной статьи.

34. С точки зрения заявителя, информация, содержащаяся в его объявлениях, в действительности была предназначена для широкой публики; она обеспечила увеличение притока клиентов, а значит, общественность считала ее необходимой и полезной. Более того, реклама является общим понятием, включающим несколько категорий информации или идей в зависимости от политического или коммерческого содержания. Кроме того, защита прав человека не обязательно должна служить общественному интересу; она может служить и частным интересам.

35. Суд прежде всего отмечает, что статья 10 гарантирует свободу слова “каждому”. В ней не проводится различия в зависимости от преследуемой ею цели - будет ли это извлечение прибыли или нет (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Аутроник АГ» против Швейцарии» («Autronic AG v. Switzerland») от 22 мая 1990 года, Серия А, т. 178, стр. 23, п. 47), иной подход мог бы привести к нарушению статьи 14.

В своем постановлении по делу «Бартольд против Федеративной Республики Германии» («Barthold v. Germany») от 25 марта 1985 года (Серия А, т. 90, стр. 20-21, п. 42) Суд оставил открытым вопрос, подпадает ли коммерческая реклама сама по себе в сферу действия гарантий статьи 10, но своими последующими решениями выработал устоявшуюся судебную практику, согласно которой статья 10 применима не только к определенному типу информации и идей, особенно политического характера (см. постановление по делу «Маркт интерн Ферлаг ГмбХ» и Клаус Берман против Федеративной Республики Германии» («the Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany») от 20 ноября 1989 года, Серия А, т. 165, стр. 17, п. 26), но также к художественному самовыражению (см. постановление по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» («Müller and Others v. Switzerland») от 24 мая 1988 года, Серия А, т. 133, стр. 19, п. 27), к информации коммерческого характера (см. вышеупомянутое постановление

по делу «Маркт интерн Ферлаг ГмбХ» и Клауса Бермана против ФРГ») и даже, как справедливо указала Комиссия, - к легкой музыке и коммерческим объявлениям, транслируемым по кабелю (см. постановление по делу «Гроппера Радио АГ» и другие против Швейцарии» («Gropper Radio AG and Others v. Switzerland») от 28 марта 1990 года, Серия А, т. 173, стр. 22, п. 54-55).

36. В данном деле спорные объявления содержали лишь имя, профессию, адрес и телефонный номер заявителя. Очевидно, они были опубликованы с целью рекламы, но вместе с тем они давали лицам, нуждающимся в правовой помощи, полезную для них информацию, которая, по всей видимости, облегчала им доступ к правосудию.

37. Поэтому статья 10 подлежит применению.

В. Соответствие статье 10 Конвенции

1. Имело ли место вмешательство “публичных властей”

38. По мнению Правительства, если вмешательство и имело место, то оно исходило не от “публичных властей” в смысле п. 1 статьи 10. Письменные предупреждения Совета коллегии адвокатов Барселоны (см. п. 10 выше) можно считать внутренними санкциями, наложенными на г-на Касадо Кока его коллегами. Испанское государство лишь утвердило Королевским декретом Устав, выработанный самими членами коллегии, статья 31 которого запрещает профессиональную рекламу (см. п. 22 выше).

39. Суд, так же как заявитель и Комиссия, отмечает, однако, что согласно разделу 1 Закона 1974 года о профессиональных объединениях они являются корпорациями публичного права (см. п. 20 выше). Применительно к коллегиям адвокатов данная особенность правового статуса усиливается их целью служения общественному интересу путем оказания свободной и надлежащей правовой помощи в сочетании с государственным контролем за осуществлением юридической практики и соблюдением норм профессиональной этики (см. в отношении коллегий адвокатов постановление по делу «Ван дер Мюссел против Бельгии» («Van der Musselle v. Belgium») от 23 ноября 1983 года, Серия А, т. 70, стр. 15, п. 29 *in fine*, и постановление по делу «Х против Бельгии» («Н. v. Belgium») от 30 ноября 1987 года, Серия А, т. 127-В, стр. 27-28, п. 24-29; см. также *mutatis mutandis* в отношении медицинских ассоциаций постановление по делу Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера (Le Compte, Van Leuven and De Meyere") от 23 июня 1981 года, Серия А, т. 43, стр. 26-27, п. 64). Оспариваемое решение было принято в соответствии с нормами, применяемыми к членам коллегии адвокатов Барселоны, и оно могло быть обжаловано в компетентные суды (см. п. 22 выше). Эти суды, равно как и Конституционный Суд, - все они государственные учреждения - подтвердили правильность применения санкции (см. п. 12, 13 и 15 выше). Раз это так, то налицо все разумные основания полагать, что имело место вмешательство органов "публичной власти" в осуществление г-ном Касадо Кока свободы распространять информацию.

2. Было ли вмешательство оправданным

40. Такое вмешательство не противоречит статье 10, если только оно “предусмотрено законом”, преследует правомерную цель в соответствии с п. 2 статьи 10 и “необходимо в демократическом обществе” для достижения названной цели (см., в частности, постановление по делу «Торгер Торгерсон против Исландии» («Thorgeir Thorgeirson v. Island») от 25 июня 1992 года, Серия А, т. 239, стр. 25, п. 56).

(a) “Предусмотрено законом”

41. Заявитель утверждает, что обжалуемая им санкция не имеет под собой законодательной основы. Закон 1974 года утратил юридическую силу после вступления в действие Конституции 1978 года, в соответствии с которой все противоречащие ей ранее принятые нормы не действуют (см. п. 19 выше). Так как Устав Коллегии адвокатов Испании был принят в соответствии с указанным Законом, то его постигла та же участь.

42. Правительство и Комиссия настаивают на том, что применение дисциплинарных мер основывалось на запрете членам коллегии адвокатов заниматься рекламой своей деятельности в соответствии со статьей 31 Устава Коллегии адвокатов Испании, Уставом Коллегии адвокатов Барселоны и решениями ее совета (см. п. 22, 24 и 25 выше).

43. Толкование и применение внутригосударственного законодательства возлагается в первую очередь на национальные государственные органы, в особенности на суды (см., среди прочих, вышеупомянутое постановление по делу «Торгер Торгерсон против Исландии», Серия А, т. 239, стр. 25, п. 58). Жалоба заявителя в Верховный Суд основана на том, что был нарушен принцип, согласно которому установить, что является правонарушением, и предусмотреть санкцию за него может только законодательный акт. Верховный Суд, отклонив жалобу, сослался на практику Конституционного Суда (см. п. 13 и 18 выше). В свете формулировки рассматриваемых положений (см. *mutatis mutandis*, постановление по делу «Кастеллс против Испании» («Castells v. Spain») от 23 апреля 1992 года, Серия А, т. 236, стр. 21, п. 37) и установившейся на текущий момент собственной правоприменительной практики, Суд считает такой подход разумным, так же как и данное Конституционным Судом в решении от 17 апреля 1989 года толкование статьи 20 Конституции (см. п. 15 и 16 выше). Короче говоря, вмешательство было “предусмотрено законом”.

(b) Правомерная цель

44. Правительство и Комиссия в целом полагают, что главной целью запрета членам коллегии адвокатов рекламировать свою профессиональную деятельность является “защита прав других лиц”, в частности прав общественности и других членов коллегии адвокатов. Правительство также указало, что реклама всегда считалась несовместимой с достоинством профессии, уважением к коллегам и интересами широкой публики.

45. С точки зрения заявителя, мнение Комиссии применимо только к случаям, когда реклама носит сопоставительный характер или не соответствует действительности, но не тогда, когда объявление просто дает информацию об адвокатской практике. Оспариваемый запрет создает неравенство между теми членами коллегии, которые имеют самостоятельную практику, и теми, кто практикует, являясь наемными работниками, гражданскими служащими или университетскими преподавателями. Для первых реклама служит единственным возможным средством сообщить о себе потенциальным клиентам, тогда как положение последних предоставляет им большие возможности заявить о себе. Кроме того, этот запрет не распространяется на крупные юридические консалтинговые фирмы, действующие на международном уровне, и на страховые компании, которые также предлагают юридическую помощь. Таким образом, запрет в отношении практикующих независимых юристов выступает инструментом охраны интересов некоторых привилегированных членов профессии.

46. У Суда нет оснований сомневаться, что обжалуемые правила коллегии адвокатов были предназначены для защиты интересов широкой публики, обеспечивая одновременно

уважение к членам профессии. В этой связи следует принимать во внимание особый характер адвокатской профессии; в своем качестве слуг правосудия адвокаты пользуются исключительным правом участия в суде и иммунитетом от судебного преследования за свои выступления в зале суда; их поведение должно быть в связи с этим сдержанным, честным и достойным. Ограничения на рекламу традиционно оправдывались ссылкой на эти особые черты. В случае с рассматриваемым решением ничто не указывает на то, что намерение Совета коллегии адвокатов в то время не соответствовало признанной цели законодательства. Более того, факты, на которые ссылается г-н Касадо Кока, касаются прежде всего способа применения законодательства, о котором идет речь, а следовательно, относятся к оценке необходимости применения указанной дисциплинарной меры.

(с) “Необходимо в демократическом обществе”

47. Заявитель утверждает, что обжалуемое взыскание не было “необходимо в демократическом обществе”, т. к. оно представляет собой непропорциональное вмешательство в его право распространять коммерческую информацию, - право, которое гарантировано членам коллегии адвокатов, так же как и другим гражданам, в соответствии со статьей 10. Он считает, что подобное ограничение допустимо тогда, когда оно отражает свободно и демократически принятую на себя готовность к самоограничению, что не имеет места в настоящем случае.

48. Правительство полагает, что оспариваемые нормы Устава Коллегии адвокатов Испании отражают концепцию профессионального статуса слуг правосудия, которой придерживаются сами члены коллегии адвокатов. В 1982 году практика всех европейских коллегий адвокатов была аналогичной, хотя впоследствии было отмечено некоторое ослабление жесткости этих правил.

В любом случае, наложенное на г-на Касадо Кока взыскание носило почти символический характер. Фактически оно порицало повторное использование рекламы г-ном Касадо Кока, ранее уже получавшего предупреждения и замечания в связи с объявлениями, которые он размещал в некоторых газетах в рубрике “рекламные объявления”, и в разосланных им ряду компаний письмах (см. п. 7 и 8 выше). С учетом этого, а также принимая во внимание, что речь идет о свободе выражения мнения применительно к коммерции, Правительство настаивает на том, что соответствующие государственные органы должны обладать в этой связи значительными пределами усмотрения.

49. С точки зрения Комиссии, запрет членам коллегии адвокатов использовать практически любую рекламу представляется чрезмерным и плохо совместимым со свободой распространять информацию и сопутствующим правом ее получать. В объявлении заявителя помещались сведения совершенно нейтрального характера (его имя, род занятий, адрес конторы и номер телефона), и они не содержали информации, которая не соответствовала бы действительности или была бы оскорбительной для его коллег - адвокатов. Поэтому он был вправе распространять такую информацию точно так же, как его потенциальные клиенты имели право ее получать.

50. Согласно выработанной Судом практике, государства-участники Конвенции наделены определенными пределами усмотрения при оценке необходимости того или иного вида вмешательства, но это подлежит контролю со стороны европейских институтов как в отношении соответствующих законов, так и решений применяющих их (см., среди прочих, постановление по делу «Маркт интерн Ферлаг ГмбХ» и Клауса Бермана против Германии», Серия А, т. 165, стр. 20, п. 33). Подобные пределы усмотрения особенно

существенны в сложной и переменчивой области недобросовестной конкуренции (там же). Это же верно и применительно к рекламе. Таким образом, в настоящем случае задача Суда ограничивается тем, чтобы установить, насколько в принципе оправданными были меры, принятые на национальном уровне, и были ли они пропорциональны (см., среди прочих, там же, а также вышеупомянутое постановление по делу «Бартольд против ФРГ», Серия А, т. 90, стр. 25, п. 55).

51. Реклама является одним из способов доведения до граждан сведений о свойствах предлагаемых им товаров и услуг. Тем не менее, в некоторых случаях она может быть подвергнута ограничениям, в особенности для того, чтобы предотвратить недобросовестную конкуренцию или появление недостоверной либо вводящей в заблуждение рекламы. При определенных обстоятельствах, публикация даже объективной, правдивой рекламы может быть ограничена для того, чтобы обеспечить уважение прав других лиц или в связи с особыми обстоятельствами определенных видов деятельности и профессиональных занятий. Однако любые подобные ограничения должны тщательно анализироваться Судом, который призван взглянуть на оспариваемое взыскание через призму всего дела в целом (см. *mutatis mutandis* указанное постановление по делу «Маркт интерн Ферлаг ГмбХ» и Клауса Бермана против Германии», Серия А, т. 165, стр. 20, п. 34).

52. В настоящем деле, г-н Касадо Кока получил 6 апреля 1983 года письменное предупреждение от Совета коллегии адвокатов Барселоны о нарушении им запрета на размещение профессиональной рекламы (см. п. 10 и 22 выше). Подтверждая правильность применения взыскания, Совет национальной коллегии адвокатов утверждал, что рассматриваемые объявления, учитывая их характер, выходят за рамки допустимого согласно правил Коллегии адвокатов Барселоны; Административный суд Барселоны привел те же доводы в обоснование своего решения (см. п. 11, 12, 24 и 25 выше), отметив, что эти правила допускают использование рекламы в определенных случаях - а именно, когда адвокатская практика только создается или когда поменялся членский состав, адрес или телефон - и при выполнении определенных условий (см. п. 25 выше). Таким образом, запрет не был абсолютным.

53. Заявитель и Комиссия утверждают, что некоторые коммерческие предприятия, такие как страховые компании, не подвергаются ограничениям в отношении рекламы своих юридических услуг.

54. По мнению Суда, страховые компании нельзя сравнивать с членами коллегии адвокатов, занимающимися самостоятельной практикой, чей особый статус отводит им центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредников между общественностью и судами. Это объясняет ограничения, налагаемые на поведение членов коллегии адвокатов, а также полномочия по контролю и надзору за их соблюдением, возложенные на советы коллегий адвокатов.

Тем не менее, правила, которыми должны руководствоваться члены профессиональной корпорации, в частности в области рекламы, различны в разных странах в зависимости от их культурных традиций. Более того, в большинстве государств - участников Конвенции, включая Испанию, на протяжении некоторого времени существовала тенденция к ослаблению строгости этих правил вследствие происшедших перемен и, в частности, возрастания роли средств массовой информации. Правительство привело примеры из Кодекса деонтологии адвокатов Европейского Сообщества (Страсбург, 28 октября 1988 года) и резолюции Конференции коллегий адвокатов стран Европы (Краков, 24 мая 1991 года); поддерживая принцип запрета рекламы, эти документы вместе с тем разрешали

членам коллегии адвокатов выступать в средствах массовой информации, заявлять о себе и участвовать в обсуждении вопросов общественной жизни. В соответствии с этими руководящими указаниями, Совет коллегий адвокатов Каталонии издал (4 июля 1991 года) новые правила относительно рекламы, разрешающие распространение писем или статей, в том числе и в прессе (см. п. 28 выше). Не так давно Правительство приступило к изучению проекта нового устава Коллегии адвокатов Испании (см. п. 23 выше), предполагающего большую свободу в данной сфере.

55. Широкий спектр правил поведения и различия в темпах перемен, происходящих в государствах-членах Совета Европы, указывает на сложность проблемы. Благодаря прямым непрерывным контактам со своими членами руководство коллегии адвокатов и суды страны находятся в лучшем положении, чем международный суд, чтобы определить, как в данный период времени найти баланс между различными интересами, а именно требованиями надлежащего отправления правосудия, достоинством профессии, правом каждого получать информацию об оказываемой юридической помощи и предоставлением членам коллегии адвокатов возможности рекламировать свою адвокатскую практику.

56. В свете вышесказанного Суд пришел к выводу, что в рассматриваемый период времени - 1982-1983 года - реакция соответствующих властей не может считаться непропорциональной соразмерной преследуемой цели.

57. Отсюда следует, что нарушения статьи 10 не установлено.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет единогласно*, что статья 10 подлежит применению в настоящем деле;
2. *Постановляет*, семью голосами против двух, что ее нарушение места не имело.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 февраля 1994 года.

Ролф Рисдал
Марк-Андре Эйссен

Председатель
Секретарь

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 53 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается совместное особое мнение судей Тора Вильямсона и Палм.

Совместное особое мнение судей Тора Вильямсона и Палм

Мы согласны с большинством Палаты в том, что статья 10 применима к данному случаю, что имело место вмешательство, которое предусмотрено законом и преследовало правомерную цель.

Однако, что касается необходимости вмешательства, мы согласны с тем, что сказано в п. 54-65 доклада Комиссии. Соответственно, мы полагаем, что нарушение статьи 10 Конвенции имело место.

© Перевод Института проблем информационного права (г. Москва), 2002

Краткое изложение дела**ДЕЛО "КАСТЕЛЛС ПРОТИВ ИСПАНИИ"
(Castells v. Spain)**

(жалоба № 11798/85)

Постановление Суда

Страсбург, 23 апреля 1992 года

Тема: Диффамация

Подтема: Диффамация: уголовно-наказуемая диффамация

Критерий: Важность свободы выражения мнения, необходимость в демократическом обществе

Санкция: тюремное заключение

Решение: Нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Испания

Вмешательство: Заявитель, член Парламента, был осужден за публикацию статьи, в которой обвинял Правительство в соучастии в нескольких нападениях и убийствах, бездействии в расследовании преступлений в отношении Баскских сепаратистов.

Факты:

Заявитель, член Парламента от оппозиции, опубликовал статью, в которой выразил недовольство по поводу бездействия со стороны властей в отношении многочисленных нападений и убийств, имевших место в Басконии. Кроме того, в статье утверждалось, что полиция была в сговоре с виновными, и таким образом был сделан вывод о том, что Правительство несет ответственность за сложившуюся ситуацию. За оскорбление Правительства заявитель был привлечен к уголовной ответственности; он был лишен парламентской неприкосновенности и осужден условно.

Решено:

Осуждение заявителя явилось вмешательством в право на свободу выражения мнения, которое было "предписано законом" и "преследовало законную цель предотвращения общественных беспорядков". Вопрос заключался в том, насколько оно было "необходимым в демократическом обществе".

Важность свободы выражения мнения

Суд напомнил о важности свободы выражения мнения и подчеркнул, что для члена Парламента свобода выражения мнения наиболее значима:

«[С]вобода выражения мнения ... составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса. Являясь предметом для ограничений, установленных в п. 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые

благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества».

Свобода слова важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет об избранниках народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения члена Парламента от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Суда.» (п. 42, ссылка опущена)

Тот факт, что заявитель решил выразить свои взгляды в газетной статье, а не в зале заседаний Сената, не означает, что он потерял свое право критиковать Правительство. Суд напомнил о роли прессы в демократическом обществе:

«Не следует забывать особую роль прессы в правовом государстве. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, установленных в том числе и для предотвращения беспорядков или защиты репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес.

Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяет участвовать в свободной политической дискуссии каждому, что является стержнем концепции демократического общества.» (п. 43, ссылка опущена)

Суд отметил, что статья заявителя начиналась с критики безнаказанности, которой пользуются члены различных экстремистских групп, а в заключение делался вывод о виновности Правительства в сложившейся ситуации. Суд подчеркнул, что, несмотря на то, что право на свободу выражения мнения не абсолютно, должна существовать возможность высказывать критику в отношении Правительства:

«Свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства-участники могут подвергать ее определенным “ограничениям” или “санкциям”, но Суду принадлежит право выносить окончательное решение о совместимости этих мер со свободой выражения мнения, закрепленной в статье 10.

Пределы допустимой критики в отношении Правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения Правительства должны становиться предметом пристального внимания не только со стороны законодательных и судебных властей, но также и со стороны прессы и

общественного мнения. Более того, занимаемое Правительством доминирующее положение обязывает его демонстрировать сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно при наличии других средств ответа на неоправданные нападки со стороны его противников или средств массовой информации. Тем не менее, у компетентных органов государственной власти как гарантов общественного порядка должна оставаться возможность принятия мер, в том числе уголовно-правового характера, направленных на то, чтобы адекватным образом, без излишних эксцессов реагировать на безосновательные или недобросовестные обвинения порочащего характера» (п. 46, ссылка опущена).

Заявитель несколько раз предлагал установить достоверность и широкую известность фактов, на которые он указывал. По мнению Суда, чрезвычайно важным было то, что ему не позволили этого сделать. Истинность многих утверждений заявителя могла бы быть установлена, и было необходимо позволить заявителю доказать его добросовестность. Поэтому осуждение заявителя нельзя рассматривать как необходимое в демократическом обществе.

Имеет место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО «КАСТЕЛЛС ПРОТИВ ИСПАНИИ»**(Castells v. Spain)**

(жалоба № 11798/85)

Постановление Суда

Страсбург, 23 апреля 1992 года

По делу “Кастеллс против Испании” Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) и соответствующими положениями Регламента Суда А, как Палата, в составе следующих судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Тор Вильямсон,
г-н Р. Макдональд,
г-н Ж. Де Мейер,
г-н Э. К. Мартенс,
г-жа Е. Палм,
г-н Р. Пекканен,
г-н А. Н. Лоизу, *судьи*,
г-н Х. А. Карильо Салседо, *судья ad hoc (специально приглашенный)*,

а также г-н М.–А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 29 ноября 1991 года и 26 марта 1992 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) и Правительством Королевства Испания (“Правительством”) 8 и 21 марта 1991 года, соответственно, в течение трехмесячного срока, предусмотренного п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Оно возникло из жалобы (№ 11798/85) против Королевства Испания, поданной в Комиссию 17 сентября 1985 года испанским подданным, г-ном Мигелем Кастеллсом, в соответствии со статьей 25.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Испания признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46); обращение Правительства основывалось на статье 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции, рассматриваемой отдельно или в сочетании со статьей 14.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со п. 3 (d) статьи 33 Регламента Суда А, заявитель сообщил о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и, будучи юристом, ходатайствовал о том, чтобы самому изложить свою правовую позицию, воспользовавшись помощью двух коллег - испанских адвокатов (п. 1 статьи 30 Регламента).

15 апреля 1991 года Председатель Суда удовлетворил ходатайство заявителя и разрешил ему использовать испанский язык (п. 3 статьи 27 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Ж. М. Моренила как избранный судья, испанский подданный (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (п. 3 (b) статьи 21 Регламента). 22 марта 1991 года в присутствии Секретаря Суда, г-н Ф. Матшер, получивший надлежащие полномочия от Председателя Суда, путем жеребьевки назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Тора Вильямсона, г-на Р. Макдональда, г-на Ж. Де Мейера, г-на З. К. Мартенса, г-жи Е. Палм, г-на Р. Пекканена и г-на А. Н. Лоизу (заключительное положение статьи 43 Конвенции и п. 4 статьи 21 Регламента).

В письме Председателю Суда от 15 марта г-н Моренила уведомил его о своем самоотводе от рассмотрения настоящего дела в соответствии с п. 2 статьи 24 Регламента, поскольку ранее он представлял Правительство Испании перед Комиссией в качестве агента. 26 апреля Правительство уведомило Секретаря Суда, что г-н Хуан Антонио Карильо Салседо, профессор Севильского университета был назначен *ad hoc* судьей (статья 43 Конвенции и статья 23 Регламента).

4. Г-н Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (п. 5 статьи 21 Регламента) и, действуя через Секретаря Суда, провел с агентом Правительства ("Правительством"), представителем Комиссии и заявителем консультации по вопросам организации судебных слушаний (п.1 статьи 37 и статья 38 Регламента). По получении соответствующих распоряжений и предписаний Председателя, Правительство и заявитель подали Секретарю Суда свои меморандумы 29 июля и 29 августа 1991 года, соответственно. 25 сентября Секретарь Комиссии представил различные документы по запросу Секретаря Суда, а 5 ноября передал Секретарю Суда письменные замечания Представителя Комиссии.

5. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 27 ноября 1991 года. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н Х. Боррего Боррего, руководитель правовой службы по вопросам прав человека, Министерство юстиции, Агент,
г-н Х. М. Вильяр Урибарри, Министерство юстиции, Советник;

(b) со стороны Комиссии

г-н Л. Лукаидес, Представитель;

(с) со стороны заявителя

г-н М. Каstellс, адвокат, заявитель,
 г-н Х. М. Монтеро, адвокат,
 г-н Э. Вилья, адвокат, Советники,
 г-н Я. Верваеле, профессор,
 г-н Д. Корфф, помощники.

Суд выслушал выступления г-на Боррего Боррего со стороны Правительства, г-на Лукаидеса со стороны Комиссии и, со стороны заявителя - самого г-на Каstellса, г-на Монтеро, г-на Вилья и г-на Верваеле, а также их ответы на заданные им вопросы.

ФАКТЫ

6. Г-н Мигель Каstellс, испанский подданный, проживает в Сан-Себастьяне (Гвипускоа) и имеет там адвокатскую практику. На время совершения оспариваемого нарушения он был сенатором, избранным по партийному списку “Херри Батасуна” - политической группировки, выступающей за независимость Страны Басков.

I. Обстоятельства дела

A. Оспариваемая статья

7. В номере еженедельного журнала “Пунто и Ора де Еускалхерриа” от 4—11 июня 1979 года за подписью заявителя была опубликована статья “Возмутительная безнаказанность”. Ниже приводится текст этой статьи:

“Через несколько дней, в праздник святого Фермина, исполнится ровно год с момента убийств Хермана Родригеса в Памплоне (Ируна) и Хосеба Барандиарана в Сан-Себастьяне (Доности). Власти не установили личность преступников, совершивших эти злодеяния. Они не смогли даже указать, членами каких организаций являются преступники. Ничего не было предпринято властями и для того, чтобы установить личность преступников, которые убили, в период между 12 и 15 мая 1977 года - 63-летнего Грегорио Маричалара Айестарана и 78-летнего Рафаэля Гомеса Хауреги в Ортуэлле; 14 мая того же года - Хосе Луиса Аристисабалы в Сан-Себастьяне, и примерно в те же самые дни и в том же самом городе - Исидро Сусперрегви Альдекоа, которому было больше 70 лет; в начале июня того же 1977 года - Хавьера Нуньеса Фернандеса в Бильбао; 3 марта 1976 года - Франсиско Аснара Клементе, Педро Мариа Мартинеса Осю, Ромуальдо Барросо Чапарро, Хуана Хосе Кастильо и Бьенвенидо Переда Моралья в Гастеисе, и, в том же самом году, 7 марта - Висенте Антона Ферреро в Басаури, 9 мая - Аниано Хименеса и Рикардо Пельехеро в Монтехурра, в июне - Альберто Ромеро Солиньо в Эйбаре, в сентябре - Хесуса Мариа Сабала в Фуэнттеррабиа, в ноябре - Сантьяго Наваса и Хосе Хавьера Нуина в Сантестебане, и 10 июля - Норми Менчака в Сантурсе; 24 июля и 25 июля 1978 года - 16-летнего Хосе Эмилио Фернандеса Переса в Апатомонастерии и 15-летнего Фелипе Карро Флореса в Сестао. Я упомянул здесь только убитых, и список этот далеко не исчерпывающий. Это всего лишь отдельные примеры.

Ни одно, я повторяю, ни одно убийство из бесконечного списка совершенных в Стране Басков (Эускади) фашистских злодеяний, не было раскрыто властями. Будут ли установлены личности преступников, убивших совсем недавно Эмилию Ларреа, Роберто Арамбуру, Хосемари Итурриоса, Агуртцане Аррегви, Аргала, Хосе Рамона Анса и Гладис дель Эсталя? А когда я говорю “совсем недавно”, я вынужден указать дату - 9 июня 1979 года - ибо завтра будут другие жертвы.

А еще остаются сотни случаев, - ведь счет их и впрямь идет на сотни, - когда люди с пистолетами наготове врывались в бары деревень и пригородов (Аморельята, Дуранго, Эгиа, Лойола и т.д.) и наносили ранения и увечья всем попавшимся им под руку, - часто те же самые злодеяния совершались прямо на улице среди бела дня; когда бомбы закладывались в популярных местах отдыха населения (Пунто и Ора, Бордатксо, бар “Алай”, бар “Санти”, Аскатасуна и т.д.) или в автомобилях. Для многих уцелевших жертв таких нападений жизнь превращается в кошмар.

Преступники, совершающие данные злодеяния, действуют, продолжают работать и остаются на своих ответственных постах в обстановке полной безнаказанности. Не было выдано ни одного ордера на их арест. Ни разу не было составлено и опубликовано описание примет лиц, совершивших эти преступления. В газетах так и не появилось ни списков подозреваемых, ни фотороботов преступников. Стоит ли говорить, что не была объявлена награда за помощь в поимке преступников, не было проведено не только арестов подозреваемых, но и даже обысков в их домах? В средствах массовой информации не появилось ни одного обращения к населению с просьбой о помощи, что часто происходит при расследовании других дел. Важно отметить, что в связи с данными преступлениями такого рода помощь даже не принимается. В прессе полностью отсутствовали официальные коммюнике с обвинениями в адрес лиц, совершивших данные преступления, и осуждением их действий, как в случае других судебных дел.

В распоряжении находящихся у власти партий правого крыла имеются все средства (полиция, судебная и пенитенциарная система) для розыска и наказания лиц, совершивших так много преступлений. Но не беспокойтесь, разве станут правые разыскивать самих себя?

Правоэкстремистские организации? До смерти Франко никто в Стране Басков и подумать не мог, что можно добиться ареста или осуждения за “незаконное объединение” даже одного члена, не говоря уже о руководителях, таких организаций, как “Трипле А”, “Баскско-испанский батальон”, “Батальон Гесалага”, “АТЕ”, штурмовой отряд “Адольф Гитлер”, штурмовой отряд “Муссолини”, “Новый порядок”, “Омега”, “Общественное испанское движение”, “Национальное испанское действие” или “Партизаны Царя Христа”. Никто не может подумать об этом и сейчас.

Арестованные члены “ЭТА”? Сотни из них были брошены за решетку. Лица, подозреваемые в том, что они состоят в “ЭТА”? Тысячи из них были задержаны в полицейских участках. Сочувствующие? Можно продолжать

этот список до бесконечности. И в то же время никто никогда не побеспокоил ни одного руководителя или члена "Трипле А".

За общественный порядок и уголовное преследование отвечают сегодня те же самые люди, что и прежде. А у нас в Стране Басков не произошло никаких изменений в том, что касается климата безнаказанности и вопросов ответственности.

В период, когда Ибанес Фрейре был генеральным директором Гражданской гвардии, а Фрага - министром внутренних дел, наблюдался резкий рост так называемой правозащитной активности в Стране Басков. Сейчас мы имеем дело с тем же самым явлением.

Рост активности групп, вольных действовать, как им заблагорассудится, обычно сопровождается в Стране Басков усилением служб безопасности.

Эти командос, - надо же как-то их назвать - чувствуют себя в Стране Басков как у себя дома, и это в центре общины, настроенной по отношению к ним явно враждебно. Это прямо-таки непостижимо, ибо этому нет ясного объяснения. Они обладают точной информацией для совершения своих нападений, зачастую более подробной, чем та, что имеется в распоряжении местных жителей.

У них есть серьезные досье, информация в которых поддерживается на самом современном уровне. Они получают значительную подпитку оружием и деньгами. Они обладают неограниченными материалами и ресурсами и действуют в обстановке полной безнаказанности. Принимая во внимание выбор времени для их операций и условия, в которых они проводятся, можно сказать, что им заблаговременно гарантирована правовая неприкосновенность. Люди видят это, и бессмысленно пытаются запретить им это делать.

Это важно для людей. В Стране Басков это важнее, чем все временные планы автономии, демократического консенсуса и другой бессмысленной и абстрактной чепухи, потому что именно это - видимая, осязаемая действительность, с которой люди сталкиваются каждый день.

Откровенно говоря, я не верю, что названные мной ранее фашиствующие объединения существуют независимо от государственного аппарата и вне его. Другими словами, я не верю, что они существуют на самом деле. Несмотря на все их внешние различия, это всегда одни и те же люди.

За этими действиями может стоять только Правительство, партия Правительства и их люди. Мы знаем, что они намереваются все в большей степени использовать в своих политических целях в качестве политического инструмента беспощадную травлю баскских диссидентов и физическое их устранение. Если они хотят быть настолько политически недалекими, это их проблема! Но ради будущих жертв нашего народа ответственные за происходящее должны быть немедленно установлены и преданы широкой огласке".

В. Уголовное преследование в отношении заявителя

1. Судебное расследование

8. 3 июля 1979 года органы прокуратуры возбудили против г-на Каstellса уголовное преследование за оскорбление Правительства (статья 161 Уголовного кодекса; см. п. 20 ниже). Суд, в компетенции которого находилось проведение расследования, - Верховный Суд - обратился в Сенат с ходатайством о лишении заявителя парламентской неприкосновенности. Сенат удовлетворил это ходатайство 27 мая 1981 года большинством голосов.

9. 7 июля 1981 года Верховный Суд предъявил заявителю обвинение в грубом оскорблении Правительства и гражданских служащих (статьи 161 п. 1 и 242 Уголовного кодекса). Принимая во внимание наказания, предусмотренные за подобные преступления (тюремное заключение сроком от 6 до 12 лет, см. п. 20 ниже), Верховный Суд распорядился о предварительном помещении г-на Каstellса под стражу; однако учитывая его высокое общественное положение как сенатора и то, что вменяемые ему преступления “не представляют угрозы для общества”, разрешил освободить его под залог.

28 сентября 1981 года суд изменил свое предыдущее решение. Он согласился на временное освобождение заявителя при том единственном условии, что он должен был регулярно отмечаться у судьи. В дополнение к уже упоминавшимся обстоятельствам, он подчеркнул, что на допросах г-н Каstellс оказывал всяческое содействие следствию и неоднократно заявлял, что целью его статьи было вовсе не нанесение оскорблений или угроз Правительству или его членам, а политическое осуждение той неблагоприятной ситуации, которая сложилась в Стране Басков.

10. 12 декабря 1981 года помощники заявителя по защите заявили отвод четверем из пяти членов соответствующей палаты Верховного Суда. Утверждалось, что их политические убеждения и посты, которые занимаемые ими при прежнем политическом режиме, лишают их права участвовать в разбирательстве дела, касающегося свободы выражать свое мнение лицом, которое, как заявитель, было известным противником этого политического режима. При этом помощники заявителя ссылались на статью 54 п. 9 Уголовно-процессуального кодекса.

После ряда предварительных заявлений, одно из которых повело к постановлению Конституционного Суда от 12 июля 1982 года, в котором Верховному Суду предписывалось признать требование об отводе судей приемлемым, Верховный Суд на пленарном заседании 11 января 1983 года отклонил требование об отводе. Верховный Суд высказал мнение, что хотя судьи действительно работали в Палате по уголовным делам Верховного Суда при прежнем политическом режиме, а один из них с 1966 по 1968 год председательствовал в Суде общественного правопорядка, в то время они просто применяли действующее законодательство.

4 мая 1983 года Конституционный Суд отклонил поданную г-ном Каstellсом жалобу в процедуре ампаро, в которой он заявлял о нарушении статьи 24 п. 2 Конституции (право на беспристрастное судебное разбирательство). По мнению Суда, тот факт, что политические убеждения указанных судей могут отличаться от убеждений заявителя, не

имеет прямого или косвенного отношения к разрешению спора в смысле статьи 54 п. 9 Уголовно-процессуального кодекса.

11. Тем временем, расследование дела продолжалось. 3 февраля 1982 года государственный прокурор пришел к заключению, что собранные факты свидетельствуют о наличии состава преступления по статье о нанесении грубых оскорблений Правительству, и потребовал для заявителя приговора сроком на 6 лет тюремного заключения.

В своих промежуточных соображениях от 2 апреля 1982 года, адвокаты защиты утверждали, что в оспариваемой статье содержались достоверные сведения и выражалось не личное мнение ответчика, а взгляды широкой общественности. Они выразили готовность представить доказательства достоверности приведенных в статье сведений. В частности, они предложили компетентным органам предъявить отчеты о полицейских расследованиях и арестах членов праворадикальных групп, ответственных за осуждаемые в статье нападения. Поскольку опубликованные данные общеизвестны, их нельзя назвать оскорбительными. Кроме того, адвокаты защиты просили Суд заслушать показания 52 свидетелей, в том числе членов Бельгийского, Итальянского, Французского, Английского, Ирландского и Датского парламентов, членов Европейского парламента, по вопросу парламентской практики в отношении свободы политической критики; они утверждали, что ответчик действовал в качестве выборного представителя и в соответствии с налагаемыми на него этим званием обязательствами.

12. В своем решении от 19 мая 1982 года Верховный Суд отказался допустить большинство выдвинутых защитой доказательств на том основании, что они ставили целью показать достоверность распространенных сведений.

В академических кругах и даже в прецедентном праве самого Верховного Суда существовали различные точки зрения по вопросу о том, можно ли ссылаться в свою защиту на достоверность фактов (*exsertio veritatis*), когда речь идет об оскорблениях в адрес государственных учреждений, однако проводившееся в то время реформирование Уголовного кодекса внесло в этот вопрос ясность: указанные учреждения не входят в сферу действия этой защиты, и статья 461 Уголовного кодекса допускает ее применение только в отношении гражданских служащих. Таким образом, доказательство, которое намеревалась представить защита, было недопустимым в проводившемся судебном разбирательстве; при этом за ответчиком сохранялось право возбудить уголовное дело, как он сочтет необходимым.

Г-н Кастеллис подал апелляцию, однако 16 июня 1982 года Верховный Суд подтвердил свое решение на том основании, что правильность сведений не имеет решающего значения в деле об оскорблении Правительства.

Вслед за этим заявитель направил в Конституционный Суд жалобу в процедуре ампаро. В ней он утверждал, что были нарушены его права на защиту. Конституционный Суд отклонил эту жалобу 10 ноября 1982 года, высказав мнение, что рассматриваемый вопрос можно разрешить только в свете всего судебного разбирательства и только после решения суда первой инстанции.

2. Судебное разбирательство

13. Палата по уголовным делам Верховного Суда провела слушание 27 октября 1983 года и вынесла решение 31 октября. Она приговорила заявителя к тюремному заключению сроком на один год за оскорбительные, но не грубые высказывания в адрес Правительства; в качестве дополнительного наказания ему было запрещено в течение того же самого периода работать в государственных учреждениях и заниматься своей профессиональной деятельностью. Кроме того, заявитель должен был оплатить все издержки по ведению судебного разбирательства.

В том, что касается объективного элемента состава правонарушения, Палата по уголовным делам пришла к заключению, что, во-первых, употребленные в статье выражения были достаточно сильными; они наносили вред репутации потерпевших сторон и выказывали оскорбительное отношение заявителя к органам государственной власти. Что касается субъективного элемента состава правонарушения, Палата по уголовным делам посчитала, что положение г-на Кастеллса как сенатора обязывало его ограничиться теми вполне очевидными средствами наблюдения за деятельностью Правительства и критики его действий, которые предусмотрены Правилами процедуры Сената; поскольку заявитель не воспользовался этими средствами, у него нет оснований утверждать, что он действовал от имени своих избирателей. Второй аргумент защиты, основанный на цели политической критики, не устранял преступный умысел, но уменьшал его значение. В рассматриваемом случае, оскорбления, нанесенные с целью политической критики, преступили допустимые границы такой критики и продемонстрировали намерение заявителя опорочить Правительство. Поэтому предпочтительнее было применить статью 162 Уголовного кодекса, касающуюся оскорбительных, но не грубых высказываний в адрес Правительства, а не статью 161. Что касается конституционного права на свободу слова (статья 20 Конституции; см. п. 19 ниже), оно не является абсолютным, а ограничивается некоторыми другими правами, в частности правом на уважение и на личную жизнь, а также правом на контроль за использованием собственного изображения. Кроме того, тот факт, что оскорбление появилось в печатной статье, наводит на мысль, что оно явилось результатом более сложного интеллектуального процесса и уровня рассуждения, что делало его более ясным и точным.

Наконец, Верховный Суд подтвердил свое решение от 19 мая 1982 года относительно допустимости достоверности фактов как средства защиты.

Г-н Кастеллс заявил в Верховном Суде о своем намерении подать жалобу в процедуре ампаро против данного решения, ссылаясь при этом, среди прочего, на статьи 14, 20, 23 и 24 Конституции. Он подал жалобу 22 ноября 1983 года.

14. Принимая во внимание обстоятельства дела, 6 декабря 1983 года Верховный Суд отсрочил исполнение приговора о тюремном заключении на два года (статья 93 Уголовного кодекса), но оставил в силе дополнительное наказание. Исполнение последней меры было, однако, приостановлено Конституционным Судом 22 февраля 1984 года.

С. Жалоба в Конституционный Суд

15. В жалобе, поданной 22 ноября 1983 года в процедуре ампаро, г-н Кастеллс утверждал, что ему не удалось добиться рассмотрения решения Верховного Суда в суде высшей инстанции. Он также жаловался на затягивание разбирательства дела.

Кроме того, он утверждал, что, отказав ему в разрешении представить свои доказательства, суд тем самым нарушил принцип презумпции невиновности. С его точки зрения, осуждение кого бы то ни было, а тем более, как в данном случае, сенатора, за высказывания, которые являются правдивыми и достаточно важными, чтобы привлечь к ним общественное внимание, без предоставления ему возможности доказать достоверность этих высказываний, в корне противоречит самым элементарным нормам правосудия.

Он также утверждал, что был нарушен принцип равенства перед законом (статья 14 Конституции), рассматриваемый отдельно или в сочетании с правом на свободу слова (статья 20), так как другие лица публиковали похожие статьи, и никто их за это не преследовал. Кроме того, он заявил, что было нарушено его право на ведение политической критики, которое, по его утверждению, было закреплено в статье 23, в той степени, как она применялась к нему как сенатору. По его мнению, данное положение, гарантирующее право на участие в общественных делах, давало ему право исполнять свои парламентские обязанности с помощью любых общедоступных органов или средств.

В кратком изложении своих претензий заявитель вновь сослался на статью 20 Конституции.

16. В своих соображениях от 22 марта 1984 года, государственный прокурор указал, что статья 14 гарантирует равенство перед законом, а не равенство за пределами закона. Что же касается жалобы, основанной на статье 23, она частично совпадает с предыдущей жалобой или основывается на недоразумении: разумеется, член парламента исполняет свои обязанности не только в Сенате, однако вне его стен он не пользуется парламентской неприкосновенностью; хотя он и может, как любой гражданин, критиковать действия Правительства, ему не следует забывать, что свобода слова имеет свои установленные Конституцией ограничения.

Со своей стороны, г-н Кастеллс в письме от 21 мая 1984 года снова выразил готовность доказать достоверность своих высказываний, потому что это позволило бы продемонстрировать факт "нарушения оспариваемым приговором права "получать и передавать правдивую информацию с помощью любых средств распространения", закрепленного в статье 20 Конституции". Он также упомянул это право в своей жалобе по поводу отклонения этого предложения Конституционным Судом (20 июля 1984 года) и в своих письменных соображениях от 21 февраля 1985 года.

17. Конституционный Суд отклонил жалобу 10 апреля 1985 года.

Резюмируя претензии заявителя в п. 2 части "Право" своего решения, Конституционный Суд, как и государственный прокурор, объединили те из них, которые касаются статей 14 и 23, без ссылки на статью 20: предполагаемое нарушение права на равенство перед законом, гарантируемое статьей 14, рассматриваемой отдельно или в сочетании со статьей 23, поскольку оспариваемое решение ограничивало возможности сенатора в сфере контроля, проверки и критики.

В пункте 6 Конституционный Суд указал, что к депутатской неприкосновенности следует подходить весьма строго, иначе она может стать инструментом нарушения прав других

граждан; она теряет силу, когда наделенное ей лицо действует как простой гражданин, даже в качестве политического деятеля.

В пунктах 9 и 10 был рассмотрен главный вопрос: право полагаться на существенное доказательство в представлении версии защиты, и в частности, ссылаться в свою защиту на достоверность фактов в случае нарушений рассматриваемого типа. В этой связи суд отметил:

«Для оценки вопроса о предметности доказательства, которое предлагается предъявить суду, необходимо установить связь между этим доказательством и решающими положениями, которые следует сперва определить на основе утверждений сторон. Кроме случаев, когда факты являются очевидными или общеизвестными, суд не должен вмешиваться в это, в противном случае он подойдет к существу дела с предвзятостью, пусть даже и частичной... Судам предпочтительно избегать этого [такой предварительной оценки]; однако само по себе это не является нарушением конституционных прав, при условии соблюдения других прав защиты. Несмотря на то, что в данном деле суду, возможно, не следовало бы заранее высказывать свое мнение относительно достоверности фактов как средства защиты при оценке существенности доказательства, [это нарушение] посягает на конституционное право использовать существенное доказательство — особенно тогда, когда, как в настоящем случае, решение принято на единственном уровне юрисдикции — только в случае нарушения рассматриваемого материального права...»

Статья 161 Уголовного кодекса вызвала волну критики в академических кругах, потому что она ограничивает свободу слова. В любом случае, ее следует толковать в сочетании со статьей 20, которая гарантирует эту свободу. В этой связи, следовало принять, что уголовное законодательство может служить адекватным средством регулирования осуществления основных прав при условии, что в нем будет признаваться неотъемлемое содержание права, о котором идет речь. Границы свободы информации и свободы мнения, вне всякого сомнения, лежат в области государственной безопасности, которую могут подвергнуть опасности попытки дискредитировать демократические учреждения. В заключение, вопрос о допустимости достоверности фактов как средства защиты в этой области касается исключительно толкования закона, а вопрос конкретного применения статьи 161 в рассматриваемом случае находится в пределах исключительной юрисдикции Верховного Суда.

18. 1 апреля 1986 года Верховный Суд постановил, что заявитель полностью отбыл срок своего тюремного заключения. Впоследствии запись о его осуждении была аннулирована в соответствии со статьей 118 Уголовного кодекса. Поэтому ее нельзя больше обнаружить при исследовании уголовного прошлого заявителя, кроме случаев, когда запрос исходит от судей или судов в связи с новым уголовным расследованием.

II. Применимое национальное законодательство

A. Конституция 1978 года.

19. В соответствующих статьях Конституции предусматривается следующее:

Статья 14

“Все испанские граждане равны перед законом. Запрещается любая дискриминация по признаку рождения, расы, пола, религии, убеждений и по любым иным условиям и личным либо общественным обстоятельствам”.

Статья 18

“1. Право на уважение, на личную жизнь и на семейную жизнь, а также право на контроль за использованием собственного изображения защищаются законом...”

Статья 20

*“1. Признаются и защищаются следующие права:
право свободно выражать и распространять мысли, идеи и мнения в устной форме, в письменном виде или с помощью иных средств воспроизведения;*

...

право получать и передавать правдивую информацию с помощью любых средств распространения. Право обращаться к пунктам законов, допускающих их несоблюдение по этическим, религиозным и другим принципам, в том числе ради сохранения профессиональной тайны, определяется законодательными актами.

2. Осуществление данных прав не может быть ограничено какой-либо предварительной цензурой.

...

4. В отношении прав, гарантированных в настоящей Части, данные свободы ограничиваются положениями обеспечивающих их актов и, в особенности, правом на уважение и на личную жизнь, правом на контроль за использованием собственного изображения и правом на защиту молодежи и детей”.

Статья 23

“1. Граждане имеют право участвовать в общественной жизни напрямую или через своих представителей, избираемых на периодически проводимых выборах на основе всеобщего избирательного права...”

В. Уголовный кодекс

20. Учредительным актом № 8/1983 от 25 июня 1983 года в Уголовный кодекс были внесены серьезные изменения. За нанесение оскорблений Правительству им предусматриваются следующие наказания:

Статья 161

«Долгосрочным тюремным заключением (сроками от 6 лет до 12 лет — статья 30 Уголовного кодекса) наказываются:

Лица, нанесшие серьезные оскорбления, выдвинувшие ложные обвинения или угрозы... в адрес Правительства...;»

Статья 162

«Если оскорбление или угроза, указанные в предыдущей статье, не являются серьезными, они должны наказываться краткосрочным тюремным заключением (от 6 месяцев до 6 лет - статья 30 Уголовного кодекса)».

Данные положения располагаются в отдельной главе Уголовного кодекса. Указанная глава базируется на принципе власти (решение Верховного Суда от 19 мая 1982 года; см. п. 12 выше) и предусматривает усиленную защиту жизни, свободы и чести высших должностных лиц Государства. Ложное обвинение Правительства было введено в число преступлений только в 1983 году.

21. В Части X Книги II Уголовного кодекса дается определение такие преступлений, как нанесение оскорблений и выдвижение ложных обвинений. Последнее заключается в незаслуженном обвинении человека в преступлении, подпадающем под категорию тех, которые должны преследоваться даже без жалобы (статья 453 Уголовного кодекса). С другой стороны, оскорбление — любое высказывание или действие, которое дискредитирует человека или выставляет его в неприглядном свете, в частности, путем обвинения его в совершении преступления того рода, которое может преследоваться только в случае подачи жалобы (статьи 457 и 458 Уголовного кодекса). Практическая важность данного различия заключается в том, что такое средство защиты, как доказательство достоверности фактов, допускается в случае ложного обвинения (статья 456), но не допускается в случае нанесения оскорблений, если только оскорбления не направлены в адрес государственных служащих и касаются действий, связанных с выполнением ими своих должностных обязанностей (статья 461 Уголовного кодекса).

В своем решении от 31 октября 1983 года Верховный Суд определил, что достоверность фактов как средство защиты не может использоваться в связи с нанесением оскорблений одному из высших государственных учреждений: во-первых, оскорбления не касаются какого-либо конкретного должностного лица как такового, и, во-вторых, указанные учреждения пользуются дополнительной защитой в этой области по уголовному законодательству (см. параграфы 12 и 13 выше).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

22. В своей жалобе в Комиссию (№ 11798/85) от 17 сентября 1985 года, г-н. Кастеллс ссылаясь на статьи 6, 7, 10 и 14 Конвенции.

В частичном решении от 9 мая 1989 года Комиссия признала неприемлемыми пункты жалобы, основанные на статьях 6 и 7. 7 ноября 1989 года она признала приемлемыми остальные пункты жалобы. В своем докладе 8 января 1991 г. (статья 31) Комиссия пришла к заключению, что имело место нарушение статьи 10 (девятью голосами против трех) и что никакого отдельного вопроса на основании статьи 14 не возникает (единогласно). Полный текст выводов Комиссии и содержащихся в докладе двух особых мнений приводится в приложении к настоящему решению.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

23. Г-н Кастеллс утверждает, что он стал жертвой нарушения права на свободу слова, в том виде, как она гарантирована статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Правительство оспаривает это утверждение заявителя, тогда как Комиссия согласна с ним.

A. Предварительное возражение Правительства

24. Правительство утверждает, как и ранее в Комиссии, что заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты (статья 26 Конвенции). Возможно, “по тактическим соображениям” он не стал поднимать в Конституционном суде вопроса о якобы имевшем место нарушении его права на свободу выражения мнения, охраняемого в соответствии со статьей 20 Конституции. В своей жалобе, поданной в процедуре ампаро, он лишь косвенно ссылаясь на эту статью, жалуясь на дискриминацию при осуществлении данной свободы; кроме того, он не упоминал ни о статье 10 Конвенции, ни об аналогичных положениях других международных документов. В соответствии с Учредительным актом, регламентирующим процедуру подачи и рассмотрения таких жалоб (№ 2/1979), ему надлежало четко указать и фактические обстоятельства, и те положения, которые якобы были нарушены. Отсюда следует, что г-н Кастеллс не дал Конституционному Суду возможности вынести решение по вопросу, который сейчас рассматривается в Суде.

25. В ответ на это заявитель утверждал, что в Конституционном Суде он специально ссылаясь на статью 20 Конституции. Прежде всего, сами обстоятельства, изложенные в его жалобе, поданной в процедуре ампаро, свидетельствовали, что предметом спора был типичный пример осуществления права на свободу выражения мнения, и со всей очевидностью доказывали вмешательство в это право. Более того, он письменно процитировал рассматриваемую статью, а в своей устной аргументации настаивал, что имело место нарушение статьи 20 в сочетании со статьей 14 Конституции (равенство перед законом). Верно, что в основном он строил свою аргументацию на более ограниченной основе - праве избранного представителя на основании статьи 23 Конституции выступать с критикой политического характера, но достаточно прочесть п. 10 части “Право ” судебного постановления по его делу от 10 апреля 1985 года, чтобы увидеть, что и вопрос о свободе выражения мнения в свете статьи 20 также был им

поставлен. В этом пункте Конституционный Суд подробно исследовал вопрос о соответствии статьи 161 Уголовного кодекса, по которой он обвинялся и был осужден, конституционному принципу свободы выражения мнения (см. п. 15 и 17 выше).

26. Выразив свое согласие с заявителем, Комиссия прежде всего просила Суд констатировать, что рассмотрение данного возражения находится вне его компетенции.

27. По этому вопросу Суд ограничивается ссылкой на общую линию своей практики, которая нашла свое недавнее подтверждение в постановлении по делу «Б. против Франции» («B. v. France») от 25 марта 1992 года (Серия А, т. 232-С, стр. 45, п. 35-36).

Относительно существа возражения Суд отмечает, что статья 26 Конвенции должна применяться “с определенной степенью гибкости и без излишнего формализма”; достаточно, чтобы “жалобы, которые предназначены для последующего представления в учреждения Конвенции”, разбирались бы “по крайней мере по существу и в соответствии с формальными требованиями и в пределах сроков, установленных внутренним законодательством” (см. постановление по делу «Гуцарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*) от 6 ноября 1980 года, Серия А, т. 39, стр. 26, п. 72, и постановление по делу «Кардо против Франции» (*Cardot v. France*) от 19 марта 1991 года, Серия А, т. 200, стр. 18, п. 34).

28. Заявитель ссылается на статью 10 Конвенции в двух аспектах: как он утверждает, его преследовали и осудили за высказывание суждений о фактах, которые были достоверными, соответствие которых действительности ему воспрепятствовали установить в суде; кроме того, опубликованная им статья относится к области политической критики, участвовать в которой - долг любого члена Парламента.

29. Г-н Каstellс поднимал оба эти вопроса в Верховном Суде. Судебным решением от 31 октября 1983 года были отвергнуты довод о достоверности фактов в связи с оскорблением Правительства, и признано, что заявитель преступил границы приемлемой политической критики (см. п. 13 выше).

30. В поданных заявителем аргументах в поддержку его жалобы от 22 ноября 1982 года содержалась лишь краткая косвенная ссылка на статью 20 Конституции (см. п. 15 выше); в них, однако, были изложены рассмотренные ранее претензии заявителя.

Основывая свою жалобу на более узкой норме, на статье 23 Конституции, заявитель, как сенатор, отстаивал свое право критиковать действия Правительства, право, которое, очевидно, является частью свободы выражения мнения, в особенности, что касается избранных народа. Более того, Конституционный Суд признал это в своих кратких изложениях жалоб, объединив жалобы по статьям 14 и 20 с жалобой по статье 23 (см. п. 17 выше).

Заявитель также ссылался на свое право пользоваться презумпцией невиновности, а также на право приобщать к делу доказательства, подтверждающие достоверность его высказываний. Таким образом, он формулировал жалобу, напрямую связанную с предполагаемым нарушением статьи 10 Конвенции. Такой же вывод следует из позиции Конституционного Суда, который соединил вопрос о приобщении к делу доказательств с рассмотрением дела по существу, а именно нарушения, предусмотренного статьей 161

Уголовного кодекса, вопрос соответствия которой свободе слова был ранее изучен Судом (п. 9 и 10 части “Право” судебного постановления от 10 апреля 1985 года; см. п. 17 выше).

31. Суд, как и Комиссия, отмечает, что г-н Кастеллс ссылаясь на статью 20 Конституции как в своей жалобе ампаро, поданной в Верховный Суд, так и в письменном изложении своих аргументов от 22 ноября 1983 года (см. п. 13 и 15 выше). В ряде последующих письменных обращений в Конституционный Суд он, в связи с доводом достоверности фактов, настаивал на своем праве “получать и распространять правдивую информацию” (см. п. 16 выше).

Нет сомнений, что причину неудачи жалобы ампаро следует искать в тех границах, которыми в то время ограничил свою компетенцию Конституционный Суд. В его понимании, проблема допустимости достоверности фактов как средства защиты в связи с нанесением оскорбления Правительству поднимает вопрос толкования закона, а не вопрос соответствия Конституции, и применением статьи 161 Уголовного кодекса в рассматриваемом деле должны заниматься общие суды (см. п. 17 выше; и, *mutatis mutandis* упоминавшееся ранее постановление по делу «Гуцарди против Италии» от 22 мая 1990 года, Серия А, т. 39, стр. 27, п. 72).

32. Следовательно, Суд полагает, что заявитель действительно поставил перед Конституционным Судом, “по крайней мере, в принципе”, вопросы, относящиеся к статье 10 Конвенции. Таким образом, возражение, что г-н Кастеллс не исчерпал внутренних средств правовой защиты, должно быть отклонено.

В. Об обоснованности жалобы

33. Согласно жалобе г-на Кастеллса, уголовное дело против него и последовавшее затем его осуждение за оскорбление Правительства представляет собой вмешательство в осуществление им права на свободу выражения мнения, в частности, потому, что ему не было позволено доказать достоверность содержащихся в его статье утверждений.

34. Ограничения и наказания, на которые он жаловался, несомненно, являются “вмешательством” в осуществление свободы, о которой идет речь. Для того чтобы такое вмешательство не противоречило статье 10, оно должно быть “предусмотрено законом”, направлено на достижение одной или более правомерных целей, указанных в п. 2 статьи 10, и быть “необходимым в демократическом обществе” для достижения таких целей.

1. «Предусмотрено законом»

35. Не вызывает сомнений, что оспариваемое судебное преследование имеет правовое основание, а именно статьи 161 и 162 Уголовного кодекса. Заявитель этого не оспаривает, но он утверждает, будто не представлял себе, что ему будет отказано в таком средстве защиты, как доказательство достоверности его утверждений, особенно после принятия Конституции 1978 года. Он настаивал на том, что до 19 мая 1982 года Верховный Суд никогда не рассматривал вопроса о нанесении оскорбления Правительству, и указывал, что в доктрине и судебной практике высказывались разные точки зрения относительно допустимости доказательств в целях защиты от обвинений в подобных преступлениях (статья 240).

36. В возражении Правительства указывалось, что по законодательству Испании, в частности по статье 461 Уголовного кодекса, доказательство достоверности распространенных сведений как средство защиты допустимо только тогда, когда оскорбления направлены против государственных служащих, находящихся при исполнении служебных обязанностей; ни до, ни после 1978 года Верховный Суд не позволял когда-либо использовать *excepcio veritatis* для оскорблений, которые не были бы направлены против отдельных личностей. Однако г-н Каstellс оскорбил Правительство в целом.

37. Исходя из текста статьи 461 Уголовного кодекса, Суд считает такое толкование разумным. Прецедентов такого рода, по-видимому, не было — отсюда колебания, выказанные Верховным Судом в его решении от 19 мая 1982 года (см. п. 12 выше), что, однако, не имеет значения: толкование охватывало в общей форме несколько возможных типов оскорблений и должно было применяться в новых ситуациях; вышеупомянутое решение ограничилось тем, что применило его к особым обстоятельствам (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Обзервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства» («Observer» and «Gardian» v. United Kingdom) от 26 ноября 1991 года, Серия А, т. 216, стр. 27—28, п. 53).

Поэтому Суд, как и Комиссия, считает, что нормы, регулирующие условия оспариваемого вмешательства, были достаточно предсказуемы, исходя из целей п. 2 статьи 10 Конвенции.

2. Правомерная цель

38. Согласно утверждению заявителя, ни выдвинутое против него обвинение, ни последующее его осуждение не преследовали правомерной цели, подпадающей под действие п. 2 статьи 10. Действия, в которых он был обвинен, как признал сам Верховный Суд, не вызывали какой-либо тревоги; более того, как явствует из судебного решения от 31 октября 1983 года, целью вмешательства была не защита общественного порядка и национальной безопасности, а фактически - защита чести Правительства-ответчика.

39. Однако в своем решении от 10 апреля 1985 года, на которое ссылается Правительство, Конституционный Суд сделал упор на то, что безопасность государства может оказаться в опасности из-за попыток дискредитировать демократические институты (см. п. 17 выше). В своей статье г-н Каstellс не просто описывает очень серьезную ситуацию в Стране Басков, - он обвиняет власти, в частности полицию, в пассивности и даже попустительстве организаторам преступной деятельности, подразумевая тем самым, что Правительство также несет ответственность.

Таким образом, можно сказать, и это соответствует точке зрения Правительства и Комиссии, что в конкретных обстоятельствах Испании 1979 года судебное преследование заявителя было начато в целях «предотвращения беспорядков» в смысле п. 2 статьи 10, а не только для «защиты репутации... других лиц».

3. "Необходимо в демократическом обществе"

40. Г-н Каstellс отметил свое согласие с Комиссией и подчеркнул чрезвычайную важность свободы слова для избранных народа — выразителей мнений и забот своего электората. Эта свобода заслуживает дополнительных гарантий, когда обсуждаются

вопросы, представляющие общественный интерес. Так было и в этом случае; спорная статья была частью широкой дискуссии о климате нестабильности, сложившемся в Стране Басков начиная с 1977 года. Осуждение заявителя призвано было скорее защитить власти от атак оппозиции, чем Правительство от необоснованных и порочащих обвинений; хотя разглашение фактов, о которых шла речь, ставило Правительство в неловкое положение, оно отвечало общественным интересам.

41. Правительство подчеркивало, что свобода слова не является абсолютной; она налагает определенные «обязанности и ответственность» (п. 2 статьи 10 Конвенции). Г-н Каstellлс преступил обычные границы политической дискуссии; он оскорбил демократическое Правительство с целью его дестабилизации, причем сделал это в очень непростой, по сути своей критический для Испании период, а именно вскоре после принятия Конституции, когда группы разной политической ориентации равно прибегают к насилию.

42. Суд напомнил, что свобода выражения мнения, закрепленная в п. 1 статьи 10, составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса. Являясь предметом для ограничений, установленных в пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». (см., среди прочих, постановление по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» («The Handyside v. The United Kingdom») от 7 декабря 1976 года, Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49, и вышеупомянутое постановление по делу «Обзервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства», Серия А, т. 216, стр. 30, п. 59 (a)).

Свобода слова важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет об избранных народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения члена Парламента от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Суда.

43. В рассматриваемом деле г-н Каstellлс выражал свое мнение не в зале заседаний Сената, что он мог бы сделать, не опасаясь санкций, а предпочел сделать это в периодической печати. Однако это не означает, что он был не вправе критиковать таким образом Правительство.

В этой связи не следует забывать особую роль прессы в правовом государстве. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, установленных в том числе и для предотвращения беспорядков или защиты репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» («The Sunday Times v. the United Kingdom») от 26 апреля 1979 года, Серия А, т. 30, стр. 40, п. 65, и вышеупомянутое постановление по делу «Обзервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства», Серия А, т. 216, стр. 30, п. 59 (b)).

Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяет участвовать в свободной политической дискуссии каждому, что является стержнем концепции демократического общества (см. постановление по делу «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Серия А, т. 103, стр. 26, п. 42).

44. В своем решении от 31 октября 1983 года Верховный Суд встал на ту точку зрения, что в рассматриваемой статье заявитель, хотя и незначительно, перешел грань между политической критикой и оскорблением путем использования определенных выражений (см. п. 13 выше).

45. Суд, как и Комиссия, отмечает, что г-н Каstellс начал с критики безнаказанности, которой пользуются члены различных экстремистских группировок, совершивших ряд нападений в Стране Басков начиная с 1977 года. Тем самым он рассказывал о фактах, представляющих большой интерес для общественного мнения того региона, где продается большая часть тиража данного периодического издания. Однако в своих выводах он выдвинул серьезные обвинения против Правительства, которое, по его мнению, несет ответственность за сложившееся положение (см. п. 7 выше).

46. Свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства-участники могут подвергать ее определенным “ограничениям” или “санкциям”, но Суду принадлежит право выносить окончательное решение о совместимости этих мер со свободой выражения мнения, закрепленной в статье 10 (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу «Обзервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства), Серия А, т. 216, п. 59 (с)).

Пределы допустимой критики в отношении Правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения Правительства должны становиться предметом пристального внимания не только со стороны законодательных и судебных властей, но также и со стороны прессы и общественного мнения. Более того, занимаемое Правительством доминирующее положение обязывает его демонстрировать сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно при наличии других средств ответа на неоправданные нападки со стороны его противников или средств массовой информации. Тем не менее, у компетентных органов государственной власти как гарантов общественного порядка должна оставаться возможность принятия мер, в том числе уголовно-правового характера, направленных на то, чтобы адекватным образом, без излишних эксцессов реагировать на безосновательные или недобросовестные обвинения порочающего характера.

47. В данном случае, г-н Каstellс неоднократно предлагал сначала Верховному Суду, а впоследствии и Конституционному Суду, установить, что приведенные им факты достоверны и хорошо известны; с его точки зрения, это лишало его утверждения какого-либо оскорбительного звучания (см. п. 11 и 16 выше).

19 мая 1982 года Верховный Суд объявил такие доказательства недопустимыми на том основании, что нельзя использовать достоверность фактов как средство защиты, если речь идет об оскорблениях, направленных против государственных институтов (см. п. 12 и 13

выше); он подтвердил такое толкование в своем постановлении от 31 октября 1983 года (см. п. 13 выше). Конституционный Суд решил, что это вопрос обычного толкования закона и в качестве такового находится за пределами его компетенции (см. п. 17 выше).

Поэтому заявитель при рассмотрении возбужденного против него уголовного дела по статье 161 Уголовного кодекса не мог сослаться в свою защиту на свою добросовестность и достоверность фактов.

48. В возражении Правительства говорилось, что поскольку утверждения г-на Каstellлса не были достаточно точны, они не могли претендовать на то, что их правдивость будет подтверждена; более того, они носили оценочный характер, а в отношении таких утверждений критерий достоверности неприменим.

Этот аргумент не убедителен. Появившаяся в “Пунто и Ора де Еускалхерриа” статья (см. п. 7 выше) должна рассматриваться в целом. Заявитель начал ее с длинного списка нападений и убийств, совершенных в Стране Басков, затем подчеркнул, что они остались безнаказанными; далее в статье он утверждал о причастности к ним различных экстремистских организаций, которые он назвал, а в конце возложил ответственность за создавшееся положение на Правительство. На самом деле, достоверность многих из этих утверждений поддавалась проверке, а г-н Каstellлс обоснованно мог рассчитывать, что ему дадут возможность доказать свою добросовестность.

Невозможно судить, каков был бы результат разбирательства, если бы Верховный Суд согласился допустить доказательства, которые заявитель хотел приобщить к делу; но Суд придает решающее значение тому обстоятельству, что Верховный Суд объявил такие доказательства неприемлемыми применительно к рассматриваемому нарушению закона (см. п. 12 выше). Он считает, что такое вмешательство в осуществление свободы слова заявителя не было необходимым в демократическом обществе.

49. Правительство ссылается также на относительно мягкий характер наложенных санкций, но в свете предыдущего вывода Суд не обязан анализировать данный довод.

50. Суд решил, что имело место нарушение статьи 10.

II. Предполагаемое нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10 Конвенции

51. Г-н Каstellлс требовал также признать его жертвой дискриминации, потому что другие люди высказывали подобные взгляды без наложения на них каких-либо уголовных санкций. Он сослался при этом на статью 14, которая сформулирована следующим образом:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

Правительство отрицало это утверждение заявителя.

52. Поскольку данный вопрос не является ключевым в деле, Суд не считает необходимым рассматривать его (см., среди прочих, постановление по делу «Эйри против Ирландии» («Airey v. Ireland») от 9 октября 1979 года, Серия А, т. 32, стр. 16, п. 30).

III. Применение статьи 50 Конвенции

53. В соответствии со статьей 50:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

54. Заявитель хотел прежде всего добиться публикации краткого изложения постановления Суда в газетах Страны Басков, Мадрида и других провинций страны, а также изъятия всякого упоминания о его осуждении из Центрального уголовного архива.

Суд указывает, что он не компетентен принимать такие обязывающие решения (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Манифаттура ФЛ» против Италии» («Manifattura FL» v. Italy») от 27 февраля 1992 года, Серия А, т. 230-В, стр. 21, п. 22).

A. Материальный ущерб

55. Г-н Каstellс потребовал 375 000 песет в качестве компенсации за потерю заработка. Как обвиняемый, отпущенный под залог, он должен был пятьдесят два раза отмечаться в суде по месту жительства (Сан-Себастьян), и три раза в Верховном Суде в Мадриде (см. п. 8 и 9 выше), что привело к потере времени и возможностей в занятии им своей профессиональной деятельностью в качестве адвоката.

Суд придерживается той точки зрения, что данное ограничение вряд ли могло причинить ущерб г-ну Каstellсу, т. к., будучи адвокатом, он часто посещал суды, о которых идет речь. Причинение ему материального ущерба, таким образом, не установлено.

B. Моральный вред

56. Заявитель потребовал также компенсации морального вреда, не называя конкретных цифр. Суд не исключает того, что заявитель действительно понес такой вред, но исходя из обстоятельств дела, считает, что признание настоящим судебным постановлением факта нарушения само по себе представляет достаточно справедливое удовлетворение.

C. Издержки и расходы

57. В качестве компенсации издержек и расходов, понесенных им в испанских судах, г-н Каstellс потребовал 2 181 476 песет. Суд присуждает ему только 1 000 000 песет, поскольку некоторые из представленных им сумм относились к тем жалобам ампаро, которые не были признаны Комиссией приемлемыми.

58. Наконец, заявитель хотел получить 3 328 000 песет за понесенные им издержки и расходы в органах Конвенции, а также 20 000 немецких марок, выплаченные в качестве гонораров г-ну Корффу и г-ну Верваеле.

Как и Правительство, Суд считает чрезмерным число адвокатов, представлявших г-на Кастеллса, который предстал перед Судом в сопровождении четырех адвокатов; следует также иметь в виду, что Комиссия объявила неприемлемыми некоторые из первоначально заявленных жалоб.

Проведя оценку по справедливости, Суд присуждает г-ну Кастеллсу компенсацию на общую сумму 2 000 000 песет.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что он компетентен рассматривать предварительное возражение Правительства, но отверг его;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10;
3. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать дело по статье 14, в сочетании со статьей 10;
4. *Постановил*, что настоящее судебное постановление представляет собой достаточное справедливое удовлетворение предполагаемого морального вреда в целях статьи 50;
5. *Постановил*, что Королевство Испания должно выплатить заявителю в течение трех месяцев 3 000 000 (три миллиона) песет в качестве компенсации за понесенные им издержки и расходы;
6. *Отверг* оставшуюся часть требований заявителя.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 апреля 1992 года.

Ролф Рисдал
Марк-Андре Эйссен

Председатель
Секретарь Суда

В соответствии со п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 53 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются отдельные мнения следующих судей:

совпадающее мнение судьи Де Мейера;
совпадающее мнение судьи Пекканена;
совпадающее мнение судьи Карильо Салседо, ad hoc судьи.

Совпадающее мнение судьи Де Мейера

Г-н Кастеллс приводит в оспариваемой статье длинный перечень убийств и нападений, совершенных в Стране Басков, и осуждает безнаказанность, которой пользуются лица, их совершившие, называя ее возмутительной. Он жалуется на бездействие властей, которые, по его утверждению, ничего не сделали для установления личности преступников, хотя те же самые власти выказали большое рвение “в других случаях”. Он усматривает в этом свидетельство сговора с виновной стороной и приписывает ответственность за “эти действия” Правительству и его сторонникам.

Это, несомненно, серьезные обвинения.

Однако, выдвигая их, он правомерно осуществляет свое право на свободу слова. Это право, как видно из материалов поступившего в Суд дела, оказалось нарушено, т. к. г-н Каstellс был подвергнут судебному преследованию и осужден за обнародование своих взглядов по вопросу, представлявшему общий интерес; наказывать гражданина за такие действия в “демократическом обществе” недопустимо.

В этой связи безразлично, прав или не прав был г-н Каstellс. Вопрос о достоверности фактов как средстве защиты не имеет отношения к оценке ситуации; это тем более справедливо, что убийства и нападения, на которые делаются ссылки в статье, действительно имели место, а безнаказанность лиц, их совершивших, никто не отрицал.

Стоит также добавить, что в той мере, в какой это касается оскорблений, ложных обвинений и диффамации, нет никаких оснований предоставлять институтам государства большую защиту, чем частным лицам, либо охранять репутацию Правительства в большей мере, чем репутацию оппозиции.

Совпадающее мнение судьи Пекканена

В своей статье г-н Каstellс вначале привел список убийств и нападений, происшедших в Стране Басков, и подчеркнул, что эти преступления остались нераскрытыми и безнаказанными. Он также упомянул о причастности к ним различных правоэкстремистских организаций. Из приведенных фактов он сделал вывод, что “за этими действиями могут стоять только Правительство, партия Правительства и их люди”. Г-н Каstellс был приговорен Верховным Судом за оскорбительные, но не грубые высказывания в адрес Правительства. Верховный Суд нашел, в числе прочего, что эти оскорбительные высказывания с целью политической критики превышают допустимые пределы такой критики и задевают честь Правительства. Верховный Суд придерживается мнения, что по испанскому законодательству ссылка в свою защиту на достоверность фактов (*exsertio veritatis*) недопустима в подобных случаях.

Суд придал решающее значение тому обстоятельству, что Верховный Суд Испании объявил недопустимой достоверность фактов как средство защиты по рассматриваемому преступлению. К сожалению, я не могу разделить данное мнение. Решающим в нарушении статьи 10 Конвенции, с моей точки зрения, является наказание г-на Каstellса за то, что он посчитал Правительство ответственным за указанные инциденты и опубликовал свое мнение.

Относительно вопроса об *exsertio veritatis*, который подробно обсуждается в настоящем судебном постановлении, я полагаю, что для г-на Каstellса оказалось бы невозможным доказать достоверность его мнения, выраженного в порядке политической полемики, - мнения, где утверждалось, что за всеми этими убийствами и нападениями стоит Правительство. Поэтому *exsertio veritatis* не имеет отношения к настоящему делу. Для обнаружения нарушения статьи 10 Конвенции достаточно того, что г-н Каstellс был осужден за критику Правительства, совершенную им способом, который должен быть позволен в демократическом обществе.

Совпадающее мнение судьи Карильо Салседо

Я полностью разделяю точку зрения, высказанную Судом в пункте 46 постановления. Я хотел бы подчеркнуть, что свобода слова является одним из опорных столпов демократического общества. Но я должен также отметить, что осуществление этой свободы “налагает обязанности и ответственность” (п. 2 статьи 10 Конвенции), и в ситуации, где насилие по политическим мотивам создает постоянную угрозу жизни и безопасности населения, бывает особенно трудно найти справедливое соотношение между потребностями защиты свободы слова и императивами защиты демократического государства.

Предусмотрев в п. 2 статьи 10, что осуществление свободы слова и мнений, свободы получать и распространять информацию и идеи “может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе”, Конвенция признает, что эти свободы не являются абсолютными. Более того, Конвенция также признает тот принцип, что никакая группа лиц и никакое лицо не имеют права заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение признанных в ней прав и свобод (статья 17), что подразумевает, на мой взгляд, наличие у государств позитивных обязательств.

Поэтому у государств развязаны руки в принятии мер, в том числе уголовно-правового характера, которые направлены на соразмерную, без эксцессов и в соответствии с требованиями Конвенции, реакцию на недобросовестные и безосновательные порочащие обвинения.

© Перевод Института проблем информационного права (г. Москва)

Краткое изложение дела**ДЕЛО "КОЛОМБАНИ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ"
(Colombani and others v. France)**

(жалоба № 51279/99)

Постановление Суда

Страсбург, 25 июня 2002 года

Тема: диффамация

Подтема: способы защиты по делам о диффамации, оскорбление публичной фигуры (главы государства)

Критерий: важность свободы выражения мнения, необходимость в демократическом обществе

Санкция: уголовное осуждение, финансовая санкция

Решение: имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека); тайным голосованием

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Франция

Факты:

Заявители, редактор и журналист национальной газеты, опубликовали статью с выдержками из конфиденциального отчета Европейскому Союзу о производстве и торговле наркотиков в Марокко. Помимо всего прочего, в отчете утверждалось, что объемы производства и распространения марихуаны «делает Марокко основным экспортером и ведущим поставщиком гашиша на мировой рынок». Статья, краткое содержание которой было вынесено на первую полосу, была озаглавлена «Конфиденциальный отчет обвиняет окружение короля Хасана II». Она ставила под сомнение желание марокканских властей, главным образом короля Хасана II, прекратить торговлю наркотиками в этом государстве. Позже король Марокко направил французскому министру иностранных дел официальное требование об уголовном преследовании, и заявители были признаны виновными в нанесении оскорблений главе иностранного государства. Несмотря на то, что суд первой инстанции оправдал их, Апелляционный суд признал то, что журналист не предпринял попытки проверить точность и актуальность информации и то, что при рассмотрении дела целиком факты носили следы недоброжелательства. Таким образом, заявители были признаны виновными в нанесении оскорблений главе иностранного государства, приговорены к штрафу, а также к возмещению убытков. Суд также обязал газету опубликовать это судебное решение. Последующие жалобы заявителей были отклонены.

Решено:

Суд признал, что приговор заявителей является вмешательством в осуществление их права на свободу выражения мнения, которое было предусмотрено законом и преследовало законную цель защиты прав других лиц. Вопрос состоял в том, что было ли оно «необходимым в демократическом обществе».

Необходимость в демократическом обществе

Суд напомнил о том, что пресса играет важную роль в демократическом обществе.

«Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации, прав других лиц ... тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. <...> Если на прессе лежит обязанность распространять информацию, то общественность, со своей стороны, имеет право получать ее. Если бы это было иначе, пресса не смогла бы играть свою жизненно важную роль “сторожевого пса” общества» (п. 55).

Суд подчеркнул, что пресса играет важную роль в тщательном рассмотрении действий политических деятелей, которые благодаря своей роли в обществе должны выдерживать более сильную критику, чем обычный человек.

«Что касается границ приемлемой критики, то они шире в отношении политического деятеля как такового, чем в отношении частного лица.. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут вызвать ответную критику. <...> Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требования такой защиты должны быть противопоставлены интересам свободного обсуждения политических вопросов, с учетом того, что ограничений свободы выражения мнения подлежат узкому толкованию» (п. 56).

Следуя этим принципам в данном деле, Суд посчитал, что заявители были признаны виновными за статью, написанную ими на тему, вызывающую законную общественную озабоченность – производство наркотиков в стране, которая представила свою кандидатуру на вступление в Европейский Союз.

В то же время Суд напомнил, что осуществление права на свободу выражения мнения налагает определенные “обязанности и ответственность”, главным образом для того, чтобы журналисты действовали добросовестно, но не согласился, что журналисты в рассматриваемом деле должны были проверять факты, изложенные в отчете Европейской комиссии.

«... пресса в норме должна иметь право, в ситуациях, когда она вносит свой вклад в общественную дискуссию по вопросам, представляющим законный интерес, полагаться на содержание официальных отчетов, не предпринимая независимых расследований. В противном случае, печать не будет в состоянии выполнять необходимую роль “сторожевого пса”» (п. 65).

Поэтому нельзя сказать, что в рассматриваемом деле заявители действовали неискренне только потому, что они не провели независимое расследование для проверки материалов отчета Европейского Союза.

Более того, Суд отметил, что обвинение в публичном оскорблении, как оно понимается во французском законодательстве, не позволило заявителям доказывать правдивость. Это само по себе сделало такое оскорбление незаконным:

«Отсутствие возможности доказывать достоверность являлось мерой, которая переходила пределы, необходимые для защиты репутации и прав граждан, даже тогда, когда этот человек является главой государства или правительства» (п. 66).

Наконец, Суд отметил, что оспариваемый закон тяготеет к тому, чтобы дать главам государств привилегированный статус:

«... придать главам государства привилегированный статус, ограждая их от критики только ввиду их положения или статуса, не обращая внимания на то, обоснована критика или нет ... означает предоставление главам иностранных государств чрезмерной привилегии, которая несовместима с практикой и современными политическими концепциями. Каким бы очевидным не был интерес для любого государства поддерживать дружеские и доверительные отношения с руководителями других государств, эта привилегия является чрезмерной по отношению к тому, что необходимо для достижения такой цели» (п. 68).

По этим причинам Суд признал, что обвинение составило нарушение права на свободу выражения мнения. Имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. Кондратьевой

ДЕЛО «КОЛОМБАНИ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ»**(Colombani and others v. France)**

(жалоба № 51279/99)

Постановление Суда
Страсбург, 25 июня 2002 года

По делу "Коломбани и другие против Франции" Европейский суд по правам человека (Вторая Секция), провел заседание в составе:

г-н А. Б. Бака, *Председатель*,
г-н Ж.-П. Коста,
г-н Г. Ёрунсон,
г-н К. Юнгвирт,
г-н В. Буткевич,
г-жа В. Томассен
г-н М. Угрехелидзе, *судьи*,

а также г-жа С. Долле, *Секретарь Суда*,

Проведя 4 сентября 2001 года и 4 июня 2002 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. В основе дела лежит жалоба (№ 51279/99), направленная против Республики Франция. Два заявителя - граждане этого государства - господин Жан-Мари Коломбани (Jean-Marie Colombani) и господин Эрик Инсьян (Eric Incyuan), а также компания "Ле Монд" ("Le Monde") (именуемые в дальнейшем "Заявители") 19 апреля 1999 года представили её Суду в силу статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (именуемой в дальнейшем "Конвенция").

2. Заявители представлены в Суде госпожой А. Лион-Кайен (A. Lyon-Caen), адвокатом Государственного совета и Кассационного суда Парижа. Французское правительство (именуемое в дальнейшем "Правительство") представлено его уполномоченным представителем, господином Р. Абрахамом (R. Abraham), директором правового департамента министерства иностранных дел.

3. Заявители, в частности, указывали на вмешательство в их право на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции

4. Жалоба была передана на рассмотрение третьей палаты Суда (п. 1 статьи 52 Регламента). В составе этой палаты Суда в соответствии с п. 1 статьи 26 Регламента была

сформирована палата, которой было поручено рассмотрение дела (п. 1 статьи 27 Конвенции).

5. Решением от 4 сентября 2001 года палата объявила жалобу частично приемлемой.

6. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав своих палат (п. 1 статьи 25 Регламента). Настоящее заявление было передано на рассмотрение второй, также измененной по составу, палаты (п. 1 статьи 52).

7. Правительство представило свои письменные возражения по существу жалобы, но уточнения по жалобе не испрашивались у Заявителей.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Первые два Заявителя родились в 1948 и в 1960 годах соответственно и в настоящее время постоянно проживают в Париже.

9. Когда государство Марокко обратилось с заявлением о принятии его в Европейское Сообщество, то, чтобы оценить его кандидатуру, Европейской Комиссии сообщества понадобилась полная информация о производстве марихуаны в этом государстве и о мерах по борьбе с этим злом, принимаемых в соответствии с политической волей, выраженной самим королём Марокко. С этой целью генеральный секретарь Комиссии попросил Геополитическую обсерваторию наркотиков (l'Observatoire géopolitique des drogues - "OGD") провести исследование вопроса о производстве и торговле наркотиков в Марокко. Расследования и доклады, со ссылкой на отчет указанной Обсерватории, были распространены в различных изданиях, среди получателей которых числятся, в частности, Трибунал высшей инстанции и прокуратура Парижа.

10. По данному делу "OGD" передала свой отчет Комиссии Европейского сообщества в феврале 1994 года. В этом отчете приводились имена лиц, замешанных в торговле наркотиками в Марокко. Но чтобы более эффективно использовать этот документ на переговорах, проводимых с марокканскими властями, Комиссия попросила у "OGD" составить новую версию отчета, изъяв из текста имена торговцев наркотиками. Именно эта купированная версия первоначального отчета и была опубликована в издании, распространяемом "OGD" - "Государства наркотиков, наркотики государств" ("Etat des drogues, drogue des Etats"), одна из глав которого была посвящена Марокко. "Le Monde" упомянула об этой публикации в своем номере от 25 мая 1994 года.

11. Что касается первоначальной версии, то некоторое время она оставалась конфиденциальной - до того момента, когда начала циркулировать в печати. "Le Monde" об этом стало известно осенью 1995 года. В своей первоначальной версии отчет состоял из девяти глав, озаглавленных соответственно: 1) "марихуана в Марокко в историческом контексте", 2) "социально-экономические последствия и районы производства", 3) "расширение площадей выращивания марихуаны", 4) "Марокко - первый в мире экспортер марихуаны", 5) "Пути транспортировки наркотиков", 6) "Сети сбыта", 7) "Производство тяжелых наркотиков", 8) "Деньги от торговли наркотиками", 9) "Войны между торговцами наркотиков". В четырех первых главах было показано, что за десять последних лет количество земельных площадей, занятых под выращивание марихуаны в

регионе Риф (Rif), увеличилось в десять раз, и что сегодня объем ее производства позволяет считать “шерифское королевство серьезным претендентом на роль ведущего мирового экспортера гашиша”.

12. В своем номере от 3 ноября 1995 года “Le Monde” осветила этот отчет в статье, подписанной Эриком Инсьяном.

13. Статья была напечатана на первой полосе под названием “Марокко - ведущий мировой экспортер гашиша” и с подзаголовком “Конфиденциальный отчет обвиняет окружение короля Хасана II”. Довольно короткая статья (около тридцати строк в двух колонках) подводила итог выводам из отчета “OGD”. На 2-й полосе была опубликована развернутая статья (из шести колонок) под названием “Конфиденциальный отчет обвиняет марокканскую власть в торговле гашишем” и с подзаголовком: “Согласно этому документу, заказанному Европейским союзом у геополитической обсерватории наркотиков, Марокко является основным мировым экспортером и ведущим поставщиком гашиша на европейский рынок. Этот документ указывает на прямую ответственность королевского двора за участие в этом прибыльном бизнесе”. Содержание статьи, кроме того, было резюмировано во вступлении, изложенном в том же стиле: “Наркотики. - В конфиденциальном отчете, переданном в 1994 году Европейскому союзу, копией которого располагает “Le Monde”, геополитическая обсерватория наркотиков доказывает, что Марокко стало в течение нескольких последних лет основным экспортером гашиша в мире и ведущим его поставщиком на европейский рынок. Это исследование ставит под сомнение желание королевского правительства прекратить торговлю наркотиками, несмотря на разрекламированную им “войну наркотикам”, которую оно объявило осенью 1992 года. Коррупцированные чиновники “от рядовых таможенных служащих до приближенных к Дворцу <...>” обеспечивают поддержку и защиту торговой сети наркотиков.

14. Письмом от 23 ноября 1995 года король Марокко направил французскому министру иностранных дел официальное требование об уголовном преследовании газеты “Le Monde”. Это заявление было передано министру юстиции, который, в свою очередь, передал дело на рассмотрение в парижскую прокуратуру, в соответствии с положениями статьи 48-50 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года.

15. Господин Жан-Мари Коломбани, директор публикации газеты “Le Monde”, и автор статьи, господин Эрик Инсьян, были вызваны и предстали перед Исправительным трибуналом Парижа по обвинению в оскорблении главы иностранного государства.

16. Своим постановлением от 5 июля 1996 года Исправительный трибунал, считая, что журналист ограничился тем, что без нападок и преувеличений или искажающей интерпретации процитировал выдержки отчета, серьезность которого не была оспорена, и что, таким образом, он преследовал законную цель, действуя добросовестно, освободил его, а также господина Жана-Мари Коломбани, от дальнейшего судебного преследования.

17. Король Марокко, также как и прокуратура, обжаловал это судебное решение.

18. Постановлением от 6 марта 1997 года Парижский Апелляционный суд, признавая, что “доведение прессой до публики такого рода информации, как международная торговля наркотиками, преследует безусловно законную цель”, посчитал, что желание привлечь внимание публики к ответственности королевского двора и к “потворству властей,

включая и короля”, “не было свободно от недружелюбия”, так как оно несет “следы враждебного намерения”. Инкриминированные статьи содержали “обвинения в двуличности, уловках, лицемерии, что является оскорблением главы иностранного государства”. Поскольку журналист не предпринял “попытки проверить точность комментариев “OGD””, поскольку он односторонне придерживался версии этой организации, “делая себя официальным представителем позиции, содержащей серьезные обвинения”, не позволив себе выразить ни малейшего сомнения в серьезности этого информационного источника, - все эти обстоятельства представляют собой злоупотребление доверием читателей. Кроме того, Апелляционный суд подчеркнул, что журналист не попытался проверить, оставались ли в ноябре 1995 года результаты исследований, проведенного в 1994 году, по-прежнему актуальными Суд отметил, что журналист не смог доказать, что предпринял “какое-нибудь обращение к официальным представителям государственных учреждений или марокканских служб с тем, чтобы получить объяснения по поводу расхождения между словами и фактами, хотя бы просто для комментариев по отчету “OGD”. Кроме того, автор воздержался от упоминания о существовании “белой книги”, опубликованной марокканскими властями в ноябре 1994 года, посвященной вопросам “общей политики Марокко в вопросе о борьбе против наркобизнеса и за экономическое развитие провинций севера [страны]”.

19. Заявители, таким образом, были признаны виновными в нанесении оскорбления главе иностранного государства и осуждены каждый к штрафу в размере 5 000 франков, а также к выплате королю Хасану II суммы, объявленной допустимой при предъявлении гражданского иска, в размере 1 франк - в качестве возмещения убытков и 10 000 франков - согласно положению статьи 475-1 Уголовно-Процессуального Кодекса. Суд, кроме того, обязал в качестве дополнительного возмещения опубликовать на страницах “Le Monde” сообщение об этом судебном решении.

20. Заявители подали кассационную жалобу на этот приговор суда.

21. Постановлением от 20 октября 1998 года палата по уголовным делам Кассационного суда отклонила жалобу, считая, что “оскорбительный характер публикации ставит под сомнение искренность намерений короля Марокко прекратить торговлю наркотиками в своей стране и выдвигает порочащие обвинения, не подтвержденные доказательствами. Судебное постановление представлено как не имеющее другой цели, кроме поддержания имиджа страны, тогда как, как отметил суд, обвинение в двуличности было повторено дважды, и суд констатировал, что в контексте статьи, представляющей Марокко ведущим мировым экспортером гашиша и указывающей на прямую ответственность марокканских властей и членов королевской семьи, эта настойчивость в привлечении внимания читателя к личности короля носит следы недоброжелательности”.

II. Применимое национальное законодательство

22. Такое деяние, как публичное оскорбление главы иностранного государства, предусмотрено статьей 36 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года:

“Публичное оскорбление, нанесенное главам иностранных государств, главам иностранных правительств и министрам иностранных дел иностранных правительств наказывается заключением в тюрьму сроком на один год и штрафом в размере 300 000 франков или только одной из этих двух мер”.

23. Закон от 15 июня 2000 года «О презумпции невинности и пострадавших» изменил это положение, отменив наказание в виде лишения свободы.

24. Установление уголовной ответственности за оскорбление главы иностранного государства вызвана заботой о защите высокопоставленных иностранных политических деятелей от некоторых видов посягательств на их честь и достоинство. По той же причине такое нарушение созвучно с предусмотренным статьей 26 того же закона деликтом, выражающемся в оскорблении президента французской Республики.

25. Согласно правовой практике, под оскорблением главы иностранного государства должны пониматься брань, диффамационные заявления, выражения оскорбительного или обидного характера, которые унижают достоинство потерпевших лиц, обращающихся за защитой. Таким образом, Кассационный суд уточнил, что “оскорбление главы государства (...) представляет собой фактически любое выражение презрения или словесное оскорбление, или неподтвержденные обвинения любого характера, которые затрагивают его честь или достоинство в рамках его частной жизни или исполняемых им служебных полномочий” (Уголовная палата Кассационного Суда, решение от 17 июля 1986 года).

26. Рассмотрение этого нарушения было проведено в соответствии с особой процедурой, предусмотренной Законом о свободе прессы от 1881 года. Статья 48 устанавливает специальное правило. Оно состоит в том, что уголовное преследование может иметь место только по заявлению пострадавшего от оскорбления, которое должно быть направлено министру иностранных дел, который его затем передает министру юстиции. К тому же в отличие от уголовных дел о клевете, в этих делах отсутствует презумпция недобросовестности. Именно заявитель должен представить доказательство наличия злого умысла. В противовес этому, *exceptio veritatis* не допускается в качестве освобождения от ответственности за правонарушение, связанное с оскорблением (в отличие от того положения, которое существует в делах о диффамации). Наконец, статьи 42 и 43 устанавливают механизм солидарной ответственности. В них предусматривается, что к ответственности будут привлечены как основные авторы, так и директора или редакторы публикующих их изданий, а как соучастники – соавторы соответствующих статей.

27. Согласно заявлению Правительства, французская судебная практика ограничила действие статьи 36, указывая, что она направлена только на “борьбу со злоупотреблением свободой слова” (Парижский апелляционный суд, решение от 2 октября 1997 года) и определила рамки понятия злоупотребления этой свободой.

28. Что касается области применения статьи 36, считалось, что инкриминирование статьи 36 не препятствует праву на критику политического характера (Парижский апелляционный суд, решения от 2 октября 1997 года и от 13 марта 1998 года). К этой статье можно обращаться только в случае посягательства лично на главу иностранного государства, когда оскорбление наносится именно его личности, его репутации, а не критикует политику, которую он проводит (Парижский апелляционный суд, решение от 27 июня 1995 года).

29. Французская судебная практика считает также, что некоторые обвинения, даже смело сформулированные и относящиеся к поведению членов королевской семьи, не посягают, тем не менее, на личность главы государства. Французская судебная практика, более того, допускает, что специально преувеличенный и саркастический тон, присущий сатирическому жанру, используемый авторами телевизионных передач, не представляет

собой посягательства на частную жизнь иностранных лидеров (Парижский апелляционный суд, решение от 11 марта 1991 года). Только враждебные нападки, доказывающие преднамеренное желание нанести вред, могли бы подпасть под действие статьи 36 (Парижский апелляционный суд, решение от 27 июня 1995 года).

30. Что касается злого умысла, то французская судебная практика основывалась всегда на том принципе, что намерение оскорбить не предполагается, а подлежит доказыванию. Доказательство намерения оскорбить должно быть установлено по отношению к автору публикации (Парижский апелляционный суд, решение от 13 марта 1998 года). Обвиняемый же располагает возможностью выдвигать публично в порядке состязательного процесса свои средства защиты, не подвергаясь сложной процедуре представления доказательств (Уголовная палата Кассационного Суда, решение от 22 июня 1999 года).

31. Правительство в связи с этим утверждает, что состав оскорбления главы государства, содержит больше привилегий в сравнении с обычным составом уголовно-наказуемой диффамации, где недобросовестность предполагается. В рамках оценки вероятного злого умысла судьи рассматривают серьезность и объективность расследования, проводимого журналистами (Парижский апелляционный суд, решение от 13 марта 1998 года), или подкрепленный доказательствами характер утверждений (Парижский апелляционный суд, решение от 2 октября 1997 года). Отсутствие *exceptio veritatis*, которое применяется при рассмотрении дел о клевете, компенсировано, таким образом, по мнению Правительства, либерализмом, проявляемым судьями при определении наличия злого умысла. (Уголовная палата Кассационного Суда, решение от 22 июня 1999 года).

32. Заявители представили суду решения 17-ой палаты (Палаты по делам прессы) парижского Трибунала высшей инстанции, вынесенного по делу, инициированному по заявлениям глав трех африканских стран, президентов Идрисса Деби (Idriss Deby), Омара Бонго (Omar Bongo) и Дениса Сассу Нгуессо (Denis Sassou Nguesso), по поводу их публичного оскорбления как глав иностранных государств, содержащегося в опубликованной издательством “Les Arenes” книге, озаглавленной: “Черное молчание. Кто остановит французскую Африку?” (“Noir Silence. Qui arrêtera la Françafrique?”).

33. Парижский Трибунал высшей инстанции считает, что “состав преступления, установленный статьей 36 Закона о свободе прессы, и ее применение в судебной практике не соответствуют требованиям, предусмотренным статьей 10 Европейской Конвенции” по трем следующим причинам. Во-первых, суд констатировал, что статья 36 устанавливает в пользу глав иностранных государств “исключительный режим уголовного права, прибегающий к чрезвычайно широкому определению инкриминируемого поведения и исключаящий любое обсуждение доказательств истинности приводимых фактов до такой степени, что ученые-теоретики сходятся во мнении, что главы иностранных государств пользуются во Франции защитой, более высокой, чем глава самого французского государства или руководитель французского правительства”.

34. Во-вторых, Суд констатировал, что термин “оскорбление руководителей государства” не определен в законе и соответствует неопределенной, трудно интерпретируемой формулировке. Чтобы обосновать это утверждение, суд напоминает определение, данное судебной практикой, согласно которому под оскорблением понимается “любое выражение оскорбительного или презрительного характера, любое оскорбительное или клеветническое обвинение, которое высказано, как по поводу исполнения служебных

функций, так и по поводу частной жизни, способно затронуть честь, достоинство или личную чувствительность главы иностранного государства”, свидетельствующее, что столь общая формулировка предполагает “широкое поле для субъективных оценок в определении правовой сути нарушения”, что не позволяет журналисту или автору заранее и с достаточной уверенностью определить пределы запрета. Более того, суд посчитал, что различие, которым пытались оперировать ученые-теоретики, между приемлемой критикой, то есть такой, которая направлена на политические действия главы иностранного государства, и оскорблением, достойным осуждения, а именно таким, которое направлено против самой личности главы иностранного государства, доказать затруднительно, как это показали исследования теории права по данному вопросу, утверждающие, что “оскорбление, нанесенное в отношении политических действий, неизбежно затрагивает личность”.

35. В-третьих, Трибунал высшей инстанции посчитал, что уголовная ответственность за это преступление не является "необходимой в демократическом обществе", так как уголовная процедура диффамации, определенная Законом о свободе прессы от 29 июля 1881 года, является достаточным средством защиты для любого главы государства, как и любого другого лица, чья честь или достоинство были умалены или чья личность была оскорблена.

36. И, наконец, основываясь на терминологии статьи 6 Конвенции, суд отметил, что неясный характер термина “оскорбление” не позволяет обеспечить соответствующую защиту в рамках Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года, и тот факт, что такое обвинение лишало обвиняемого права представления доказательств достоверности приведенных фактов, нарушает принцип равенства сторон.

37. Документы не подтверждают, было ли это решение обжаловано, и если так, то, что с ним произошло.

38. 12 марта 2001 года один из членов сената внес законопроект, имеющий целью отменить существующий порядок производства по делам об оскорблении главы иностранного государства. Представленные документы также не позволяют сделать вывод, увенчается ли эта новая инициатива успехом.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

39. Заявители ссылаются на нарушение статьи 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях

предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Аргументы сторон

1. Заявители

40. Заявители придерживаются мнения, что положение статьи 36 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года не может считаться необходимым в демократическом обществе и, следовательно, иметь законную цель, ввиду того, что оно не имеет иной цели, кроме запрета любой критики по отношению к главе государства, даже если эта критика имеет отношение только к проводимой этим главой государства политике, - независимо от того, является ли она правильной или нет. Аргументы Правительства, относящиеся к законности преследуемой цели, позволяют допустить существование настоящей привилегии в пользу глав иностранных правительств, поведение или действия которых в рамках исполнения ими их функций не могут явиться предметом даже малейшей критики, каким бы достойным порицания ни был их характер, так как, по определению, такая критика, посягая на их достоинство и репутацию, была бы оскорбительна. В самом деле, состав преступления имеет место даже в том случае, если высказывания оказались точным, как в данном случае, так как согласно соответствующей правоприменительной практике, защита путем доказывания достоверности высказываний не допустима по делам в рамках ст. 36 вышеуказанного Закона, чтобы не вовлекать лично главу государства в спор, который нанес бы урон тому уважительному отношению, с которым к главе государства подобает относиться в силу его положения. Свободе распространения информации представляющей общественный интерес, статья 36 противопоставляет престиж положения или звания, которому она и отдает предпочтение.

41. Король Марокко мог защитить свое право считаться невиновным и свою репутацию путем возбуждения уголовного преследования за диффамацию; эта процедура позволяет установить баланс между свободой распространения информации и законностью защиты прав других лиц, при этом журналист мог бы избежать любой уголовной ответственности доказав достоверность диффамационных заявлений. Это не возможно в случае с оскорблением главы иностранного государства, так как доказательство достоверности порочащих утверждений не допускается. Перекалывание бремени доказывания добросовестности в рамках уголовного преследования за оскорбление главы иностранного государства не может никоим образом компенсировать лишение права представления доказательств достоверности порочащих сведений, ведь вопрос о добросовестности даже не поднимается, когда доказано соответствие оспариваемых фактов действительности.

42. Кроме того, возражения Правительства, касающиеся того, каким образом журналисты выполнили свои функции, несущественны. Право свободно распространять содержание докладов, составленных публичными властями или по их запросу, не может подвергаться ограничениям, как предлагает Правительство, таких как требование проведения "дополнительных расследований, с целью убедиться в значимости заключений органа, указывающего на нарушения". На это было указано в постановлении по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» («Bladet Tromsø & Stensaas v. Norway») от 20 мая 1999 года ([GC], № 21980/93, CEDH 1999-III). По данному делу Европейская Комиссия

несколько не дезавуировала отчет “OGD”, а тот отчет, что был опубликован, не отличается от первоначального варианта, с чем согласилось Правительство, - просто по требованию Комиссии были изъяты только имена лиц, вовлеченных в торговлю наркотиками, с целью облегчить проведение переговоров, которые собиралась вести Европейская Комиссия с марокканскими властями. Таким образом, эта озабоченность, вполне законная для политического органа, не может диктовать поведение прессе. Позиция, занятая Комиссией, не может оправдывать запрет в адрес прессы разглашать содержание первого варианта этого отчета как вклад в бесспорно законную дискуссию по проблеме.

43. Кроме того, не может вмешательство в свободу выражения мнения не может быть оправдано тем, что в статье не представлены обе стороны спора. Если принять это, то получится, что любая статья, сообщающая какую-либо информацию должна принять вид расследования, излагающего все точки зрения. Таким образом, было бы уже невозможно просто представить детали отчета, исходящего из официального органа. Конечно, необходимость обеспечения наличия противостоящих сторон в дебатах, не может быть отделено от обязанности проверки информации, пределы этой обязанности иные в случае, когда пресса просто информирует общество об отчете официального органа власти, который не был им дезавуирован.

44. Наконец, заявители обратили внимание на то, что согласно правоприменительной практике Суда, полемический тон не является основанием, которые мог бы послужить оправданием вмешательства в свободу информации. В данном деле тон был сдержанным, а спорные статьи не носили сенсационного характера. Для привлечения внимания к публикуемому отчету не использовались крупные заголовки, в тоже время публикация средства массовой информации оставалась сдержанной по тону и не может быть расценена как спорная.

45. Что касается национальной судебной практики, на которую полагалось Правительство в поддержку своих аргументов, то, не смотря на тот факт, что в решениях суда от 2 октября 1997 года и от 13 марта 1998 года говорится, что уголовное преследование за оскорбление главы иностранного государства не препятствует политической критике, тем не менее, подсудимые по этим делам были признаны виновными, в то время как приговор от 27 июня 1995 года относился к поведению главы иностранного государства совершенно не связанному с политической деятельностью.

2. Правительство

46. Правительство не оспаривало, что вмешательство в настоящем деле имело место. Однако, оно придерживается мнения, что вынесенный обвинительный приговор оправдывается существованием некоторых ограничений в реализации права на свободу информации.

47. Во-первых, Правительство подчеркивает, что оспариваемое ограничение было предусмотрено законом, а именно, статьей 36 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года, и преследовало законную цель защиты репутации и прав других лиц. Действительно, инкриминированные статьи прямо ставили под сомнение намерение, объявленное марокканскими властями, и в первую очередь самим королем, бороться с торговлей гашишем за пределы Марокко. Эти статьи, опубликованные в крупнейшей ежедневной национальной газете, имели, таким образом, целью бросить тень на самые высокие

марокканские власти, и в частности на короля, и посягали на его достоинство и репутацию.

48. Во-вторых, Правительство утверждает, что такое вмешательство было “необходимо в демократическом обществе”.

49. Обвинительный приговор был вынесен на основании констатации национальными судебными органами клеветнического характера некоторых утверждений, направленных против короля Марокко. Намерения Апелляционного и Кассационного судов были в действительности наказать заявителей за их злонамеренные нападки и недостаток точности в журналистской работе.

Осуждая заявителей судебные органы установили, что утверждения были оскорбительными и были сделаны недобросовестно. Как Уголовный Суд, так и Апелляционный суд отметили, что данные статьи были направлены непосредственно и лично против короля Марокко - на это было обращено внимание читателей во вступительной статье на первой полосе. Статью делало оскорбительной сомнение, с которым рассматривалось стремление Хассана II положить конец наркобизнесу в его стране и обвинения, наносящие ущерб. Апелляционный суд отметил, что рассматриваемые статьи содержат “обвинение в двуличности, уловках, лицемерии, представляющих собой оскорбление главы иностранного государства”, и что он считает недобросовестность журналистов доказанной. В изложении статей не хватает объективности - проявляя настойчивое желание разоблачить неискренность марокканских властей, они не провели какого-либо дополнительного расследования, чтобы убедиться в том, что выводы OGD были адекватными.

50. Кроме того, Правительство утверждало, что настоящее дело отличается от вышеупомянутого дела «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии». По данному делу заявители представили считавшиеся правдивыми заключения предварительного отчета, составленного в 1994 году частной организацией, имеющей статус “независимого исследовательского центра”, уполномоченного Европейской Комиссией, и представленного таким образом, что у читателей создается впечатление его официального и неопровержимого характера. Затем, Европейская Комиссия опубликовала другую версию отчета, в которой имена близких ко двору марокканских деятелей, предполагаемых защитников торговцев наркотиками, были скрыты, так как эти лица пользовались презумпцией невиновности. Таким образом, документ, описанный в статьях, не соответствует точному официальному окончательному отчету, распространенному Комиссией. Впрочем, довод о непосредственной ответственности марокканских властей за торговлю наркотиками не был ни объективным, ни сбалансированным, так как журналисты не упомянули в своих статьях “белую книгу”, опубликованную марокканскими властями в ответ на отчет “OGD”.

51. Кроме того, нельзя упускать из виду, что честь короля Марокко была, безусловно, затронута, так как посредством печати был возбужден процесс, который никогда не мог бы состояться в суде, поскольку король был публично обвинен в правонарушении и не мог отстаивать свое право считаться невиновным, и что король вправе быть защищенным от такого посягательства на свою репутацию.

52. Король Марокко, затронутый рассматриваемыми публикациями как глава государства, не располагал другими средствами, кроме как обращения к статье 36 Закона о свободе

прессы от 29 июля 1881 года. Это объясняется тем, что Закон о свободе прессы 1881 года содержит несколько форм уголовно-наказуемой диффамации: общий случай клеветы по отношению к частному лицу (статья 32) и несколько особых случаев диффамации - по отношению к государственным организациям (статья 30), органам государственной власти (статья 31), к главе французского государства (статья 26) и к главам иностранных государств (статья 36), - и таким образом положения статьи 36 представляют собой *lex specialis* (специальную норму права) по отношению к статье 32.

53. И, наконец, Правительство подчеркивает незначительность суммы присужденного штрафа.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

54. Суд напоминает следующие фундаментальные принципы, относящиеся к свободе выражения мнения.

55. Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации, прав других лиц и необходимости предотвратить разглашение конфиденциальной информации, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который согласуется с ее обязанностями и ответственностью, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. (судебное решение по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» («De Haes and Gijssels v. Belgium») от 24 февраля 1997 года, Сборник судебных постановлений и решений от 1997-I, стр. 233-234, п. 37). Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их. Если бы это было иначе, пресса не смогла бы играть свою жизненно важную роль “сторожевого пса” общества (см. постановление «Торгер Торгерсон против Исландии» («Thorgeir Thorgeirson v. Island») от 25 июня 1992 года, серия А № 239, стр. 28, п. 63, и вышеупомянутое постановление «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», п. 62).

56. Эти принципы имеют особое значение в том, что касается прессы. Если она не должна переходить границы, установленные, в частности в интересах “защиты репутации других лиц”, ее задача, тем не менее, сообщать информацию и идеи по политическим вопросам, а также по другим вопросам, представляющим общественный интерес. Что касается границ приемлемой критики, то они шире в отношении политического деятеля как такового, чем в отношении частного лица. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут вызвать ответную критику. Он, безусловно, имеет право на защиту своей репутации, даже когда он выступает не как частное лицо; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы свободного обсуждения политических вопросов, с учетом того, что ограничений свободы выражения мнения подлежат узкому толкованию (см., в частности, постановление по делам «Обершлик против Австрии» (№ 1) («Oberschlick v.

Austria» (№ 1)) от 23 мая 1991 года, серия А № 204, стр. 25-26, п.п. 57-59, и "Верайнигунг Демократишер Зольдатен Остеррайхс и Губи против Австрии" «Vereinigung demokratischer Soldaten Osterreichs and Gubi v. Austria» от 19 декабря 1994 года, серия А № 302, стр. 17, п. 37).

57. Более того, "необходимость" какого-либо ограничения права на свободу выражения мнения должна быть убедительно доказана. Конечно, в первую очередь национальным властям надлежит оценивать наличие "насуточной общественной потребности" в ограничении и в этом им предоставлены определенные пределы усмотрения. В делах затрагивающих интересы прессы, как настоящее дело, национальные пределы усмотрения ограничены интересами демократического общества в обеспечении и сохранении свободной прессы. Аналогично, этот интерес будет весить больше при определении баланса, как этого требует п. 2 статьи 10, насколько ограничение пропорционально преследуемой законной цели (см., *mutatis mutandis*, постановления по делам «Гудвин против Соединенного Королевства» («Goodwin v. Great Britain») 27 марта 1996 года, Сборник 1996-II, стр. 500-501, п. 40, и «Ворм против Австрии» («Worm v. Austria») от 29 августа 1997 года, Сборник 1997-V, стр. 1551, п. 47).

58. Осуществляя свою надзорную функцию, Суд не ставит перед собой задачи подменить собою национальные суды, но он обязан проверить на соответствие статье 10 решения, которые они выносят пользуясь представленными пределами усмотрения. Для этого Суд должен рассмотреть спорное вмешательство национальных судов в свете всех обстоятельств дела, чтобы определить, являются ли доводы, приведенные национальными властями для его обоснования, "существенными и достаточными" (см., среди многих других, постановление по делу «Фрессоз и Руар против Франции» («Fressoz & Roire v. France») [GC], № 29183/95, п. 45, CEDH 1999-I).

2. Применение вышеупомянутых принципов в данном деле

59. По данному делу заявители были осуждены за то, что они опубликовали материалы, оскорбляющие главу государства - короля Марокко, поскольку они поставили под сомнение намерение, объявленное марокканскими властями, и в первую очередь королем, бороться против торговли гашишем с марокканской территории.

60. Приговор, бесспорно, рассматривается как вмешательство в осуществление заявителями их права на свободу выражения мнения.

61. Вопрос состоит в том, может ли подобное вмешательство быть оправдано с точки зрения п. 2 статьи 10. Необходимо определить, было ли это вмешательство "предусмотрено законом", преследовало ли оно "законную цель" и было ли оно "необходимым в демократическом обществе" (постановление «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, серия А № 103, стр. 24-25, п.п. 34-37).

62. Суд констатирует, что компетентные французские судебные органы основывались на статье 36 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года и что мотивировки решений преследовали, как это указывает Правительство, законную цель: защитить репутацию и права других лиц, в данном случае короля Марокко.

63. Суд должен, между тем, проверить, насколько это законное вмешательство было оправдано и необходимо в демократическом обществе и, в частности, было ли оно

пропорционально и являются ли доводы, предоставленные национальными властями в их защиту, существенными и достаточными. Таким образом, важно определить, правильно ли национальные власти использовали свою свободу действий должным образом при признании заявителей виновными в оскорблении главы иностранного государства.

64. Суд отмечает, что у французского общества был законный интерес быть информированным об оценке, данной Европейской Комиссией по такой проблеме, как производство и торговля наркотиками в Марокко - стране, которая представила свою кандидатуру на вступление в Европейский Союз и которая при любом положении дел поддерживает тесные отношения со странами - членами сообщества, в особенности с Францией.

65. Суд напоминает, что по принципу "обязанностей и ответственности", являющихся неотъемлемой частью права на свободу выражения мнения, гарантия, которую статья 10 предоставляет журналистам относительно распространения информации по вопросам, имеющим общественное значение, подчинена условию, в связи с которым журналисты действуют добросовестно с тем, чтобы представить точную и достойную доверия информацию, в соответствии с нормами профессиональной этики (вышеупомянутое постановление «Гудвин против Соединенного Королевства», стр. 500, п. 39, и вышеупомянутое постановление «Фрессоз и Руар против Франции», п. 54). В отличие от Апелляционного и Кассационного судов, Суд считает, что в данном деле отчет "OGD" не был оспорен в том, что касается его содержания, и поэтому может законно рассматриваться как заслуживающий доверие в том, что касается спорных утверждений. По мнению Суда, пресса в норме должна иметь право, в ситуациях, когда она вносит свой вклад в общественную дискуссию по вопросам, представляющим законный интерес, полагаться на содержание официальных отчетов, не предпринимая независимых расследований. В противном случае, печать не будет в состоянии выполнять необходимую роль "сторожевого пса" (см., *mutatis mutandis*, вышеупомянутое постановление по делу «Гудвин против Соединенного Королевства», стр. 500, п. 39). Таким образом, Суд считает, что "Le Monde" оправданно могла опереться на отчет "OGD", не проверяя самостоятельно точность фактов, которые в нем содержались. Суд не имеет никакого основания сомневаться в том, что заявители действовали в этом отношении добросовестно и считает, таким образом, что доводы, приведенные национальными судебными органами, не убедительны.

66. Кроме того, Суд подчеркивает, что в данном деле заявители были осуждены, так как опубликованная статья посягала на репутацию и на права короля Марокко. Суд отмечает, что в отличие от уголовной процедуры по клевете, инкриминирование публичного оскорбления не позволяет заявителям использовать *exceptio veritatis*, то есть доказывать достоверность своих утверждений для того, чтобы быть освобожденными от уголовной ответственности. Отсутствие возможности доказывать достоверность являлось мерой, которая переходила пределы, необходимые для защиты репутации и прав граждан, даже тогда, когда этот человек является главой государства или правительства.

67. К тому же Суд констатирует, что с момента вынесения постановления парижским Трибуналом высшей инстанции от 25 апреля 2001 года национальные судебные органы склонны признавать, что деликт, определенный статьей 36 Закон о свободе прессы от 29 июля 1881 года, и его применение в судебной практике представляет собой ущемление права на свободу выражения мнения, установленную в статье 10 Конвенции. Таким

образом, национальные власти, похоже, сами допускают, что такой деликт не является необходимой мерой в демократическом обществе, чтобы устанавливать уголовную ответственность за подобные деяния для достижения указанных целей, в особенности, когда такие составы как уголовная диффамация и личное оскорбление - пропорциональные преследуемой цели, - достаточно эффективны для равной защиты как главы государства, так и обычного человека от высказываний, порочащих их честь и достоинство или являющихся оскорбительными.

68. Суд констатирует, что уголовное преследование по статье 36 Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 года тяготеет к тому, чтобы придать главам государства привилегированный статус, ограждая их от критики только ввиду их положения или статуса, не обращая внимания на то, обоснована критика или нет. Суд считает, что это означает предоставление главам иностранных государств чрезмерной привилегии, которая несовместима с практикой и современными политическими концепциями. Каким бы очевидным не был интерес для любого государства поддерживать дружеские и доверительные отношения с руководителями других государств, эта привилегия является чрезмерной по отношению к тому, что необходимо для достижения такой цели.

69. Суд отмечает, привлечение к уголовной ответственности за оскорбление главы иностранного государства, приводит к сдерживанию свободы выражения мнения в отсутствие какой бы то ни было “насушной общественной потребности”, способной оправдать это ограничение. Нарушением права на свободу выражения мнения является наличие специальной защиты, которой наделены главы иностранных государств статьей 36, а не их право воспользоваться стандартной процедурой, доступной всем для обжалования посягательств на их честь и достоинство или оскорбительных заявлений высказанных в их адрес.

70. В качестве резюме: причины, на которых полагалось государство-ответчик являются достаточными, чтобы продемонстрировать, что оспариваемое вмешательство было “необходимым в демократическом обществе”. Несмотря на расхождение с национальными властями в оценке, Суд считает, что не существовало справедливого и пропорционального соотношения между ограничениями, наложенными на свободу выражения мнения заявителей, и преследуемой законной целью. Суд считает, что в этом деле имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

71. В соответствии со статьей 41 Конвенции,

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

72. Заявители требуют 10 000 французских франков (FRF), выплаченных по приговору суда в качестве штрафа господами Коломбани и Инсиану, 10 001 FRF в виде компенсации, выплаченной королю Марокко, и 6 870 FRF в виде расходов на публикацию приговора в

газете “Le Monde”, что в общей сложности составляет 26 871 FRF, то есть 4 096,46 евро (EUR).

73. Правительство считает, что простая констатация факта нарушения представила бы сама по себе достаточно справедливое удовлетворение. Оно подчеркивает, что сумма, которую надо было выплатить королю Марокко, была установлена в размере 1 FRF, и что сумма в 10 000 FRF была назначена на основании статьи 475-1 Уголовно-процессуального кодекса. Заявители не смогли бы поставить под сомнение исполнение приговора, являющегося окончательным, и заставить государство возратить суммы, выплаченные королю Марокко или его адвокату.

74. Суд напоминает, что согласно его правоприменительной практике, выплаченная в качестве возмещения ущерба сумма покрывается только в том случае, если причинная связь между нарушением Конвенции и понесенным ущербом установлена. Таким образом, в данном деле, могут быть приняты в расчет суммы, которые заявители были обязаны уплатить своим оппонентам на основе судебных постановлений.

75. В результате, сумма, которую надлежит выплатить заявителям, будет равняться 4,096.46 EUR.

В. Судебные издержки

76. Заявители требуют 1 600 FRF в виде прямых судебных издержек по процедуре, закончившихся постановлением Парижского Апелляционного суда, 54 270 FRF оплаты услуг адвоката за помощь в судах первой и второй инстанции, рассматривавших дело по существу, и 42 210 FRF оплаты услуг адвоката в Кассационном суде, что составляет общую сумму в 14 952,20 EUR. По процедуре Суда, заявители требуют 60 000 FRF в качестве оплаты услуг адвоката, плюс 25 000 FRF в качестве расходов, на случай, если будут назначены слушания в Суде.

77. Правительство подчеркивает, что заявители не представили никакого обоснования своих требований, в частности, по отношению к внутренним судебным процедурам. Кроме того, Суд отказал заявителям в просьбе провести публичные слушания по данному делу.

78. Суд напоминает, что Заявитель может получить компенсацию своих судебных издержек только в случае, если их реальность, необходимость, размеры выплачиваемых ставок и их разумный характер установлен. По данному делу относительно расходов и гонораров, потребовавшихся для национальных процедур, Суд признает их разумными и присуждает выплатить их полностью. Однако Суд полагает необходимым уменьшить гонорар по процедуре Суда, и определяет его равным 6 900 EUR.

С. Мораторная процентная ставка

79. Согласно информации, которой располагает Суд, применимая установленная законом процентная ставка во Франции на день принятия настоящего постановления составляет 4,26 % годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

(a) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех последующих месяцев, начиная со дня, когда данное постановление окончательно вступит в силу в соответствии с п. 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:

1. 4 096,46 EUR (четыре тысячи девяносто шесть евро и сорок шесть центов) в качестве возмещения материального ущерба;

2. 21 852,20 EUR (двадцать одну тысячу восемьсот пятьдесят два евро и двадцать центов) в качестве возмещения судебных издержек;

3. любую сумму, которая будет требоваться к выплате в качестве налога на вышеупомянутые суммы;

(b) все эти суммы увеличить на простую процентную ставку в 4,26 % годовых, начиная с истечения указанного срока и вплоть до выплаты;

3. *Отклоняет*: остальные требования по справедливому удовлетворению.

Совершено на французском языке, исполнено письменно 25 июня 2002 года во исполнение п.п. 2 и 3 статьи 77 Регламента.

А. Б. Бака
С. Долле

Председатель
Секретарь Суда

© Перевод Института проблем информационного права (г. Москва)

© Перевод с англ. Г. Ю. Арапова

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ЛИНГЕНС ПРОТИВ АВСТРИИ"
(Lingens v. Austria)**

(жалоба № 9815/82)

Постановление Суда

Страсбург, 8 июля 1986 года

Тема: диффамация

Подтема: уголовно-наказуемая диффамация

Критерий: значимость свободы выражения мнения

Санкция: штраф

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); единогласно

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Австрия

Вмешательство: Заявитель был привлечен к уголовной ответственности за клевету в отношении политического деятеля, на него был наложен денежный штраф.

Факты:

Заявитель, г-н Лингенс, журналист и редактор венского журнала "Профиль" (Profil), опубликовал две статьи, в которых обсуждалось участие австрийцев в преступлениях, совершенных во время Второй Мировой войны. Статьи появились после всеобщих выборов, и ожидалось, что канцлеру Австрии, покидающему свой пост, придется объединиться с партией г-на П., чтобы сохранить власть. Однако, через очень короткое время после выборов появились разоблачения в отношении нацистского прошлого г-на П. Уходящий в отставку канцлер выступил в защиту г-на П. против лица, выступившего в его адрес с резкой критикой, чьи действия он назвал "мафиозными методами". В статье заявитель резко критиковал покидающего свой пост канцлера за защиту бывших нацистов, используя выражения "низкопробный оппортунизм", "аморальный" и "недостойный", чтобы охарактеризовать его позицию. После этого уходящий в отставку канцлер выдвинул частное обвинение в диффамации против г-на Лингенса, и Венский Окружной Суд, решив, что канцлер критиковался как частное лицо, оштрафовал заявителя на 20,000 шиллингов. После подачи апелляции штраф был уменьшен до 15,000 шиллингов.

Решено:

Наложение штрафа явилось вмешательством в право на свободу выражения мнения, которое было "предписано законом" и "преследовало законную цель защиты репутации или прав других лиц"; вопрос заключался в том, насколько оно было "необходимо в демократическом обществе".

Важность свободы выражения мнения

Суд подчеркнул важность свободы выражения мнения в демократическом обществе:

«[С]вобода выражения мнения ... составляет одну из важнейших опор демократического общества и одно из главных условий его прогресса. Являясь предметом для ограничений, установленных в п. 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». (п. 41, ссылка опущена)

Это особенно важно в отношении прессы:

«Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные в том числе для "защиты репутации других лиц", тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их» (п. 41, ссылки опущены).

Пресса играет важную роль в политических дискуссиях

Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

«Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости. Нет сомнений, что п. 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т. е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам» (п. 42).

Необходимость в демократическом обществе

При рассмотрении вопроса о том, было ли ограничение "необходимым" в том смысле, что отвечало "насущной социальной потребности", Суд подчеркнул:

«Государствам-участникам предоставлены определенные пределы усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность (там же), но в то же время это идет рука об руку с европейским надзором за законодательством и практикой его применения, включая решения, вынесенные независимыми судами.<...> Таким образом, Европейский Суд

уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, насколько “ограничение” или “санкция” совместимы со свободой выражения мнения ...» (п. 39, ссылки опущены).

Далее, он постановил:

«Осуществляя свою надзорную юрисдикцию, Европейский Суд не может ограничиваться рассмотрением исключительно оспариваемых судебных решений; он обязан изучить их в свете всего дела в целом, включая спорные статьи и контекст, в которых они были написаны. Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, “соразмерным преследуемой законной цели”, и являются ли доводы, выдвинутые австрийскими судами в его обоснование, “относимыми и достаточными” (п. 40, ссылки опущены).

Суд отметил, что заявитель использовал оспариваемые выражения в адрес позиции канцлера как политического деятеля в отношении положения бывших нацистов в австрийском обществе. Следовательно, заявитель критиковал канцлера как публичную фигуру, а не как частное лицо.

Суд также отметил, что факты, на которых заявитель основывал свои статьи, были бесспорны; заявитель был оштрафован за использование им крепких выражений, при характеристике позиции уходящего в отставку канцлера. В отношении подобных дел Суд придерживался следующего:

«Следует проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов можно доказать, тогда, как справедливость оценочных суждений не может быть доказана ... В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции» (п. 46).

Следовательно, штраф, наложенный на заявителя, не был необходим в демократическом обществе и явился нарушением права на свободу выражения мнения, что повлекло нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО «ЛИНГЕНС ПРОТИВ АВСТРИИ»¹**(Lingens v. Austria)**

(жалоба № 9815/82)

Постановление Суда
Страсбург, 8 июля 1986 года

По делу “Лингенс против Австрии” Европейский суд по правам человека, принимая свое постановление на пленарном заседании в соответствии со 50 Регламента Суда, в составе следующих судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н В. Гансгоф ван дер Меерш,
г-н Дж. Кремона,
г-н Ж. Виарда,
г-н Тор Вильямсон,
г-жа Д. Биндшедлер-Роберт,
г-н Г. Лагергрэн,
г-н Ф. Гелькюкю,
г-н Ф. Матшер,
г-н Ж. Пинейро Фаринья,
г-н Л. –Э. Петтити,
г-н Б. Уолш,
сэр Винсент Эванс,
г-н Р. Макдональд,
г-н К. Руссо,
г-н Р. Бернхардт,
г-н Ё. Герсинг,
г-н А. Шпильман, *судьи*,

а также г-н М.–А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 27 ноября 1985 года и 23-24 июня 1986 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 13 декабря 1984 года и Федеральным правительством

¹ Дело зарегистрировано под номером 12/1984/84/131. Первое число означает номер дела в списке дел, переданных в Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают на номер дела в списке дел, переданных в Суд с момента его основания и номер в списке соответствующих жалоб, поданных в Комиссию.

Республики Австрия (“Правительством”) 28 января 1985 года, в течение трехмесячного срока, предусмотренного п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”). Оно возникло из жалобы (№ 9815/82) против Австрии, поданной в Комиссию 19 апреля 1982 г. австрийским подданным г-ном Петером Михаэлем Лингенсом, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Австрия признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Обращение Правительства основывалось на статье 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда, г-н Лингенс сообщил о своем намерении принять участие в разбирательстве дела в Суде и назначил адвоката для представления его в этом разбирательстве (статья 30 Регламента).

3. В состав Палаты из семи судей, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Ф. Матшер как избранный судья австрийской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Ж. Виарда как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). 23 января 1985 года в присутствии секретаря Председатель путем вытягивания жребия назначил остальных 5 членов Палаты, а именно: г-жу Д. Биндшедлер-Роберт, г-на Г. Лагергрена, сэра Винсента Эванса, г-на Р. Бернхардта и г-на Ё. Герсинга (конец статьи 43 Конвенции и сторонами памятных записок (статья 37 п. 1 Регламента); постановил 4 июля, что устное разбирательство должно начаться 25 ноября 1985 года (правило 38 Регламента). 30 января Председатель Суда дал адвокату заявителя разрешение использовать во время слушаний немецкий язык (статья 27 п. 3 Регламента).

5. 4 мая 1985 года “Институт международной прессы” (ИПИ), действуя через правозащитную организацию “Интерайтс”, испросил разрешение подать письменные соображения согласно статье 37 п. 2 Регламента. Шестого июля Председатель Суда дал такое разрешение, оговорив его рядом условий.

После продления первоначально предоставленного срока подачи, указанные соображения поступили в канцелярию Суда 1 октября 1985 года.

6. 25 сентября 1985 года Палата в соответствии со статьей 50 Регламента решила немедленно уступить юрисдикцию в пользу пленарного заседания Суда.

В письме, поступившем в канцелярию 13 ноября, заявитель представил свои претензии согласно статье 50 Конвенции.

7. Слушание дела, проводившееся под руководством г-на Риссдала, который 30 мая 1985 года стал Председателем Суда, проходило публично во Дворце прав человека в Страсбурге 25 ноября 1985 года. Незадолго до начала самого слушания Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н Х. Тюрк, юрисконсульт Министерства иностранных дел, Агент,
г-н В. Окресек, Федеральная канцелярия,
г-н Г. Фельзенштайн, Министерство юстиции, Советники;

(b) со стороны Комиссии

г-н Х. Г. Шермерс, Представитель;

(c) со стороны заявителя

г-н В. Массер, Адвокат,

Суд выслушал выступления г-на Тюрка и г-на Окресека со стороны Правительства, г-на Шермерса со стороны Комиссии и г-на Массера и самого г-на Лингенса со стороны заявителя, а также их ответы на заданные им вопросы.

6 декабря 1985 года и 17 марта 1986 года г-н Массер, во исполнение запроса Председателя Суда, представил в канцелярию ряд документов с изложением деталей требований заявителя о справедливой компенсации. Правительство представило свой ответ на указанные документы 18 марта 1986 года.

ФАКТЫ

8. Г-н Лингенс, австрийский журналист, родился в 1931 года. Он проживает в Вене и является редактором журнала “Профиль”.

I. Статьи заявителя и их предыстория

9. Девятого октября 1975 года, за четыре дня до всеобщих выборов в Австрии, в ходе телевизионного интервью глава центра еврейской документации г-н Симон Визенталь обвинил председателя Либеральной партии Австрии г-на Фридриха Петера в том, что тот во время Второй мировой войны служил в первой пехотной бригаде СС. Это подразделение получило печальную известность массовыми убийствами мирных жителей на оккупированной немцами советской территории. Г-н Петер не отрицал своей принадлежности к указанной бригаде, но заявил, что сам он никогда не участвовал ни в одном из совершенных ей зверских поступков. Вслед за этим г-н Визенталь сказал, что он и не утверждал ничего подобного.

10. На следующий день во время телевизионного интервью г-на Бруно Крайского, бывшего в то время федеральным канцлером и председателем Социалистической партии Австрии, попросили рассказать, что он думает об этих обвинениях.

Перед самым интервью г-н Крайский встретился с г-ном Петером в Федеральной канцелярии. Их встреча носила характер обычной консультации, которые проводятся руководителями партий с целью формирования нового правительства; она вызвала большой общественный резонанс, потому что перед выборами 5 октября подробно обсуждалась возможность создания коалиционного правительства Крайского-Петера.

Во время интервью г-н Крайский исключил возможность создания такой коалиции, так как его партия получила на выборах абсолютное большинство голосов. Тем не менее, он

решительно поддержал г-на Петера и назвал организацию г-на Визенталя “политической мафией”, а ее деятельность - “мафиозными методами”. Похожие высказывания появились на следующий день в одной венской ежедневной газете, которой он дал интервью.

11. В сложившейся ситуации заявитель опубликовал две статьи в венском журнале “Профиль”.

12. Первая из них вышла в свет 14 октября 1975 года под заголовком “Дело Петера”. В ней описывались вышеуказанные события и, в первую очередь, деятельность первой пехотной бригады СС. В статье акцентировалось внимание на роль г-на Петера в начатом в Граце (и впоследствии прекращенном) уголовном преследовании лиц, воевавших в этой бригаде. Далее делался вывод, что хотя г-н Петер, безусловно, имеет право на пользование презумпцией невиновности, тем не менее, его прошлое не позволяет ему заниматься политикой в Австрии. Вслед за этим заявитель подверг критике позицию г-на Крайского, которого он обвинил в защите по политическим причинам г-на Петера и других бывших членов СС. Относительно критических нападок в адрес г-на Визенталя со стороны г-на Крайского, он написал: «Если бы они прозвучали из уст кого-либо еще, их можно было бы назвать низкопробным оппортунизмом». Затем он добавил, что в данных обстоятельствах ситуация представляется еще более запутанной, так как г-н Крайский верит в то, о чем говорит.

13. Вторая статья, опубликованная 21 октября 1975 года, была озаглавлена «Примирение с нацистами, но каким образом?» Она занимала несколько журнальных страниц и была разделена на введение и 6 разделов: «Все еще или Уже», «Мы все невиновны», «Была ли необходимость в расстреле беззащитных людей?», «Почему этот вопрос до сих пор обсуждают?», «Гельбих и Петер» и «Политическая безграмотность».

14. Во введении г-н Лингенс напомнил факты и подчеркнул влияние высказываний г-на Крайского на общественное мнение. Он подверг его критике не только за то, что он поддерживает г-на Петера, но и за его примирительное отношение к бывшим нацистам, которые в последнее время стали принимать все более активное участие в австрийской политике.

15. В разделе «Все еще или Уже» заявитель признал, что нельзя выступать против подобного отношения с позиций «реалистической политики». По его словам, «прошло время, когда по электоральным соображениям требовалось учитывать интересы не только нацистов, но и их жертв ... первые из них пережили последних...». Тем не менее, Австрия, породившая Гитлера, Эйхманна и множество других военных преступников, так и не смогла примириться со своим прошлым; она его просто игнорирует. Это рискованная политика, которая может привести к тому, что страна окажется в руках нового фашистского движения.

Что касается бывшего в то время федеральным канцлером г-на Крайского, он добавил: «В действительности, поведение г-на Крайского нельзя критиковать с рациональных позиций. Его можно осуждать только с иррациональной точки зрения: оно аморально и недостойно». Кроме того, оно было ненужным, так как австрийцы могут свыкнуться со своим прошлым, не прибегая к заигрыванию с бывшими нацистами, замалчиванию проблемы концентрационных лагерей или к антисемитским нападкам в адрес г-на Визенталя.

Удивительным во всем этом было не то, что об этих вещах «все еще» говорят по прошествии тридцати лет, а то, что так много людей «уже» смогло закрыть глаза на существование гор трупов.

В заключение, г-н Лингенс осудил бестактность поведения г-на Крайского по отношению к жертвам нацизма.

16. Во втором разделе статьи исследуется отношение австрийского общества в целом к нацистским преступлениям и бывшим нацистам. По мнению автора, укрываясь за философским выбором между коллективной виной и коллективной невиновностью, австрийцы стараются не замечать реальной и видимой вины.

После долгого разбора различных типов ответственности, он подчеркивает, что и в то время была возможность делать выбор между добром и злом, и приводит примеры лиц, которые отказались сотрудничать с нацистским режимом. Он делает вывод, что «если бы Bruno Крайский использовал свою личную репутацию для показа этой другой и лучшей Австрии столь же энергично, как он защищал г-на Петера, он бы дал своей стране - спустя тридцать лет - то, что ей более всего необходимо для того, чтобы примириться со своим прошлым: большую уверенность в самой себе».

17. В третьем и четвертом разделах (которые вкуче занимали треть всей статьи) обсуждалась необходимость преодолеть сознание коллективной вины и рассмотреть вопрос установления реальной виновности.

Под заголовком «Была ли необходимость в расстреле незащищенных людей?», г-н Лингенс проводит различие между специальными подразделениями и регулярными частями армий Третьего Рейха. Он обращает внимание на то, что в специальные подразделения никого не забирали насильно: в них служили на добровольной основе.

В следующем разделе он подчеркивает разницу между виновными в совершении уголовных преступлений и теми, кого с моральной точки зрения следует считать их сообщниками; он утверждает, что если бы Австрия осудила своих нацистов раньше и быстрее, она могла бы сейчас спокойнее, без комплексов и с большей уверенностью относиться к своему прошлому. Далее он приводит причины, по которым этого не произошло, и защищает г-на Визенталя от обвинений в принадлежности к «мафии». В конце раздела, он рассматривает возможность проявления милосердия по прошествии стольких лет и заключает: «Каждое общество имеет право на проявление милосердия, но это не должно выливаться в такие нездоровые формы обращения с законом, когда оправдываются явные убийцы и умалчивается, скрывается или отрицается очевидная вина».

18. В пятом разделе статьи г-на Лингенса дело Петера сравнивается с другим делом, имеющим скорее экономический характер и касающимся г-на Гельбиха, одного из лидеров Австрийской народной партии. Автор сравнивает реакцию г-на Крайского на каждое из этих дел. Он утверждает, что обстоятельства первого дела не позволяют г-ну Петеру заниматься политикой и занимать посты в парламенте или правительстве, добавляя при этом: «Это минимальное требование политической этики». «Чудовищным», с точки зрения заявителя, является вовсе не то, что г-н Визенталь обратил внимание на наличие данной проблемы, а то, что г-н Крайский стремится ее замолчать.

19. Заключительный раздел статьи был посвящен критике политических партий в целом из-за наличия бывших нацистов в числе их лидеров. Заявитель полагает, что г-н Петер обязан уйти в отставку, - не ради признания своей вины, а чтобы доказать, что у него есть то, чего нет и в помине у г-на Крайского - тактичность.

II. Выдвинутые г-ном Крайским частные обвинения

20. 29 октября и 12 ноября 1975 года бывший в ту пору федеральным канцлером г-н Крайский выдвинул против г-на Лингенса два частных обвинения. Он утверждал, что отдельные места в вышеуказанных статьях носят клеветнический характер, и ссылался на статью 111 Австрийского Уголовного Кодекса, в которой говорится:

"1. Каждый, кто обвиняет другое лицо в достойных презрения личных качествах либо намерениях, в бесчестном или аморальном поведении, что вызывает презрение или иначе умаляет его в глазах общественности, так, что это становится очевидно третьему лицу, наказывается лишением свободы сроком до шести месяцев или денежным штрафом.

2. Каждый, совершивший данное преступление путем опубликования или посредством теле- или радиовещания, или иным способом так, что порочащие сведения стали доступны широкому кругу общественности, наказывается лишением свободы сроком не более одного года или денежным штрафом...

3. Лицо, высказавшее данное утверждение, освобождается от ответственности в случае, если доказано соответствие действительности сказанного им. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч.1 настоящей статьи, также освобождается от ответственности, если установлено, что он имел веские причины полагать, что данное утверждение соответствует действительности».

В соответствии со статьей 112:

"доказательства достоверности фактов и добросовестности не будут приемлемыми, если только лицо, сделавшее утверждение не сошлется в свое оправдание на правдивость своего утверждения или свою добросовестность..."

A. Первый этап судебного разбирательства

1. Решение Окружного суда Вены

21. 26 марта 1979 года Окружной суд Вены признал г-на Лингенса виновным в диффамации (статья 111 п. 2 Уголовного Кодекса) за использование выражений "низкопробный оппортунизм", "аморальный" и "недостойный". В то же время он посчитал, что некоторые другие выражения не являются диффамационными в данном контексте ("минимальное требование политической этики", "чудовищный"). Суд приговорил заявителя к штрафу в 20 000 шиллингов, посчитав смягчающими обстоятельствами то, что обвиняемый намеревался подвергнуть политической критике

политических деятелей по политическим вопросам, и то, что от политиков можно ожидать большей терпимости по отношению к диффамации, чем от простых людей. Принимая во внимание добросовестность заявителя, Суд не присудил г-ну Крайскому возмещение убытков, но, по его ходатайству, приказал провести конфискацию обжалуемых статей и опубликовать решение Суда в журнале "Профиль".

22. В своем решении, содержащем длинную мотивировочную часть, Окружной суд Вены сначала исследует вопрос объективно диффамационного характера каждого из мест статьи, на которые жаловался г-н Крайский. Он пришел к заключению, что выражения "низкопробный оппортунизм", "аморальный" и "недостойный" являются диффамационными и прямо или косвенно нацелены лично на г-на Крайского, в то время как выражения "минимальное требование политической этики" и "чудовищный" не выходят за принятые рамки политической критики.

По мнению г-на Лингенса, первые три выражения представляют собой оценочные суждения и как таковые не противоречат статье 111 Уголовного Кодекса. Окружной суд, однако, посчитал, что неблагоприятные выводы относительно поведения бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского подпадают под сферу применения указанного положения. Ответчик не может также ссылаться на право свободно выражать свое мнение, так как соответствующие положения Конституции и статьи 10 Конвенции разрешают ограничение этого права в целях нахождения баланса между данным правом и правом на уважение частной жизни и защиту репутации. В настоящем деле заявитель переступил допустимые границы.

23. Что касается выдвинутого г-ном Крайским частного обвинения, Окружной Суд указал, что он был подвергнут критике не в качестве федерального канцлера, а как один из руководителей его партии и как политический деятель. Поэтому статья 117 п. 2 Уголовного Кодекса неприменима к настоящему делу: она предусматривает наказание за диффамацию должностного лица, но исключительно посредством публичного обвинения, выдвинутого с согласия заинтересованного лица, которое может начать частное преследование только в том случае, если отказываются действовать органы уголовного преследования.

24. Затем Окружной Суд рассмотрел вопрос доказательства достоверности высказывания (см. п. 20 выше). Он посчитал, что поскольку заявитель не представил свидетельств в оправдание выражения "низкопробный оппортунизм", этого вполне достаточно, чтобы признать его виновным.

Что же касается слов "аморальный" и "недостойный", обвиняемый употребил их в отношении позиции г-на Крайского, выражающейся в преуменьшении нацистских зверств, обзывании деятельности г-на Визенталя мафиозной и намеках на то, что г-н Визенталь сотрудничал с гестапо. По этому последнему пункту, Окружной Суд принял представленное г-ном Лингенсом свидетельство в виде судебного решения, в котором виновным в диффамации был признан журналист, сделавший аналогичное заявление.

Поскольку г-н Крайский говорил о "мафиозных методах" и "мафии", Окружной Суд указал, что эти выражения обычно относятся к организованной форме преступного поведения, но иногда используются и в другом смысле. Даже если не принимать аргумент, выдвинутый частным обвинителем, его представление о "мафии" имеет право на существование и достойно рассмотрения. Бремя доказывания достоверности своих

утверждений лежит не на обвинителе, а на г-не Лингенсе. Сам г-н Визенталь признает, что для достижения различных своих целей он опирается на организацию с многочисленными разветвлениями. Кроме того, утверждения бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского (см. п. 10 выше) следует воспринимать в контексте политической борьбы между политическими оппонентами, каждый из которых использует то оружие, которое имеется в его распоряжении. С этой точки зрения, они свидетельствуют не об отсутствии нравственных принципов или достоинства, а представляют собой возможную защиту, и в этом нет ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

По правде говоря, отношение г-на Крайского к жертвам и пособникам нацистов далеко не очевидно или однозначно; оно проявилось в форме, допускающей различные заключения. Поэтому у ответчика не имеется логической возможности доказать, что его истолкование этого отношения является единственно возможным.

2. Жалоба в Апелляционный суд Вены

25. Как г-н Крайский, так и г-н Лингенс обжаловали это решение в Апелляционном суде Вены. 30 ноября 1979 года Апелляционный суд, не производя расследования по существу дела, отменил указанное решение на том основании, что Окружной суд не сумел достаточно тщательно изучить вопрос о том, имел ли бывший в то время федеральным канцлером г-н Крайский право выдвигать частное обвинение несмотря на положения статьи 117 Уголовного Кодекса (см. п. 23 выше).

В. Второй этап судебного разбирательства

1. Решение Окружного суда Вены

26. Окружной суд Вены, на рассмотрение которого Апелляционный суд вернул дело, вынес решение 1 апреля 1981 года.

После исследования обстоятельств, окружающих заявления бывшего в ту пору федеральным канцлером г-на Крайского, Суд пришел к заключению, что он подвергся критике не как высшее должностное лицо, а в качестве главы партии и частного лица, почувствовавшего себя обязанным выступить в защиту третьей стороны. Отсюда следовало, что он имеет право выдвигать частное обвинение.

В отношении юридического определения действий, вмененных в вину г-ну Лингенсу, Окружной суд подтвердил свое решение от 26 марта 1979 года.

Что касается защиты путем предъявления оправдывающих обстоятельств, Суд вновь отметил, что обвиняемый не представил никаких фактов в доказательство истинности выражения "низкопробный оппортунизм". Что же касается выражений "аморальный" и "недостойный", представленное им свидетельство относится только к утверждениям о сотрудничестве г-на Визенталья с нацистами. Они, однако, не относятся к делу, так как г-н Крайский высказал их после публикации статей, о которых идет речь.

Поскольку эти выражения относились к поведению и позиции федерального канцлера по другим вопросам, Окружной суд оставил без изменения свое предыдущее заключение. Он

посчитал, что критика со стороны г-на Лингенса выходит далеко за рамки вопроса атак г-на Крайского на г-на Визенталя.

То обстоятельство, что г-н Крайский мог подвергнуть заявителя судебному преследованию, но не мог сам подвергнуться преследованию за диффамацию со стороны г-на Визенталя, обусловлено существующими законами о парламентской неприкосновенности. Обязанность доказывания истинности своих утверждений также основывается на законе, и задача упрощения такого доказывания лежит не на судах, а на органах законодательной власти. Окружной суд не может нести ответственность за недостаток терпимости и сутяжнический характер отдельных политических деятелей.

Поэтому Суд вынес такой же приговор, как и в первоначальном своем решении (см. п. 21 выше).

2. Жалоба в Апелляционный суд Вены

27. Обе стороны вновь обжаловали это решение в Апелляционном суде Вены, который вынес свое решение 29 октября 1981 года. Он уменьшил наложенный на заявителя штраф до 15 000 шиллингов, однако подтвердил решение Окружного суда во всех других отношениях.

28. Г-н Крайский поставил под сомнение то утверждение, что к частной и политической жизни должны применяться различные критерии. По его мнению, в вопросах защиты собственной репутации должен существовать единый подход как в отношении политических деятелей, так и в отношении частных лиц.

Апелляционный суд, однако, указал, что статья 111 Уголовного Кодекса применяется исключительно к защите репутации лиц в их социальной среде. В случае политических деятелей, такой средой является общественное мнение. В то же время, опыт показывает, что частое использование оскорблений в политических дискуссиях (обычно под прикрытием парламентской неприкосновенности) создало впечатление, что утверждения в этой области нельзя оценивать по тем же самым критериям, как утверждения, относящиеся к частной жизни. Поэтому политические деятели должны проявлять большую терпимость. Как правило, произносимые в политическом споре критические высказывания не оказывают влияния на репутацию человека, если только они не касаются его частной жизни. В настоящем деле последнее положение не относится к выражениям "минимальное требование политической этики" и "чудовищный". Таким образом, апелляционная жалоба г-на Крайского отклоняется.

29. Затем Апелляционный суд обратился к основаниям апелляционной жалобы г-на Лингенса и, прежде всего, изучил доказательство, принятое первой инстанцией, с тем чтобы определить, в каком качестве г-н Крайский подвергся воздействию критических замечаний в его адрес. Суд также пришел к заключению, что он подвергся критике как в качестве руководителя партии, так и в качестве частного лица.

Выражение "низкопробный оппортунизм" подразумевает, что лицо, в адрес которого оно употребляется, действует в определенных целях, полностью игнорируя всякие моральные нормы. Это само по себе является нападением на репутацию г-на Крайского.

Использование слов "если бы они прозвучали из уст кого-либо еще" (см. п. 12 выше) нельзя рассматривать как аннулирование критического высказывания. Поскольку ответчик не преуспел в доказывании истинности этого высказывания, суд первой инстанции справедливо признал его виновным в правонарушении.

По мнению заявителя, выражения "аморальный" и "недостойный" являлись его персональным суждением о поведении, которое не оспаривается, - суждением, сделанным в осуществление его свободы слова, гарантированной статьей 10 Конвенции. Апелляционный суд не принял этот аргумент; он указал, что австрийское законодательство не дает гражданам неограниченного права формулировать оценочные суждения, и что статья 10 разрешает установленные в законодательном порядке ограничения для защиты, в числе прочего, репутации других лиц. Кроме того, задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю. Если сам журналист выражает какое-то мнение, оно должно оставаться в рамках, установленных уголовным законодательством для защиты доброго имени граждан. Это, однако, не относится к настоящему делу. Бремя доказывания правдивости своих высказываний лежало на г-не Лингенсе; он не смог отделить своих неблагоприятных оценочных суждений от фактов, на которых они основывались. Поскольку сам г-н Крайский был убежден, что г-н Визенталь использовал "мафиозные методы", его нельзя обвинять в том, что он действовал безнравственно или недостойно.

30. Решение Апелляционного суда было опубликовано в журнале "Профиль" 22 февраля 1982 года, как того требовало дополнительное наказание, наложенное на г-на Лингенса и его издателя.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

31. В своем обращении в Комиссию (№ 9815/82) от 19 апреля 1982 года г-н Лингенс обжаловал осуждение его за диффамацию в печати (статья 111 п. 2 Уголовного кодекса).

32. 5 октября 1983 года Комиссия объявила жалобу приемлемой. В своем докладе от 11 октября 1983 года (статья 31), Комиссия единогласно выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10. Полный текст выводов Комиссии приведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

33. На слушании 25 ноября 1985 года Правительство просило Суд «признать, что в настоящем деле не имело место нарушение положений статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека», а заявитель просил принять решение в его пользу.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

34. Согласно статье 10 Конвенции:

"1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и

распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Г-н Лингенс утверждал, что оспариваемые решения суда нарушали его право на свободу слова до такой степени, которая несовместима с основополагающими принципами демократического общества.

К такому же выводу пришла и Комиссия. С другой стороны, Правительство утверждало, что оспариваемое наказание было необходимым для защиты репутации г-на Крайского.

35. Никем не оспаривалось, что имело место “вмешательство со стороны государственных органов” в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения. Это выразилось в осуждении заявителя за диффамацию Окружным судом Вены 1 апреля 1981 года, приговор которого был подтвержден Апелляционным судом Вены 29 октября 1981 года (см. п. 26 и 27 выше).

Подобное вмешательство противоречит Конвенции, если оно не удовлетворяет требованиям п. 2 статьи 10. Таким образом, Суду предстоит определить, было ли вмешательство “предусмотрено законом”, преследовало ли оно цель или цели, признанные правомерными в соответствии с п. 2 статьи 10, и было ли оно “необходимым в демократическом обществе” для достижения этих целей (см. в качестве недавнего прецедента постановление по делу «Бартольд против Федеративной Республики Германии» («Barthold v. FRG») от 25 марта 1985 года, Серия А, т. 90, стр. 21, п. 43).

36. Относительно первых двух вопросов Суд согласен с Правительством и Комиссией, что оспариваемый обвинительный приговор, несомненно, основывается на статье 111 Уголовного Кодекса Австрии (см. п. 21 выше); более того, он направлен на защиту “репутации или прав других лиц”, и нет оснований полагать, что у него имеется какая-либо иная цель (см. статью 18 Конвенции). Таким образом, приговор был вынесен по основаниям, “предусмотренным законом”, и имел правомерную цель в соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции.

37. В своих аргументах Комиссия, Правительство и заявитель сосредоточились на вопросе, было ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе” для достижения вышеупомянутой цели.

Заявитель ссылаясь на свою роль журналиста, пишущего на политические темы в плюралистическом обществе; в этом качестве он считал своим долгим выразить свой взгляд на резкую критику г-на Визенталя со стороны г-на Крайского. Он так же, как и

Комиссия, полагал, что политик, который привык нападать на своих оппонентов, должен ожидать более жесткой критики в свой адрес, чем другие люди.

Правительство утверждало, что свобода слова не должна препятствовать национальным судам принимать по своему усмотрению решения, необходимые для того, чтобы не допустить превращения политической дискуссии в обмен личными оскорблениями. Утверждалось, что некоторые выражения, использованные г-ном Лингенсом (см. п. 12 и 15 выше), выходят за рамки допустимого. Более того, поскольку заявитель мог ознакомить общественность со своими взглядами без какой-либо предварительной цензуры, то наложенное на него впоследствии наказание не было непропорциональным преследуемой законной цели.

Правительство настаивало, что в данном случае имел место конфликт между двумя гарантированными Конвенцией правами — свободой выражения мнения (статья 10) и правом на уважение частной жизни (статья 8). Весьма широкое толкование, данное Комиссией первому из этих прав, говорилось далее, было сделано без достаточного учета необходимости защитить второе право.

38. По этому последнему вопросу Суд отмечает, что слова, которые ставились в вину г-ну Лингенсу, относятся к некоторым публичным обвинениям в адрес г-на Визенталю со стороны г-на Крайского (см. п. 10 выше) и к отношению последнего в качестве политического деятеля к национал-социализму и бывшим нацистам (см. п. 14 выше). Соответственно, здесь нет необходимости в толковании статьи 10 в свете статьи 8.

39. Наречие “необходимо” в смысле статьи 10 п. 2 подразумевает наличие “наущной общественной потребности” (см. вышеупомянутое постановление по делу «Бартольд против ФРГ». Серия А, т. 90, стр. 24—25, п. 55). Государствам-участникам предоставлены определенные пределы усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность (там же), но в то же время это идет рука об руку с европейским надзором за законодательством и практикой его применения, включая решения, вынесенные независимыми судами (см. постановление по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» («The Sunday Times v. The United Kingdom») от 26 апреля 1979 года, Серия А, т. 30, стр. 36, п. 59). Таким образом, Европейский Суд уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, насколько “ограничение” или “санкция” совместимы со свободой выражения мнения, в том виде, как она защищается статьей 10 (там же).

40. Осуществляя свою надзорную юрисдикцию, Европейский Суд не может ограничиваться рассмотрением исключительно оспариваемых судебных решений; он обязан изучить их в свете всего дела в целом, включая спорные статьи и контекст, в которых они были написаны (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Хендисайд против Соединенного Королевства» («Handyside v. The United Kingdom») от 7 декабря 1976 года, Серия А, т. 24, стр. 23, п. 50). Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, “соразмерным преследуемой законной цели”, и являются ли доводы, выдвинутые австрийскими судами в его обоснование, “относимыми и достаточными” (см. вышеупомянутое постановление по делу «Бартольд против ФРГ», Серия А, т. 90, стр. 25, п. 55).

41. В этой связи Суд вынужден напомнить, что свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества и одно из основополагающих условий его прогресса и самореализации каждого его члена. Являясь предметом для ограничений, установленных в

пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см. упомянутое выше постановление по делу «Хендисайд против Соединенного Королевства», Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49).

Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные в том числе для “защиты репутации других лиц”, тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше постановление по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» Серия А, т. 30, стр. 40, п. 65). В этой связи Суд не может принять высказанного в решении суда второй инстанции Вены мнения о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю (см. п. 29).

42. Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости. Нет сомнений, что п. 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т. е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам.

43. Заявитель был осужден, потому что в двух статьях, опубликованных в венском журнале “Профиль” 14 и 21 октября 1975 года, он использовал некоторые выражения (“низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный”) в отношении г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером (см. п. 12-19 выше). В статьях рассматривались политические проблемы, вызвавшие в Австрии большой общественный интерес и повлекшие за собой оживленную дискуссию по поводу отношения австрийцев в целом - и их канцлера, в частности - к национал-социализму и участию бывших нацистов в управлении страной. Содержание и тон этих статей были в общем достаточно сбалансированы, но использование ранее упомянутых выражений выглядело как нечто, способное повредить репутации г-на Крайского.

Однако, поскольку дело касалось г-на Крайского как политика, следует принять во внимание тот фон, на котором появились эти публикации. Это произошло вскоре после всеобщих выборов в октябре 1975 года. Многие австрийцы полагали, что партия г-на Крайского в итоге этих выборов утратит абсолютное большинство и, чтобы остаться у власти, вынуждена будет вступить в коалицию с партией г-на Петера. После выборов г-н

Визенталь опубликовал серию разоблачений о нацистском прошлом г-на Петера, и тогда канцлер выступил в защиту г-на Петера и обрушился с нападками на его обвинителя, деятельность которого он назвал “мафиозными методами”, что в свою очередь вызвало столь резкую реакцию со стороны г-на Лингенса (см. п. 9 и 10 выше).

Таким образом, инкриминируемые выражения следует рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; как отметил в своем решении от 26 марта 1979 г. Окружной суд Вены (см. п. 24 выше), в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении; и в этом не было ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

При оценке в свете Конвенции наложенного на заявителя наказания и причин, по которым его вынесли внутренние суды, эти обстоятельства нельзя упускать из виду.

44. Апелляционный суд Вены, приговорив г-на Лингенса к штрафу, отдал приказ о конфискации соответствующих номеров журнала “Профиль” и о публикации в этом издании судебного решения.

Спорные статьи, как указало Правительство, в то время уже получили широкое хождение, так что хотя наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выражать свое мнение, тем не менее, оно было равносильным своего рода порицанию, которое, вероятно, могло отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем. Представитель Комиссии справедливо отметил это обстоятельство. В контексте политической дискуссии подобный приговор может, по всей видимости, отвратить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, может помешать прессе выполнять свою задачу поставщика информации и «сторожевого пса» общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу «Бартольд против ФРГ», Серия А, т. 90, стр. 26, п. 58).

45. Австрийские суды сосредоточились прежде всего на выяснении вопроса, являются ли фразы, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными. Они определили, что некоторые из использованных выражений и в самом деле носят порочащий характер: “низкопробный оппортунизм”, “аморальный”, “недостойный” (см. п. 21 выше).

В своей жалобе заявитель утверждал, что замечания, о которых идет речь, представляли собой оценочные суждения, сделанные им в осуществление своего права на свободу выражения мнения (см. п. 22 и 29 выше). Суд, как и Комиссия, разделяет эту точку зрения. Критические выпады заявителя были фактически направлены против позиции, занятой г-ном Крайским, бывшим в ту пору федеральным канцлером. Предметом спора было не право заявителя распространять информацию, а его свобода выражения мнений и его право распространять идеи; тем не менее, установленные в п. 2 статьи 10 ограничения были применены.

46. Соответствующие суды постарались затем определить, удалось ли заявителю доказать истинность своих заявлений; это делалось во исполнение статьи 113 п. 3 Уголовного Кодекса (см. п. 20 выше). По мнению судов, имеются различные способы оценки поведения г-на Крайского и логическим путем невозможно доказать, что одно толкование является настолько правильным, что оно исключает возможность всех других; в результате они признали заявителя виновным в диффамации (см. п. 24, 26 и 29 выше).

С точки зрения Суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Суд отмечает в этой связи, что факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестность, никто не оспаривал (см. п. 21 выше).

Согласно статье 111 п. 3 Уголовного Кодекса, рассматриваемой в сочетании с п. 2 той же статьи, журналисты в подобных случаях могут избежать осуждения за совершение действий, перечисленных в п. 1, только в том случае, если они сумеют доказать истинность своих утверждений (см. п. 20 выше).

В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

Окружной суд Вены отметил, что распределение бремени доказывания определено законом и только закон может изменить его (решение от 1 апреля 1981 года; см. п. 26 выше). Однако Суд полагает, что в его обязанность не входит конкретизировать, какой именно орган государственной власти несет ответственность за нарушение Конвенции; речь идет о международной ответственности государства как такового (см., среди прочих, постановление по делу Циммермана и Штейнера (Zimmermann and Steiner) от 13 июля 1983 года, Серия А, т. 66, стр. 13, п. 32).

47. Из вышесказанного видно, что вмешательство в осуществление свободы выражения мнения г-ном Лингенсом не было “необходимым в демократическом обществе... для защиты репутации ... других лиц”; оно было непропорциональным преследуемой законной цели. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50 Конвенции

48. Согласно статье 50 Конвенции:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то постановлением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

49. В письме, полученном судебной канцелярией 18 ноября 1985 года, заявитель настаивал на получении справедливого возмещения в денежном выражении. Во время слушаний 25 ноября Правительство, хотя оно и оспаривало наличие нарушения, согласилось с некоторыми пунктами требований, но пожелало получить дальнейшие уточнения в отношении других пунктов. Г-н Лингенс представил их 6 декабря 1985 года и 17 марта 1986 года, а Правительство ответило на них 18 марта. Комиссия представила свои комментарии 22 апреля 1986 года.

Вопрос, таким образом, готов для решения (п. 1 статьи 53 Регламента Суда).

50. Заявитель требовал, во-первых, возвращения 15 000 шиллингов штрафа и 30 600 шиллингов судебных издержек, отнесенных на его счет Апелляционным судом Вены (см. п. 27 выше). Он действительно имеет право на возмещение указанных сумм по причине их непосредственной связи с решением, которое Суд считает противоречащим свободе слова (см. *mutatis mutandis* постановление по делу Минелли (Minelli) от 25 марта 1983 года, Серия А т. 62, стр. 21, п. 47). Более того, Правительство не возражало против этого.

51. В возмещение расходов, понесенных в результате дополнительного наказания в виде обязанности опубликовать судебное решение в журнале “Профиль” (см. п. 30 выше, в сочетании с п. 21), заявитель потребовал 40 860 шиллингов, исходя из действовавших в то время расценок.

Правительство утверждало, что эта сумма включает в себя, во-первых, упущенную выгоду, а во-вторых, фактические финансовые издержки; оно придерживалось той точки зрения, что только последние должны приниматься в расчет в целях статьи 50.

Суд не может строить предположения относительно размера дохода, который г-н Лингенс мог бы получить, если бы в журнале на месте судебного решения, опубликованного 29 октября 1981 года, были бы размещены платные объявления. Но это не исключает того, что заявитель мог понести некоторый ущерб от упущенных возможностей, что должно быть принято во внимание. Бесспорно также существование издержек, понесенных в связи с опубликованием судебного решения, о котором идет речь.

Эти расходы не могут быть рассчитаны точно. Оценивая их в целом на справедливой основе, Суд присуждает г-ну Лингенсу 25 000 шиллингов по этому основанию.

52. Заявитель далее потребовал 54938,60 шиллинга за издержки и расходы, затраченные на его защиту в Окружном и Апелляционном судах. Это требование заслуживает рассмотрения, так как судебные разбирательства в них были направлены на предотвращение или восстановление нарушения права, установленного настоящим Судом (см. вышеупомянутое постановление по делу Минелли (Minelli). Серия А, т. 62, стр. 20, п. 45). Более того, испрашиваемая сумма представляется обоснованной и должна быть присуждена заявителю.

53. Относительно издержек и расходов, понесенных в ходе рассмотрения дела в учреждениях Конвенции, г-н Лингенс - который не получал судебной помощи в этой связи - первоначально оценил их в 197033,20 шиллинга. Правительство оспорило как сумму, которую оно посчитало чрезмерной, так и способ ее исчисления. В последующем адвокат заявителя представил счет на 189305,60 шиллинга.

Суд вновь подчеркивает, что в этом отношении он не связан внутренними ставками или критериями, на которые ссылаются Правительство и заявитель в обоснование своих позиций; он принимает решение по своему усмотрению, исходя из своих представлений о справедливости (см., среди прочих постановление по делу Эккля (Eckle) от 21 июня 1983 года, Серия А, т. 65, стр. 15, п. 35). В данном случае никем не оспаривалось, что расходы были фактически произведены и необходимы; единственный спорный вопрос, насколько они были оправданны в денежном исчислении. Суд разделяет сделанные Правительством оговорки и считает целесообразным присудить заявителю 130 000 шиллингов в возмещение расходов, о которых идет речь.

54. И наконец, г-н Лингенс потребовал 29 000 шиллингов в возмещение расходов на поездки и проживание во время рассмотрения дела в Комиссии, а потом в Суде.

Заявители могут предстать перед Комиссией лично (п. 3 статьи 26 Регламента), и именно это произошло в настоящем случае. Хотя они не могут выступать в качестве стороны в Суде, они тем не менее вправе, на основании статьи 30 и п. 3 (d) статьи 33 Регламента Суда, участвовать на определенных условиях в судебном разбирательстве. Более того, их присутствие в зале суда является несомненным плюсом: оно позволяет Суду уточнить на месте их точку зрения по касающимся их вопросам (статьи 39 и 44 Регламента Суда — см. постановление по делу «Кёниг против Германии» («Konig v. Germany») от 10 марта 1980 года, Серия А, т. 36, стр. 19, п. 26). Не представляется необоснованной и сумма, испрашиваемая в этой связи г-ном Лингенсом.

55. Общая сумма, присуждаемая г-ну Лингенсу на основании статьи 50 Конвенции, составляет 284538,60 шиллинга.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил*, что Республика Австрия должна выплатить заявителю 284538,60 шиллинга (двести восемьдесят четыре тысячи пятьсот тридцать восемь шиллингов и шестьдесят грошей) в качестве “справедливого возмещения”.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 8 июля 1986 года.

Ролф Риссдал
Джонатан Л. Шарп

Председатель
Заместитель Секретаря
Руководитель отдела секретариата

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 53 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается особое мнение г-на Тора Вильямсона.

Совпадающее мнение судьи Тора Вильямсона

По этому делу я присоединился к выводу моих коллег о нарушении статьи 10 Конвенции, но сделал это с некоторым колебанием. Хотел бы прокомментировать основания, изложенные в настоящем постановлении.

В первом абзаце п. 29 говорится, что Апелляционный суд Вены установил, что г-н Лингенс критиковал г-на Крайского в его обоих качествах: и как партийного лидера, и как частное лицо (подчеркнуто мной). Имея это в виду, мне трудно согласиться с последней частью п. 38 постановления. Хотя вместе с другими судьями я согласен, что в данном

случае следует применять и толковать именно статью 10 Конвенции. Однако это должно быть сделано учетом права на уважение личной жизни, о чем говорит статья 8 Конвенции. Это один из факторов, имеющих отношение к решению вопроса о том, была ли свобода слова в данном случае подвергнута ограничениям и санкциям, которые необходимы в демократическом обществе для защиты репутации других лиц. Содержание последующих пунктов показывает, что фактически это право было учтено, когда Суд взвешивал значимость соответствующих доводов. Как сказано выше, я согласен с выводом, изложенным в п. 47, и с постановляющей частью судебного постановления.

© Перевод Института проблем информационного права (г. Москва)

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ОБЕРШЛИК ПРОТИВ АВСТРИИ"
(Oberschlick v. Austria)**

(жалоба № 11662/85)

Постановление Суда

Страсбург, 23 мая 1991 года

Тема: диффамация

Подтема: диффамация в отношении публичной фигуры (общественного деятеля)

Критерий: важность свободы выражения мнения, необходимость в демократическом обществе

Санкция: денежный штраф/тюремное заключение

Решение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); шестнадцать голосов против трех

Юрисдикция: Европейский Суд по правам человека: Австрия

Вмешательство: Заявитель (журналист и редактор национального журнала), был осужден за клевету в отношении политического деятеля.

Факты:

Заявитель и ряд других лиц обратились с жалобой в отношении политического деятеля, который предложил увеличить на 50% семейные пособия женщинам, имеющим австрийское гражданство, - с тем, чтобы у них не возникало оснований прибегать к абортам по финансовым причинам, - и, наоборот, уменьшить на 50% размер таких пособий для женщин-иммигранток.

Заявитель опубликовал содержание жалобы в журнале, редактором которого он был, сравнивая выдвигаемое политиком предложение с нацистскими методами. Данный политический деятель в частном порядке возбудил уголовное дело о диффамации (клевете), а Окружной Суд, заключив, что заявитель не смог ни подтвердить достоверность своих высказываний, ни обосновать их, приговорил его к штрафу в размере 5,000 шиллингов или тюремному заключению сроком 25 дней.

Решено:

Осуждение заявителя явилось вмешательством в право заявителя на свободу выражения мнения. Вмешательство было "предписано законом" и преследовало "законную цель защиты репутации или прав других лиц". Вопрос заключался в том, насколько оно было "необходимо в демократическом обществе".

Важность свободы выражения мнения

Суд сначала напомнил общие принципы:

«[С]вобода слова в том виде, как она гарантирована п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества, одно из основополагающих условий для прогресса и самореализации каждого его члена. Являясь предметом для ограничений, установленных в пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества»

Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные в том числе и для "защиты репутации других лиц", тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим всеобщий интерес.

«Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. Это подчеркивается формулировкой статьи 10, где специально упоминается право населения на получение идей и информации. В общем и целом свобода политической дискуссии составляет сердцевину концепции демократического общества, которая красной нитью проходит через всю Конвенцию». (п. 58, ссылка опущена)

«Пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости, особенно когда он сам делает публичные заявления, которые способны вызвать критику.

Политик, конечно, имеет право на защиту своей репутации, даже когда он выступает не в личном качестве, но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам» (п. 59, ссылка опущена).

Необходимость в демократическом обществе

Суд указал на то, что оспариваемая публикация внесла свой вклад в общественную дискуссию по политическому вопросу существенной важности. Вопрос о различном обращении в социальной сфере с гражданами страны коренной национальности и иммигрантами поднял значительную дискуссию не только в Австрии, но и в других европейских странах. Более того, суд подчеркнул, что не смотря на то, что публикация заявителя носила провокационный характер, она появилась в ответ на предложение, сделанное политиком, которое само по себе было весьма шокирующим. В этом контексте, политик должен был ожидать сильной ответной реакции:

«Политик, который позволяет себе выражаться подобным образом, подвергает себя риску резкой реакции со стороны журналистов и общественности» (п. 61).

Суд напомнил, что оспариваемая публикация начиналась с воспроизведения заявлений политика. Далее следовал анализ его утверждений, на основе чего автор сделал вывод, что этот политик осознанно выразил идеи соответствующие тем, которым придерживались нацисты.

Суд указал на то, что:

«Последнюю часть сообщения только как оценочное суждение, выражающее мнение авторов по поводу предложения, сделанного этим политиком. В основу этого мнения было положено сопоставление указанного предложения с отрывками из Манифеста национал-социалистической партии» (п. 63).

Следовательно, заявитель опубликовал суждения о фактах, которые соответствовали действительности по поводу которых он высказал свои оценочные суждения. В свете важности поднятого вопроса, нельзя признать, что заявитель преступил границ свободы выражения мнения.

Имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

ДЕЛО «ОБЕРШЛИК ПРОТИВ АВСТРИИ»**(Oberschlick v. Austria)**

(жалоба № 11662/85)

Постановление суда
Страсбург, 23 мая 1991 года

По делу “Обершлик против Австрии” Европейский суд по правам человека, принимая свое постановление на пленарном заседании в соответствии со статьей 51 Регламента Суда, в составе следующих судей:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Дж. Кремона,
г-н Тор Вильямсон,
г-жа Д. Биндшедлер-Роберт,
г-н Ф. Гёлькюклю,
г-н Ф. Матшер,
г-н Л. - Э. Петтити,
г-н Б. Уолш,
сэр Винсент Эванс,
г-н Р. Макдональд,
г-н К. Руссо,
г-н Р. Бернхардт,
г-н А. Шпильман,
г-н Ж. Де Мейер,
г-н З. К. Мартенс,
г-жа Е. Палм,
г-н И. Фойгель,
г-н А. Н. Лоизу,
г-н Ж. М. Моренила, *судьи*,

а также г-н М. –А. Эйссен, *Секретарь Суда*, и г-н Г. Петцольд, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 22 ноября 1990 года как Палата, а 23 января и 25 апреля 1991 года на пленарном заседании закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 16 февраля 1990 года, в течение трехмесячного срока, предусмотренного п. 1 статьей 32 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”). Оно возникло из жалобы (№11662/85) против

Республики Австрия, поданной в Комиссию в июне 1985 года австрийским подданным г-ном Герхардом Обершликом, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Австрия признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 6 п. 1 и статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) статьи 33 Регламента Суда, заявитель сообщил о своем намерении принять участие в разбирательстве дела в Суде и просил разрешить ему самому давать объяснения по делу (статья 30 Регламента). 24 апреля 1990 года Председатель Суда дал ему такое разрешение, обусловив его тем, что заявитель воспользуется помощью австрийского юриста (второе предложение п. 1 статьи 30 Регламента). Тогда же он разрешил заявителю использовать на слушаниях немецкий язык (п. 3 статьи 27 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Ф. Матшер как избранный судья австрийской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (п. 3 (b) статьи 21 Регламента). 26 марта 1990 года в присутствии секретаря Суда Председатель путем вытягивания жребия назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Тора Вильямсона, г-жу Д. Биндшедлер-Роберт, г-на г-н Ж. Пинейро Фаринья, сэра Винсента Эванса, г-на Н. Валтикоса, г-на З. К. Мартенса и г-на И. Фойгеля (конец статьи 43 Конвенции и п. 4 статьи 21 Регламента).

4. Г-н Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (п. 5 статьи 21 Регламента) и, действуя через секретаря, провел с агентом Австрийского правительства ("Правительством"), представителем Комиссии и заявителем консультации по вопросу о необходимости письменного судопроизводства (п. 1 статьи 37 Регламента). По получении соответствующих предписаний Председателя, Правительство и заявитель подали секретарю свои меморандумы 29 июня и 3 июля 1990 года, соответственно.

В письме от 19 июля 1990 года секретарь Комиссии уведомил секретаря суда, что представитель Комиссии представит свои соображения во время слушаний. Впоследствии он передал секретарю Суда ряд документов, которые тот запросил у него по поручению Председателя.

5. Проведя через секретаря Суда консультации с участниками предстоящих судебных слушаний, Председатель Суда своим постановлением от 14 июня 1990 года назначил устное разбирательство дела на 19 ноября 1990 года (статья 38 Регламента).

6. Слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге в назначенный день. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н В. Окресек, Федеральная канцелярия, Агент,

г-н Ф. Хауг, Федеральное министерство иностранных дел,
г-н С. Беннер, Федеральное министерство юстиции, Советники;

(b) со стороны Комиссии

г-н Л. Лукаидес, Представитель;

(c) со стороны заявителя

г-н Х. Треттер, Помощник.

7. Суд заслушал их выступления, а также ответы на заданные им вопросы. Во время слушания Правительство и заявитель подали ряд документов; последний также представил дополнительные замечания по поводу применения статьи 50 Конвенции. Вслед за этим Правительству было предложено ответить на эти замечания, что оно и сделало 21 января 1991 года. После окончания судебного производства, канцелярия получила 4 февраля 1991 года ряд замечаний заявителя, которые были отклонены в соответствии со вторым абзацем п. 1 статьи 37 Регламента.

8. 22 ноября 1990 года Палата уступила юрисдикцию в пользу пленарного заседания Суда (статья 51 Регламента).

9. Принимая во внимание согласие Правительства и мнения Комиссии и заявителя, Суд 23 января 1991 года решил приступить к вынесению приговора без проведения дальнейших слушаний (статья 26 Регламента).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

10. Г-н Обершлик, австрийский журналист, проживающий в Вене, был в ту пору главным редактором журнала "Форум".

A. Основные факты

11. 29 марта 1983 года, в ходе избирательной кампании по выборам Национального Собрания - нижней палаты австрийского Парламента - в телевизионной передаче было сообщено, что г-н Вальтер Грабхер-Мейер, Генеральный секретарь одной из политических партий, входящих в правящую коалицию - Либеральной партии Австрии - предложил увеличить на 50 % семейные пособия женщинам, имеющим австрийское гражданство, с тем, чтобы у них не возникало оснований прибегать к абортам по финансовым причинам, и, наоборот, уменьшить наполовину размер таких пособий для женщин-иммигранток. При этом он ссылаясь на пример других европейских стран, где якобы существуют подобные дискриминационные меры в отношении семей иммигрантов.

12. 20 апреля 1983 года заявитель и ряд других лиц обратились в прокуратуру с требованием привлечь г-на Грабхер-Мейера к уголовной ответственности. Однако венская прокуратура решила 1 июня 1983 года не возбуждать уголовного дела в отношении г-на Грабхер-Мейера.

13. Одновременно с обращением в прокуратуру заявитель опубликовал в журнале “Форум” его полный текст. На обложке журнала были помещены заголовки главных статей, в том числе такой: “Жалоба на Генерального секретаря Либеральной партии по поводу совершения им уголовного преступления”. На странице 9 журнала была размещена следующая статья:

*“ЖАЛОБА ПО ПОВОДУ СОВЕРШЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ВАЛЬТЕРОМ ГРАБХЕР-МЕЙЕРОМ*

*Дата рождения неизвестна, род занятий: Генеральный секретарь,
Либеральная партия Австрии, Федеральный главный офис,
Кэрнтнерштрассе, 28, 1010 Вена*

ПО ПОДОЗРЕНИЮ В

*подстрекательстве к разжиганию национальной розни, в нарушение статьи
283 Уголовного кодекса,*

*подстрекательстве к совершению уголовных преступлений и одобрении
уголовных преступлений, в нарушение статьи 282 Уголовного кодекса, и*

*преступной деятельности в смысле разделов 3 и 3d Конституционного
закона о запрете Национал-социалистской партии (“Закон о запрете
НСДАП”) от 8 мая 1945 года (“StGBI.” № 13).*

ФАКТЫ

*“Генеральный секретарь Либеральной партии г-н Вальтер Грабхер-Мейер
предложил сегодня увеличить семейные пособия австрийским женщинам на
50 %. Цель предложенной меры — удержать австрийских женщин от
проведения аборт по финансовым причинам. В то же самое время г-н
Вальтер Грабхер-Мейер потребовал уменьшить наполовину семейные
пособия, которые Австрийское государство предоставляет матерям из
семей рабочих-иммигрантов. Грабхер-Мейер утверждал, что в других
европейских странах семьи рабочих-иммигрантов также поставлены в
менее благоприятные условия”*

ORF.

*Австрийская радиовещательная корпорация,
Телевизионные программы 1 и 2
«Последние известия» 29.3.1983.*

Пункт 1:

*Публичное заявление г-на Вальтера Грабхер-Мейера является
оскорбительным для человеческого достоинства и направлено против группы
лиц, определяемых по их принадлежности к народу, этнической группе или*

государству; в данном случае, по тому факту, что у них нет австрийского гражданства.

Противопоставление австрийских женщин, финансовое положение которых предлагается улучшить, чтобы у них не возникало потребности в проведении абортов по финансовым причинам, и матерей из семейств рабочих-иммигрантов, по отношению к которым не только не предполагается принять аналогичных мер, но, напротив, согласно предложению Вальтера Грабхер-Мейера, планируется вдвое уменьшить семейные пособия (пособия, размер которых, по мнению самого г-на Грабхер-Мейера, недостаточно высок, чтобы у женщин не возникало потребности прибегать к абортам по финансовым причинам), создает впечатление, - к которому, по всей видимости, и стремился г-н Вальтер Грабхер-Мейер, - что матери из семейств рабочих-иммигрантов и их еще не рожденные дети - худший, бесполезный или менее ценный сектор населения в целом, и что для австрийского народа будет лучше, если такие матери будут делать аборты.

Таким образом, Вальтер Грабхер-Мейер представил рабочих-иммигрантов не заслуживающими или недостойными уважения со стороны окружающих их людей; авторы настоящей жалобы считают это тенденциозным подстрекательством к разжиганию национальной розни и оскорблению рабочих-иммигрантов в Австрии, возражают против этого и передают данную жалобу на рассмотрение соответствующих органов.

Пункт 2:

Вальтер Грабхер-Мейер публично предлагает — и тем самым, в частности, призывает Австрийский парламент и Федеральное правительство принять — меры, которые составляют содержание преступной деятельности в смысле разделов 3 и 3d Закона о запрете НСДАП (см. ниже).

Пункт 3:

Согласно разделу 3 Закона о запрете НСДАП, запрещается деятельность любого вида от имени НСДАП (Национал-социалистской германской рабочей партии) или ее целей, даже если деятельность такого рода проводится вне этой организации.

В Разделе 3d Закона о запрете НСДАП говорится, что "лицо, которое публично или в присутствии нескольких человек ... побуждает, подстрекает или пытается склонить к поведению, запрещенному разделом 1 или разделом 3, в частности, лицо, которое с этой целью прославляет или расхваливает цели, органы или действия НСДАП, наказывается, если только не будет выявлено более серьезного правонарушения, тюремным заключением сроком от 10 до 20 лет и конфискацией всего его имущества".

Авторы настоящей жалобы ссылаются в этой связи на 25 пунктов Манифеста НСДАП от 24 февраля 1920 года. Они указывают, что до принятия Временным Правительством Закона о запрете НСДАП от 8 мая

1945 года, этот манифест оставался единственной партийной программой НСДАП, и поэтому в нем в наиболее полной форме содержатся цели программы этой партии. В частности, в нем говорится:

“5. Лицо, не имеющее немецкой национальности, может проживать в Германии только в качестве гостя и обязано подчиняться законодательству об иностранцах.

7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя ответственность в первую очередь предоставлять возможности получения работы и средств к существованию своим гражданам. Если оно не в состоянии прокормить все население государства, граждане иностранных национальностей должны быть высланы с территории Рейха.

8. Всякая дальнейшая иммиграция граждан ненемецкой национальности должна быть прекращена. Мы требуем, чтобы все граждане ненемецкой национальности, иммигрировавшие в Германию после 2 августа 1914 г., были вынуждены немедленно покинуть территорию Рейха”.

Культивация враждебного отношения к гражданам других национальностей (негражданам) и создание для них менее благоприятных условий, с тем чтобы максимально затруднить им проживание в Рейхе и вынудить их покинуть страну, были важнейшими целями НСДАП и ее политики.

Предложение Вальтера Грабхер-Мейера увеличить семейные пособия австрийским женищинам на 50 %, чтобы удержать их от проведения аборт по финансовым причинам, и в то же время вдвое уменьшить семейные пособия матерям из семей рабочих-иммигрантов, является циничным средством изгнания иностранных граждан из Австрийской республики и принуждает остающихся в Австрии женищин к проведению аборт. Соответствуя в полной мере философии и целям НСДАП, согласно которым “государство должно взять на себя ответственность в первую очередь предоставлять возможности получения работы и средств к существованию своим гражданам”, эти предложения направлены в том числе на улучшение жизненных условий граждан (австрийских матерей) за счет ухудшения условий существования рабочих-иммигрантов и, в то же самое время, на предотвращение притока новых иммигрантов в Австрию (см. выше, пункты 7 и 8 программы НСДАП).

Отсюда явствует, что Вальтер Грабхер-Мейер предпринял действия, которые соответствуют целям НСДАП: предложив применить в Австрии меры, которые НСДАП осуществляла против граждан других национальностей, он тем самым расхваливал действия и цели этой партии. В том, что касается точности данных заявлений, авторы настоящей жалобы полагаются на свои собственные утверждения, сценарные тексты программ последних известий на 1-ом и 2-ом каналах телевизионной компании “ORF” за 29 марта 1983 года, а также манифест НСДАП от 24 февраля 1920 года.

По указанным причинам мы подаем жалобу по поводу совершения уголовного преступления Вальтером Грабхер-Мейером и т.д.

(Подпись):

Герхард Обершлик"

В. Частное обвинение против заявителя

1. Первый этап судебного разбирательства

14. 22 апреля 1983 года г-н Грабхер-Мейер выдвинул частное обвинение в диффамации (статья 111 Уголовного кодекса - см. п. 25 ниже) против заявителя и других лиц, подписавших жалобу по поводу совершения уголовного преступления. Он также потребовал немедленного ареста тиража номера журнала "Форум", в котором была напечатана вышеуказанная жалоба (статьи 33 и 36 Закона о средствах массовой информации) и компенсации от владельцев этого журнала (статья 6 Закона о средствах массовой информации - см. п. 26 ниже).

15. Отделение по надзору за производством дознаний и следствий Земельного уголовного суда Вены ("Земельный суд") приняло в тот же день решение прекратить дело на основании статьи 485 п. 1 (4) Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 28 ниже). Оно посчитало, что опубликованный материал не может служить основанием для уголовного преследования по статье 111 Уголовного кодекса, поскольку речь идет не о незаконной атрибуции определенного (непорядочного) поведения, а лишь об оценочных суждениях по поводу поведения, которое само по себе было описано правильно.

16. На основании апелляционной жалобы г-на Грабхер-Мейера, Апелляционный суд Вены (Высший земельный суд), составленный из председательствующего г-на Кортеллы, г-на Шмидта и г-на Хагена, отменил вышеупомянутое решение 31 мая 1983 года. Он посчитал, что у среднего читателя публикации могло сложиться представление, что поведение г-на Грабхер-Мейера подлежит уголовному преследованию. Авторы публикации пренебрегли нормами добросовестной журналистики, когда вместо критического сравнительного анализа заявлений г-на Грабхер-Мейера они приписали ему мотивы, которых он сам не выражал. В частности, они утверждали, что он якобы руководствуется в своем поведении национал-социалистскими взглядами.

Соответственно, дело было возвращено в Земельный суд на новое рассмотрение.

2. Второй этап судебного разбирательства

(а) В Земельном суде

17. 20 июля 1983 года Земельный суд отделил дело о диффамации в отношении других лиц, подписавших жалобу по поводу совершения уголовного преступления, от основного дела в отношении г-на Обершлика, и направил его на рассмотрение в Участковый уголовный суд Вены, на том основании, что эти лица не имеют отношения к публикации в журнале "Форум". 9 апреля 1984 года судебное разбирательство в отношении указанных лиц было прекращено.

18. 25 июля 1983 года Земельный Суд принял решение обязать журнал “Форум” опубликовать информацию о судебном разбирательстве по делу о диффамации в отношении заявителя (статья 37 Закона о средствах массовой информации - см. п. 26 ниже). Данное решение было подтверждено Апелляционным судом 7 сентября 1983 года.

19. Земельный Суд провел 11 мая 1984 года слушание дела, на котором были заслушаны показания г-на Грабхер-Мейера и заявителя.

Последний в качестве доказательства сослался на правильность оглашенных им сведений. По его утверждению, для того, чтобы удостовериться в этом, достаточно установить, что текст опубликованной в журнале “Форум” жалобы в точности соответствует тексту жалобы, поданной в прокуратуру. Он доказывал, что сообщая об имеющихся у него подозрениях, он исполнял свой правовой долг, — поэтому он должен быть оправдан согласно статье 114 Уголовного кодекса (см. п. 25 ниже). То обстоятельство, что данная им правовая квалификация заявлений г-на Грабхер-Мейера, возможно, является ошибочной, не может быть вменено ему в вину, поскольку он не является юристом.

20. В тот же самый день заявитель был признан виновным в диффамации (статья 111 п. 1 и 2) и приговорен к штрафу в 4 000 австрийских шиллингов, или, в случае неуплаты, к 25 дням тюремного заключения. Кроме того, Земельный Суд вынес следующие распоряжения в отношении владельцев журнала “Форум” - Ассоциации редакторов и служащих журнала “Форум”: арест тиража соответствующего номера журнала, публикация решения Суда (статьи 33 и 34 Закона о средствах массовой информации), и присуждение г-ну Грабхер-Мейеру компенсации в размере 5 000 шиллингов (статья 6 Закона о средствах массовой информации). Кроме того, на них была возложена обязанность уплатить штраф в солидарном порядке (статья 35 п. 1 Закона о средствах массовой информации - см. п. 26 ниже).

В своем решении от 11 мая 1984 года Земельный Суд указал, что считает себя связанным мнением, выраженным в решении Апелляционного суда от 31 мая 1983 года (см. п. 16 выше). Поэтому объективные условия для признания состава преступления были удовлетворены.

Субъективные требования также были выполнены, так как г-н Обершлик подтвердил, что он намеревался привлечь внимание к национал-социалистским, по его мнению, суждениям г-на Грабхер-Мейера. Г-н Обершлик, однако, не смог доказать правдивость сделанных им заявлений. С точки зрения Земельного Суда, того, что г-н Грабхер-Мейер сделал оспариваемые заявления, а текст поданной в прокуратуру жалобы по поводу совершения уголовного преступления полностью соответствует тому, что был опубликован в журнале “Форум”, недостаточно для доказательства правдивости утверждений заявителя. Заявления, о которых идет речь, не обязательно свидетельствуют о намерениях, которые вывел из них г-н Обершлик. Их можно также рассматривать как предложение перераспределить скудные средства Семейного фонда в пользу австрийских граждан, чтобы воспрепятствовать наплыву рабочих-иммигрантов. Возможно, они свидетельствуют об определенном градусе ксенофобии в суждениях г-на Грабхер-Мейера, но никак не о его национал-социалистских взглядах. Тем более, они не составляют состава уголовного преступления.

Тот факт, что публикация была простой перепечаткой жалобы по поводу совершения уголовного преступления, не снимает вины с заявителя. Каждый свободен сообщать в полицию факты, которые, по его мнению, составляют уголовное преступление. В то же время далеко за рамки простого сообщения о подозрениях выходит публикация текста самого обращения в периодическом издании, что сразу делает сообщение доступным широкой публике. Этому нет никакого оправдания. В этой связи, заявитель не может сослаться на правовой долг согласно статье 114 Уголовного кодекса, а именно на привлечение внимания общественности к (предположительно) нацистскому образу мыслей высокопоставленного должностного лица правящей партии. Данное утверждение подпадает под общее правило, согласно которому лицо, допустившее такого рода критическое выступление в средствах массовой информации, обязано доказать его правдивость.

21. Г-н Обершлик впоследствии несколько раз ходатайствовал о предоставлении ему копии протокола слушания, но каждый раз безуспешно. По-видимому, данный протокол поступил к заявителю только после 24 августа 1984 года, когда ему был вручен письменный текст судебного решения. 6 сентября он обратился с просьбой внести исправление в судебный протокол, где, по его словам, отсутствовали некоторые заявления, сделанные г-ном Грабхер-Мейером и имевшие особо важное значение для доказательства достоверности заявлений заявителя. Г-н Грабхер-Мейер якобы заявил в ходе судебного разбирательства, что он является противником чрезмерной иммиграции иностранцев и поддерживает по тактическим причинам проводившуюся одной из партий правого крыла и впоследствии запрещенную кампанию “Остановить иностранцев”. Он также будто бы признался в том, что им рассматриваются меры социального характера, направленные против детей иностранных рабочих в австрийских школах.

4 октября 1984 года Земельный Суд после проведения консультаций с судебным стенографистом отклонил эту жалобу на том основании, что по прошествии пяти месяцев тот не мог вспомнить точного содержания инкриминируемых заявлений. В то же время, Суд отметил, что хотя последних не было найдено в записях стенографиста, в них имеется ряд высказываний схожего характера.

(b) В Апелляционном суде

22. 17 декабря 1984 года Апелляционный суд Вены, составленный из тех же самых судей и под председательством того же г-на Кортеллы (см. п. 16 выше), отклонил апелляционную жалобу заявителя.

Относительно жалобы на решение Земельного Суда от 4 октября 1984 года (см. п. 21 выше), Апелляционный суд отметил, что это решение является окончательным. Кроме того, не было установлено, чтобы Земельный Суд не сумел удовлетворить какого-либо ходатайства относительно протокола, поданного в течение судебного разбирательства. В любом случае, высказывания, о которых идет речь, не относятся к принятию решения по существу дела.

23. Апелляционный суд затем обратился к рассмотрению вопросов, касающихся существа дела. С его точки зрения, Земельный Суд не был юридически связан предшествующим решением Апелляционного суда касательно уточнения правонарушения. Тем не менее, Апелляционный суд указал, что он не видит никаких

причин отступать от этого решения. Решающим соображением было то, что г-ну Грабхер-Мейеру были приписаны те побуждения, которых он сам не выражал. Таким образом, судебное дело касается не (возможно неправильной) юридической квалификации его заявлений, а утверждений, ставящих пятно на его репутации, которые не могут быть объективно выведены из указанных ранее заявлений.

По мнению Апелляционного суда, Земельный суд справедливо указал, что заявитель должен был доказать правдивость содержащихся в статье критических выводов в отношении г-на Грабхер-Мейера, и справедливо посчитал, что ему не удалось сделать это. Из того обстоятельства, что короткий отчет о жалобе на этого политика не заслуживал бы наказания, нельзя выводить заключение, что перепечатка всего текста жалобы также является ненаказуемой. Публикация в форме жалобы по поводу совершения уголовного преступления была направлена на то, чтобы содержащееся в ней обвинение в отношении г-на Грабхер-Мейера оказало особенно яркое впечатление на среднего читателя. Ни право сообщать о подозрении в совершении уголовного преступления (статья 86 п. 1 Уголовно-процессуального кодекса — см. п. 27 ниже), ни исключение, предусмотренное в статье 114 п. 2 Уголовного кодекса (см. п. 25 ниже), не могут служить оправданием публикации ввиду ее явной неадекватности: в ней исподволь, без достаточного фактического основания внушалось, что г-н Грабхер-Мейер стоял на национал-социалистских позициях.

24. Письменный текст судебного решения был вручен заявителю 7 января 1985 года.

25 сентября 1985 года заявитель предложил Генеральному прокурору подать жалобу в интересах права, но был уведомлен 9 января 1986 года, что Генеральный прокурор не намеревается предпринимать никаких действий в этой связи.

II. Применимое национальное законодательство

A. Применимое материальное право

1. Диффамация

25. Статья 111 Уголовного кодекса предусматривает:

"1. Каждый, кто обвиняет другое лицо в достойных презрения личных качествах либо намерениях, в бесчестном или аморальном поведении, что вызывает презрение или иначе умаляет его в глазах общественности, так, что это становится очевидно третьему лицу, наказывается лишением свободы сроком до шести месяцев или денежным штрафом.

2. Каждый, совершивший данное преступление путем опубликования или посредством теле- или радиовещания, или иным способом так, что порочащие сведения стали доступны широкому кругу общественности, наказывается лишением свободы сроком не более одного года или денежным штрафом.

3. Лицо, высказавшее данное утверждение, освобождается от ответственности в случае, если доказано соответствие действительности сказанного им. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч.1 настоящей статьи, также

освобождается от ответственности, если установлено, что он имел веские причины полагать, что данное утверждение соответствует действительности».

В соответствии со статьей 112,

“доказательства достоверности фактов и добросовестности не будут приемлемыми, если только лицо, сделавшее утверждение не сошлется в свое оправдание на правдивость своего утверждения или свою добросовестность...”.

В соответствии с п. 1 статьи 114,

«поведение того рода, что упомянуто в статье 111 ... оправдано в том случае, если оно составляет исполнение обязанности или осуществление права».

Согласно п. 2 того же самого положения,

«лицо, которое по особым причинам вынуждено сделать заявление в смысле статьи 111 ... именно в той форме и манере, в которой оно было сделано, не подлежит наказанию, если только заявление не является ложным и правонарушитель мог бы знать об этом, если бы действовал с необходимой осторожностью».

2. Соответствующие положения Закона о средствах массовой информации

26. Статья 6 Закона о средствах массовой информации предусматривает строгую ответственность издателя за диффамацию; потерпевший может в таких случаях требовать у него возмещения. Кроме того, на издателя может быть возложена солидарная ответственность с лицом, осужденным за правонарушение в средствах массовой информации, за выплату наложенных штрафов и присужденных судебных издержек и расходов (статья 35).

Потерпевший от диффамации может потребовать конфискации тиража издания, в котором было совершено данное правонарушение (статья 33). В соответствии со статьей 36, он может также потребовать немедленного ареста такого издания, если имеются основания предполагать, что будет принято решение о конфискации согласно статье 33, и если неблагоприятные последствия такого ареста не будут несоразмерными тем правомерным интересам, которые собираются защитить подобным образом. К аресту не прибегают, если правомерные интересы можно в лучшей степени защитить такой мерой, как публикация информации о возбуждении уголовного дела (статья 37). Наконец, потерпевший может потребовать публикации судебного решения в той степени, в какой это необходимо для информирования общественности (статья 34).

В. Применимые процессуальные нормы

1. Жалоба по поводу совершения уголовного преступления

27. В первом предложении статьи 86 п. 1 Уголовно-процессуального кодекса предусматривается:

«Каждый, кому станет известно о преступном поведении, которое автоматически ведет к государственному обвинению, имеет право сообщить о нем».

Кроме того, раздел 3 (g) п. 2 Закона о запрете НСДАП вводит обязанность доносить о преступлениях в силу этого закона при определенных обстоятельствах. Неисполнение этой обязанности может наказываться тюремным заключением на срок от пяти до десяти лет.

2. Судебное разбирательство дел о диффамации

28. В соответствии со специальной упрощенной процедурой - которая была применена в данном случае - если единственный судья Земельного Суда считает, что обстоятельства дела не составляют уголовного преступления, он должен передать дело в Отделение по надзору за производством дознаний и следствий Земельного суда (статья 485 п. 1 (4) Уголовно-процессуального кодекса), которое принимает решение о прекращении судебного разбирательства, если оно разделяет точку зрения этого судьи (статья 486 п. 3). Обвинение может обжаловать такое решение (статья 486 п. 4). Если Апелляционный суд поддерживает жалобу и возвращает дело в Земельный суд, в действие вступают следующие специальные правила:

Статья 486 п. 5

“Суд первой инстанции не связан решениями отделения по надзору за производством дознаний и следствий или суда второй инстанции, которые подтверждают... что обстоятельства дела составляют уголовное преступление...”

Статья 489 п. 3

“Члены суда второй инстанции, принимавшие на предыдущем этапе участие в принятии отделением по надзору за производством дознаний и следствий решения о прекращении судебного дела или в рассмотрении апелляционной жалобы на такое решение (статья 486), лишаются права участвовать в разбирательстве апелляционной жалобы”.

3. Общие правила, касающиеся дисквалификации и отвода судей

29. Отвод судей регламентируется следующими положениями Уголовно-процессуального кодекса:

Статья 70 п. 1

“Судья обязан немедленно довести до сведения председателя суда, членом которого он состоит, обстоятельства, которые лишают его права участвовать в разбирательстве дела...”

Статья 71

“С момента, когда судебному должностному лицу станут известны причины, по которым оно не имеет права участвовать в разбирательстве дела, каждое судебное должностное лицо должно воздерживаться от любых судебных действий, под страхом признания их недействительными. Такое судебное должностное лицо может осуществлять неотложные судебные действия только в тех случаях, когда любое промедление грозит опасностью и нет возможности тотчас же назначить другого судью или регистратора...”

30. Кроме того, согласно статье 72 стороны судебного разбирательства могут дать судье отвод, если они сумеют показать, что существуют причины сомневаться в его полной беспристрастности. Хотя в статье 72 прямо говорится о причинах, "отличных от неправомочности", в судах выработалась практика применять статью 72 также в тех случаях, когда одна из сторон поднимает вопрос о дисквалификации судьи. В действительности, дисквалификация судьи первой инстанции может в дальнейшем быть обжалована в судебном разбирательстве о признании решения недействительным только в том случае, если судье был дан отвод до суда, на суде или сразу же после того, как стороне стала известна причина для дисквалификации (статья 281 п. 1 (1) Уголовно-процессуального кодекса). В подобных случаях применяется следующая юридическая процедура:

Статья 73

“Когда сторона заявляет судье отвод, она может подать письменное заявление в суд, членом которого является этот судья, либо сделать устное заявление соответствующего характера в присутствии судебного регистратора. Она может сделать это в любое время, за исключением случаев, когда отвод касается члена суда первой инстанции; в этих случаях, заявление должно быть сделано не позднее чем за 24 часа до начала слушания дела и, когда отвод дается всему составу суда - не позднее трех дней после вручения повестки о явке в суд. В заявлении должны быть указаны и, насколько возможно, обоснованы причины отвода”.

Статья 74

“(1) Как правило, решение о допустимости отвода принимается председателем суда, членом которого является судебное должностное лицо, которому заявляется отвод.

(2) ...

(3) Такое решение не подлежит обжалованию ...”

4. Нормы в отношении судебных протоколов

31. Протоколы слушаний в уголовных судах Австрии обычно составляются в форме конспекта, кроме особых случаев, когда суд принимает решение вести стенографическую запись слушаний. Стенографическая запись должна вестись в тех

случаях, когда этого требует сторона, заранее оплатившая расходы по ведению такой записи (статья 271 п. 4).

В остальных случаях протокол ограничивается записью всех основных формальностей судебного разбирательства. Стороны могут по своему усмотрению требовать внесения в протокол определенных моментов для того, чтобы защитить свои права (статья 271 п. 1, применимая к судебному разбирательству единственным судьей в силу статьи 488).

32. Когда важно обеспечить дословную запись, судья, по запросу стороны, должен потребовать, чтобы соответствующие места были прочитаны вслух целиком (статья 271 п. 2).

Ответы обвиняемого и письменные показания свидетелей и экспертов должны упоминаться только тогда, когда в них имеются отклонения от заявлений, содержащихся в судебных досье, или добавления к этим заявлениям, либо когда суд впервые заслушивает свидетелей или экспертов (статья 271 п. 3).

33. Стороны вправе осуществлять проверку законченного протокола и приложений к нему, а также делать с них копии (статья 271 п. 5). Согласно установившейся судебной практике, стороны имеют право ходатайствовать о внесении в протокол дополнений или поправок во время судебного разбирательства или после него, пока не закончено рассмотрение апелляционной жалобы (“Evidenzblatt”, 1948, стр. 32; “Sammlungstrafsachen”, 32/108). Решение суда по такому ходатайству окончательно и не подлежит обжалованию (“Richterzeitung”, 1967, стр. 88; “Evidenzblatt”, 1948/243).

Только полное отсутствие протокола судебного разбирательства может служить причиной признания решения недействительным (статья 281 п. 1 (3)). Другие имеющиеся в протоколе недостатки не могут служить причиной обжалования решения, за исключением случаев непринятия решения по поданным во время судебного разбирательства ходатайствам по поводу протокола слушаний (статья 281 п. 1 (4)).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

34. В жалобе, поданной в Комиссию 16 июня 1985 года (№ 11662/85), г-н Обершлик утверждал, что в результате судебного разбирательства возбужденного против него дела о диффамации и вынесенного в его адрес обвинительного приговора были нарушены п. 1 статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство беспристрастным судом) и статья 10 (свобода выражения мнения) Конвенции.

35. Комиссия объявила жалобу приемлемой 10 мая 1989 года. В своем докладе от 14 декабря 1989 года (статья 31) Комиссия установила факты и выразила мнение, что: имело место нарушение статьи 10 (девятнадцатью голосами против двух); при разбирательстве в суде второй инстанции имело место нарушение п. 1 статьи 6 (двадцатью голосами против одного), но при разбирательстве в Земельном суде нарушения п. 1 статьи 6 не было (единогласно).

Полный текст выводов Комиссии и двух содержащихся в докладе особых мнений приведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

36. В своей памятной записке от 3 июля 1990 года заявитель просил, чтобы:

Суд постановил:

что его осуждение и вынесенный в его отношении обвинительный приговор являются нарушением его права на свободу слова, гарантированного статьей 10 Конвенции;

что разбирательство дела в судах первой и второй инстанции, которое завершилось его осуждением и вынесением в его отношении обвинительного приговора, являются нарушением его права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного статьей 6 п. 1 Конвенции;

Суд приказал Республике Австрия отменить постановление об аресте тиража номера 352/353 журнала “Форум”;

Суд, в соответствии со статьей 50 Конвенции, присудил заявителю справедливую компенсацию, состоящую из указанных расходов и издержек и возмещения морального вреда, причиненного несправедливостью, жертвой которой он оказался.

Правительство на слушании 19 ноября 1990 года подтвердило выводы, сделанные им в памятной записке от 29 июня 1990 года. Оно просило Суд отклонить жалобу, так как она была подана по истечении установленного срока (заключительная часть статьи 26 Конвенции), либо постановить, что не имело место нарушение п. 1 статьи 6 и статьи 10 Конвенции.

ПРАВО**I. Предварительное возражение**

37. В качестве предварительного возражения Правительство заявило, как оно уже делало это в Комиссии, что г-н Обершлик не выполнил требований положений статьи 26 Конвенции о том, что жалобы в Комиссию должны быть направлены “в течение шести месяцев, считая с момента вынесения национальными органами окончательного решения по делу”. Это касалось как его главных жалоб, основанных на п. 1 статьи 6 и статье 10, так и его специальной жалобы относительно внесения исправления в протокол суда.

A. Основные жалобы, поданные на основании п. 1 статьи 6 и статьи 10 Конвенции

38. Правительство отметило, что жалоба поступила в Комиссию только 25 июня 1985 года, тогда как окончательное решение по делу было оглашено судом второй инстанции Вены более чем за шесть месяцев до этого, 17 декабря 1984 года. По его мнению, дата сообщения письменного текста судебного решения (7 января 1985 года) для этой цели безразлична (см. п. 22 и 24 выше).

Г-н Обершлик оспорил это в своем ответе, утверждая, что днем внесения его жалобы следует считать указанную в ней дату, а именно 16 июня 1985 года. В любом случае шестимесячный период должен исчисляться с момента вручения письменного текста судебного решения, т. к. никакая развернутая жалоба не может быть подана в Комиссию на основании краткого изложения мотивировочной части, даваемого при оглашении решения.

39. Следуя своей обычной практике, Комиссия согласилась с тем, что жалоба была направлена 16 июня 1985 года, т. е. в последний день шестимесячного срока, “даже если бы его пришлось исчислять с даты устного оглашения решения”.

40. Учитывая обстоятельства дела, Суд принимает довод, что в отношении главных вопросов жалоба г-на Обершлика была отправлена почтой 16 июня 1985 года и соответственно вошла в рамки срока, установленного статьей 26.

В. Жалоба, касающаяся внесения исправления в протокол суда (п. 1 статьи 6 Конвенции)

41. В связи с отказом удовлетворить просьбу г-на Обершлика об исправлении судебного протокола, Правительство утверждало, что его жалоба была подана заведомо по истечении установленного для этого шестимесячного срока, так как начальной датой отсчета времени для этой цели следует считать 30 октября 1984 года, когда заявителю было вручено решение Земельного Суда от 4 октября 1984 года по данному вопросу, которое являлось окончательным.

42. Суд не разделяет эту точку зрения. Судебное разбирательство в национальных судах оказалось бы излишне затянуто и осложнено, если бы жалобы, касающиеся процессуальных решений, наподобие настоящей, должны были бы направляться до окончательного решения по существу дела. Соответственно, относительно таких процессуальных решений, даже если они стали окончательными до завершения судебного разбирательства, отсчет шестимесячного срока, указанного в статье 26, следует начинать с той самой даты, которая относится к окончательному решению по существу дела.

Таким образом, жалобу нельзя считать поступившей вне отведенного срока и в этом аспекте.

С. Вывод

43. Таким образом, предварительное возражение Правительства должно быть отвергнуто.

II. Предполагаемое нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции

44. Г-н Обершлик утверждает, что его дело не было подвергнуто “справедливому разбирательству” “беспристрастным судом, созданным на основании закона” в смысле п. 1 статьи 6 Конвенции, которая предусматривает в этом отношении, что:

«Каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона ...»

А. Разбирательство в Земельном суде Вены

1. Исправление протокола слушаний

45. Заявитель жаловался в Комиссию на отказ Земельного суда внести исправление в судебный протокол, где, по его словам, неточно воспроизведены некоторые заявления, сделанные г-ном Грабхер-Мейером в качестве частного обвинителя и имевшие особо важное значение для доказательства достоверности заявлений заявителя (см. п. 21).

В своем докладе (п. 85) Комиссия сделала вывод, что в этом вопросе нарушения п. 1 статьи 6 не было. Заявитель объявил в Суде, что за исключением одного пункта, касающегося другого вопроса, он полностью разделяет выводы Комиссии и не будет далее вдаваться в вопрос исправления протокола суда. В этих обстоятельствах Суд не видит смысла продолжать его рассмотрение.

2. Справедливый характер процесса

46. Г-н Обершлик утверждал, что разбирательство его дела на втором этапе было несправедливо, и что 11 мая 1984 года Земельный суд ошибочно посчитал себя связанным решением Апелляционного суда, отменившего первое решение по делу (см. п. 20 и 23 выше).

47. Даже если признать решение Земельного суда противоречащим внутреннему законодательству (статья 486 п. 5 Уголовно-процессуального кодекса; см. п. 28 выше), само по себе это, по мнению Суда, не может рассматриваться как нарушение Конвенции.

Земельный суд рассмотрел представленные ему доказательства и пришел к вполне обоснованному выводу о виновности заявителя (см. п. 20). Это решение впоследствии было поддержано при рассмотрении дела в порядке апелляции.

В. Разбирательство в Апелляционном суде

48. Перед Комиссией г-н Обершлик утверждал, что Апелляционный суд Вены, рассматривавший его дело на втором этапе, не был “независимым и беспристрастным судом” и не был “создан на основании закона”, т. к. в нарушение статьи 489 п. 3 Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 28 выше) на нем председательствовал тот же самый судья, что и при рассмотрении дела на первом этапе.

Перед Судом г-н Обершлик уточнил, что, как ему удалось недавно выяснить, не только председательствующий, но и два других судьи уже участвовали ранее в первом апелляционном рассмотрении дела. Из ответа Правительства на заданный Судом вопрос видно, что так оно и было.

49. Комиссия пришла к выводу, что в результате участия в процессе судьи, который не должен был быть допущен к разбирательству данного дела согласно статье 489 п. 3

Уголовно-процессуального кодекса, Апелляционный суд в данном процессе не был “создан на основании закона” и, что является отдельным вопросом, не был “беспристрастен” (см. п. 99 и 103 доклада Комиссии).

50. Суд отмечает, что обе жалобы заявителя в содержательном плане совпадают.

Статья 489 п. 3 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает, что в подобных случаях в составе суда не должно быть члена, который ранее участвовал в рассмотрении этого же дела. Эта статья демонстрирует стремление национальной законодательной власти устранить все разумные сомнения по поводу беспристрастности суда. Соответственно несоблюдение этой нормы означает, что апелляция заявителя рассматривалась судом, в чьей беспристрастности даже с позиции внутреннего права можно было усомниться.

51. Правительство возражало, что, не дав отвода и не выдвинув возражений против участия председательствующего судьи на слушании 17 декабря 1984 года (статьи 73, 281 п. 1, подпункт 1 и 345 п. 2 Уголовно-процессуального кодекса), заявитель отказался от использования своего права на замену судьи.

В соответствии со сложившейся практикой Суда, отказ от права, гарантированного Конвенцией, - в той мере, в какой он допустим, - должен быть установлен недвусмысленным путем (см., среди прочих, постановление по делу Барбера, Мессеги и Жабардо (Barberà, Messegue and Jabardo) от 6 декабря 1988 года, Серия А, т. 176, стр. 35, п. 82).

В данном случае не только председательствующий, но также и два других члена Апелляционного суда должны были в силу занимаемой должности заявить самоотвод в соответствии со статьей 489 п. 3 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, в отличие от ситуации с председательствующим, заявитель и его адвокат лишь много позже слушания 17 декабря 1984 года узнали, что и двое других судей также участвовали в вынесении решения от 31 мая 1983 года.

Таким образом, нельзя считать установленным, что заявитель отказался от своего права на рассмотрение его дела “беспристрастным” судом.

52. Таким образом, имело место нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

A. Вопросы, подлежащие разрешению

53. Согласно статье 10 Конвенции:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями,

ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Г-н Обершлик утверждал, что осуждение его за диффамацию и другие связанные с этим судебные решения (см. п. 20 выше) нарушили его право на свободу выражения мнения в том виде, как оно гарантировано в статье 10 Конвенции.

54. Никто не спорит, что обвинительный приговор, вынесенный заявителю Земельным судом Вены 11 мая 1984 года (см. п. 20 выше) и оставленный в силе 17 декабря 1984 года Апелляционным судом Вены (см. п. 22-23 выше), является “вмешательством” в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения.

Никем не оспаривается и то, что данное вмешательство было “предусмотрено законом”, а именно статьей 111 Уголовного кодекса Австрии (см. п. 25 выше), и было направлено на защиту “репутации или прав других лиц” в смысле п. 2 статьи 10 Конвенции.

Суд, поэтому, сосредоточился на рассмотрении вопроса о том, было ли указанное вмешательство “необходимо в демократическом обществе” для достижения данной цели.

55. Заявитель подчеркнул, что в демократическом обществе роль периодических изданий, подобных “Форуму”, заключается и в критическом разборе предложений социально-правового характера, с которыми выступают политические деятели. В этом отношении пресса должна быть свободна в выборе той формы комментирования, которую она считает наиболее подходящей для своей цели. В данном случае он ограничился репортажем о предложении г-на Грабхер-Мейера относительно семейных пособий для иностранцев и дал ему свое собственное толкование. Австрийские суды лишили его не только права высказывать свое мнение относительно того, является ли такое предложение возрождением национал-социализма, но также и права проводить исторические параллели на основании имеющихся фактов.

Жалоба заявителя была принята Комиссией.

56. Правительство заявило, что г-н Обершлик перешел границы оправданной и разумной критики. Спорная публикация, по мнению австрийских судов, была равносильна обвинению г-на Грабхер-Мейера в том, что он придерживается национал-социалистических взглядов; воздействие этого обвинения усиливалось благодаря форме, выбранной для его публикации. Правительство утверждало, что заявитель не сумел доказать обоснованность своего обвинения, и поэтому суды признали его виновным в диффамации.

По мнению Правительства, Европейскому Суду не подобает выносить решение по поводу обоснованности действий австрийских судов; это следует из той сферы усмотрения, которая оставлена национальным властям: они находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы определять, что именно носит характер

диффамации, так как это в немалой мере зависит от бытующих в стране представлений и правовой культуры.

В. Общие принципы

57. Суд неоднократно подчеркивал, что свобода слова в том виде, как она гарантирована п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества, одно из основополагающих условий для прогресса и самореализации каждого его члена. Являясь предметом для ограничений, установленных в пункте 2 статьи 10, она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества» (см., среди прочего, постановление по делу «Хендисайд против Соединенного Королевства» («Handyside v. The United Kingdom») от 7 декабря 1976 года, Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49, и постановление по делу «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Серия А, т. 103, стр. 26, п. 41).

Статья 10 защищает не только содержание высказываемых идей и информации, но также и форму, в которой они сообщаются.

58. Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные в том числе и для “защиты репутации других лиц”, тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим всеобщий интерес (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» («The Sunday Times v. The United Kingdom»), Серия А, т. 30, стр. 40, п. 65, и вышеупомянутое постановление по делу «Лингенс против Австрии», там же).

Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. Это подчеркивается формулировкой статьи 10, где специально упоминается право населения на получение идей и информации. В общем и целом свобода политической дискуссии составляет сердцевину концепции демократического общества, которая красной нитью проходит через всю Конвенцию (см. вышеупомянутое постановление по делу «Лингенс против Австрии», Серия А, т. 103, стр. 26, п. 42).

59. Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости, особенно когда он сам делает публичные заявления, которые способны вызвать критику.

Политик, конечно, имеет право на защиту своей репутации, даже когда он выступает не в личном качестве, но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам (см.

вышеупомянутое постановление по делу «Лингенс против Австрии», Серия А, т. 103, там же).

60. Задачу Суда в этом деле следует рассматривать в свете именно этих принципов. Предметом рассмотрения являются границы приемлемой критики в контексте общественной дискуссии по политическим вопросам, представляющим всеобщий интерес. В таких случаях Суд должен удостовериться, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствуют этим принципам, причем при этом они основывались на приемлемой оценке относящихся к делу фактов.

В этих целях Суд будет рассматривать оспариваемое судебное решение в свете всех обстоятельств дела в целом, включая публикацию заявителя и тот контекст, в котором она была написана (см., среди прочих, вышеупомянутое постановление по делу «Лингенс против Австрии», Серия А, т. 103, стр. 25, п. 40).

С. Применение вышеупомянутых принципов в данном деле

61. Заявитель был осужден за воспроизведение в периодическом издании «Форум» текста своего заявления в прокуратуру с требованием привлечь к уголовной ответственности г-на Грабхер-Мейера. В ходе избирательной кампании этот политик сделал ряд заявлений относительно семейных пособий, о чем было сообщено в телевизионных программах. В частности, он предложил уменьшить их размер для проживающих в стране не граждан, увеличив в то же время размер соответствующих пособий для граждан Австрии (см. п. 11—13 выше). Заявитель выразил мнение, что это предложение соответствует философии и целям национал-социализма, как они изложены в Манифесте НСДАП 1920 г. (см. п. 13 выше).

Суд согласен с Комиссией, что помещение текста указанного заявления в периодическом издании «Форум» способствовало публичному обсуждению политического вопроса, представлявшего всеобщий интерес. В частности, обсуждение проблемы различного обращения с гражданами и иностранцами в социальной сфере вылилось в широкую общественную дискуссию не только в Австрии, но также и в других государствах - членах Совета Европы.

Критическое выступление г-на Обершлика, как указала Комиссия, было направлено на привлечение внимания общественности к предложениям политика, которые могли шокировать многих людей, хотя это и было сделано в весьма провокационной форме. Политик, который позволяет себе выражаться подобным образом, подвергает себя риску резкой реакции со стороны журналистов и общественности.

62. В своем решении от 11 мая 1984 года Земельный суд нашел, что рассматриваемая статья, «несмотря на то, что ее назначение обозначено как «уголовное обвинение», тем не менее создается впечатление, что имело место уголовно-наказуемое деяние, и это «порочит» репутацию политика. Поэтому суд решил, что утверждения г-на Обершлика подпадают под действие статьи 111 п. 3 Уголовного кодекса (см. п. 25 выше), согласно которой за диффамационное заявление в средствах информации лицо несет уголовную ответственность, если только не докажет, что заявление соответствует действительности. Так как, по мнению Земельного суда, предложение г-на Грабхер-Мейера было недостаточным доказательством его национал-социалистической позиции и уголовно наказуемого поведения, и так как не было представлено никаких других

доказательств, суд счел, что заявитель не сумел доказать справедливость своих утверждений, а следовательно, виновен в диффамации (см. п. 20 выше).

В своем решении от 17 декабря 1984 года Апелляционный суд Вены в основном подтвердил эти оценки (см. п. 23 выше).

63. Однако Суд не может согласиться с ними. Опубликованная г-ном Обершликом “жалоба” начиналась с изложения фактических обстоятельств дела, то есть репортажем о заявлениях г-на Грабхер-Мейера. Никто не спорит, что данная часть сообщения излагает факты правильно. Затем следовал анализ этих заявлений, на основании которого авторы сообщения делали вывод, что означенный политический деятель осознанно выражает идеи, аналогичные тем, которые проповедовались нацистами.

Суд может рассматривать последнюю часть сообщения только как оценочное суждение, выражающее мнение авторов по поводу предложения, сделанного этим политиком. В основу этого мнения было положено сопоставление указанного предложения с отрывками из Манифеста национал-социалистической партии.

Отсюда следует, что г-н Обершлик правильно изложил факты, за которыми последовало оценочное суждение по их поводу. Австрийские суды, однако, сочли, что он должен доказать истинность своих утверждений. В отношении оценочных суждений данное требование не может быть выполнено и уже само по себе является нарушением свободы мнений (см. вышеупомянутое постановление по делу «Лингенс против Австрии», Серия А, т. 103, стр. 28, п. 46).

Что касается формы публикации, то Суд принимает оценку, данную австрийскими судами. Он отмечает, что ими не было установлено, что “манера представления статьи” вводила в заблуждение в том смысле, что в результате ее опубликования у значительного числа читателей сложилось представление, что против г-на Грабхер-Мейера уже начато уголовное преследование или даже что он уже был осужден. Австрийские суды ограничились указанием, что данная форма представления была выбрана для того, чтобы то, что в их глазах выглядело как обвинение политического деятеля, оказало “особенно впечатляющий эффект на среднего читателя”. Однако, по мнению Суда, ввиду важности обсуждаемой проблемы (см. п. 61 выше) нельзя сказать, что, выбрав данную конкретную форму, г-н Обершлик преступил пределы свободы слова.

64. Из ранее сказанного следует, что вмешательство в осуществление г-ном Обершликом свободы слова не было “необходимым в демократическом обществе... для защиты репутации... других лиц”.

Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

IV. Применение статьи 50 Конвенции

65. Согласно статье 50 Конвенции:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей

Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Заявитель просил Суд рекомендовать Правительству Австрии: (а) реабилитировать его и официально отменить судебное решение от 17 декабря 1984 года и (b) аннулировать решение об аресте тиража журнала “Форум” № 352/353.

Суд, однако, не вправе давать такого рода рекомендации (см. *mutatis mutandis* постановление по делу Хаусхилдта (Hauschildt) от 24 мая 1989 года, Серия А, т. 154, стр. 23, п. 54).

Г-н Обершлик просил также компенсировать ему материальный ущерб и моральный вред, а равно возместить судебные издержки и расходы. Он требовал увеличения некоторых указанных сумм из расчета 11 % годовых.

А. Материальный ущерб

66. Заявитель, во-первых, претендует на возврат сумм, уплаченных им в виде штрафа (4000 шиллингов), и расходов, присужденных в пользу г-на Грабхер-Майера (14 123,84 шиллинга) австрийскими судами. Учитывая непосредственную связь между ними и нарушением статьи 10, установленным Судом, он с согласия Правительства имеет право на возмещение всей суммы в размере 18 123,84 шиллинга.

67. Заявитель потребовал также символической выплаты одного австрийского шиллинга за арест номера журнала “Форум” (см. п. 13 и 20 выше) и 38 280 шиллингов - стоимости публикации в этом журнале информации о судебном разбирательстве дела о диффамации во исполнение статьи 37 Закона о средствах массовой информации (см. п. 18 и 26 выше).

Суд отмечает, что означенный ущерб действительно был понесен владельцами журнала “Форум”, но г-н Обершлик не представил никаких объяснений, почему именно он должен иметь право на компенсацию по этому основанию. Поэтому данное требование отклоняется.

В. Моральный вред

68. Заявитель претендовал на возмещение 70 000 шиллингов за моральный вред вследствие растерянности, тревоги и неуверенности, вызванных у него преследованием за диффамацию.

Правительство оспаривало как само существование морального вреда, так и сумму, затребованную в его возмещение.

69. Суд не исключает, что в результате нарушения п. 1 статьи 6 и статьи 10 заявитель мог понести определенный урон. Однако он считает, что в обстоятельствах данного дела установление настоящим решением факта нарушения представляет собой достаточное справедливое возмещение.

С. Судебные издержки и расходы

70. Заявитель оценил судебные издержки и расходы, понесенные им в Австрии, в 9 753 шиллинга. Эти позиции следует принять во внимание, т. к. расходы были понесены в интересах предотвращения или исправления нарушений, установленных Судом. Эта сумма, которая была принята Правительством, представляется Суду разумной, а потому присуждается в полном объеме.

71. За судебные издержки и расходы в органах Конвенции г-н Обершлик просит возмещения оплаты услуг г-на Фибингера, который готовил первоначальное обращение в Комиссию (4 000 шиллингов), и г-на Треттера, который помогал заявителю по ходу разбирательства (60 000 шиллингов), а также его собственные и г-на Треттера дорожные расходы на поездку в Страсбург для присутствия на слушании дела в Суде 19 ноября 1990 года (11 532 шиллинга). Правительство оспаривало только сумму гонорара г-на Треттера, который, по его мнению, должен быть уменьшен до 30 000 шиллингов.

Однако Суд считает требуемые суммы разумными, а потому присуждает их целиком.

72. Таким образом, заявитель имеет право на 85 285 шиллингов в возмещение судебных издержек и расходов.

Д. Проценты

73. Г-н Обершлик полагает, что к некоторым из означенных сумм должны быть добавлены проценты из расчета 11 % годовых; он основывает это требование на том, что ему приходилось брать займы для оплаты связанных с делом издержек. Хотя Правительство попросило документально подтвердить это утверждение, никаких доказательств в установленный срок представлено не было. Поэтому Суд отклоняет это требование.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД

1. *Отклонил единогласно* предварительные возражения Правительства;
2. *Постановил единогласно*, что на втором этапе судебного разбирательства имело место нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции в отношении беспристрастности Апелляционного суда Вены, но не в том, что касается справедливости рассмотрения дела в Земельном суде Вены;
3. *Постановил шестнадцатью голосами против трех*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
4. *Постановил единогласно*, что Республика Австрия должна выплатить заявителю 18 123,84 австрийского шиллинга (восемнадцать тысяч сто двадцать три шиллинга и восемьдесят четыре гроша) за материальный ущерб и 85 285 (восемьдесят пять тысяч двести восемьдесят пять) австрийских шиллингов за издержки и расходы.
5. *Отклонил единогласно* оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 мая 1991 года.

В соответствии со п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 53 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

частично особое мнение судьи Тора Вильялмсона;
частично особое мнение судьи Матшера, одобренное судьей Биндшедлер-Роберт;
совпадающее мнение судьи Мартенса;
совпадающее мнение судьи Моренилы;

Частично особое мнение судьи Тора Вильялмсона

К сожалению, полагаю неизбежным, что мне придется отчасти разойтись с большинством Суда по вопросу о статье 10. Я не голосовал за нарушение этой статьи и хотел бы коротко объяснить мою точку зрения.

Идея или идеал, лежащий в основе Европейской Конвенции по правам человека, состоит в том, что индивид должен быть защищен по отношению к государству. Защита, предоставляемая свободе слова статьей 10 Конвенции, несомненно, преследует эту цель. Постановление по делу «Лингенс против Австрии» показывает, что в контексте политической дискуссии такой защитой пользуются даже очень резкие высказывания. Однако, как заявлено в начале п. 2 этой статьи, осуществление данной свободы «налагает обязанности и ответственность». В этом контексте часто приходится не упускать из виду статью 8 Конвенции, касающуюся права на уважение личной жизни, а также того, что сказано в п. 2 статьи 10 о защите репутации или прав других лиц. Эти два принципа, воплощенные в статьях 8 и 10, требуют к себе уважения в любом демократическом обществе, достойном этого имени.

В наше время и на нашей части планеты применение норм, направленных на защиту этих принципов, несет на себе отпечаток могущества средств массовой информации и бессилия индивида защитить свою репутацию. Правовые нормы часто оказываются малоэффективным инструментом в этом отношении, но этот факт - а я считаю это фактом - не должен оказывать влияние на Суд при применении Конвенции. Австрийское законодательство, как это показано в п. 25—33 настоящего постановления, являет собой пример совокупности норм, принятых государством-членом для того, чтобы выполнить обязательства, вытекающие из статьи 8 Конвенции.

Настоящее дело должно решаться путем такого толкования статьи 10, которое учитывает принцип, воплощенный в статье 8. Я не разделяю мнения, что решающее значение имеет вопрос о возможности рассматривать предмет спора как оценочное суждение. Не согласен я с большинством и тогда, когда оно говорит, что это касается только «последней части сообщения, представляющей собой оценочное суждение».

Заявитель, конечно, имел право выражать решительное несогласие с заявлениями г-на Грабхер-Мейера, как они изложены в телевизионной программе от 29 марта 1983 года. Он мог сделать это без нарушения австрийского законодательства. Однако он пошел по другому пути, полностью опубликовав “жалобу по поводу совершения уголовного преступления”, своего рода частный вызов в суд по уголовному делу, где г-н Грабхер-Мейер предстал в качестве лица, подозреваемого в нарушении сразу трех норм уголовного права Австрии. Уголовно-правовое оформление, приданное данной критике, вывело ее из области политической полемики, переводя ее в плоскость личных нападок и вмешиваясь тем самым в личную жизнь г-на Грабхер-Мейера. Содержание опубликованного документа тоже может быть охарактеризовано как передержка, например утверждение, что заявления политика равнозначны проповедям нацистов или восхваляют применявшиеся ими методы. Эти самые слова, находящиеся в опубликованной заявителем статье, по моему мнению, выходят за грань допустимых оценочных суждений. Программа и деятельность нацистов - это совокупность реальных фактов. Другое дело - это заявление политика. Вопрос о связи указанного заявления с упомянутой программой и деятельностью требует оценки фактов. Я считаю, что такой связи нет. По моему мнению, заявитель преступил границы свободы слова и нарушил нормы, касающиеся уважения репутации конкретного заинтересованного лица, - те самые нормы, которые столь важны в любом демократическом обществе.

Как и в других случаях, по вопросу о статье 50 я голосовал вместе с большинством.

Частично особое мнение судьи Матшера, одобренное судьей Биндшедлер-Роберт

1. Я не возражаю против несколько снисходительного решения рассматривать настоящую жалобу, как поданную в шестимесячный срок в смысле статьи 26.

С моей точки зрения, п. 3 статьи 38 Регламента Комиссии следует толковать в том смысле, что дата, указанная на жалобе, может иметь решающее значение только в том случае, когда заинтересованное лицо может доказать, что оно действительно отправило жалобу в этот день.

Трудно вообразить, чтобы юрист, который подает жалобу в последний день перед истечением предельного шестимесячного срока, не воспользовался бы заказным письмом, чтобы получить возможность доказать, в случае необходимости, что соответствующий предельный срок не был пропущен.

В равной мере трудно себе представить, чтобы Комиссия не сохранила в своем досье конверт, который позволил бы проверить по почтовому штемпелю, в какой именно день была фактически отправлена жалоба.

2. Я полностью поддерживаю ход рассуждений по делу «Лингенс против Австрии» (Серия А, т. 103, стр. 26, п. 42), повторенный в настоящем судебном решении, о том, что пределы допустимой критики в отношении политиков шире, чем в отношении частных лиц.

Критика политического поведения может быть выражена в виде статей в прессе, в других публикациях, в иных средствах массовой информации или же в политической дискуссии. Если заявитель в качестве журналиста прибег к одному из этих средств, даже

самая резкая критика, - но не выходящая за рамки приличия, - была бы приемлемой, а его осуждение за подобную критику действительно представляло бы собой такое вмешательство в осуществление свободы слова, которое не охватывалось п. 2 статьи 10.

Однако в данном случае заявитель не занимался такого рода критикой. Он предпочел действовать другими способами, а именно опубликовать в журнале жалобу в компетентные органы, в которой обвинил означенное лицо в очень серьезном преступлении. Воспроизведя это заявление в журнале, он создал впечатление, во всяком случае у среднего читателя, что против X действительно было возбуждено уголовное дело. Это очень важный аспект дела, которому, к сожалению, большинство Суда не придало того значения, которого он, на мой взгляд, заслуживал.

Сделав это, заявитель не ограничился дозволенной критикой, а нанес предательский удар по репутации политика. Таким образом, он уклонился от “обязанности и ответственности”, которые налагает пользование свободой слова; поэтому его осуждение нельзя рассматривать как меру, которая не была необходимой и соразмерной целям статьи 10.

Большинство Суда усмотрело нарушение в том, что австрийский суд предположительно потребовал от г-на Обершлика доказать свои обвинения, что, по мнению большинства, сделать было невозможно, т. к. обвинение в совершении уголовного преступления представляло собой оценочное суждение. Я же придерживаюсь той точки зрения, что это сообщение представляло собой утверждение о наличии определенных фактов, - более того, необоснованное утверждение, - фактов, которые сами по себе поддавались доказыванию. Поэтому решения австрийских судов, которые рассматривали их в качестве таковых, не нарушали свободы слова.

Совпадающее мнение судьи Мартенса

1. Я голосовал за отклонение предварительного возражения Правительства Австрии, т. к. оно рассматривалось Комиссией и было ею отвергнуто, по основаниям, ранее изложенным в моем особом мнении по делу Брозичек (Brozicek) (Серия А, т. 167, стр. 23 и далее). Я полагаю, что Суду следует оставить на усмотрение Комиссии решение вопроса об обоснованности таких возражений.

2. В данном деле Суд впервые распространил оспариваемую мною доктрину на предварительное возражение, основывающееся на предполагаемом несоблюдении предельного срока, установленного статьей 26. Мне представляется, что доводы, изложенные в моем ранее упомянутом мнении, еще более уместны, когда речь идет о распространении данной доктрины на настоящий тип предварительных возражений, и они должны были бы удержать Суд от этого. В этой связи я хотел бы остановиться на следующих трех моментах:

Во-первых, принятие на себя юрисдикции по рассмотрению настоящего предварительного возражения должно привести к рассмотрению вопроса о том, является ли п. 4 статьи 44 (в нынешней нумерации) Регламента Комиссии - в том виде, как он применяется в прецедентном праве Комиссии на протяжении уже более трех десятилетий - лучшим способом уточнения смысла последних слов статьи 26 Конвенции. Однако делать это у Суда нет никаких причин, т. к. жалоб на

неудовлетворенность данной нормой или применением ее Комиссией не поступало. Это хорошо иллюстрирует тот факт, что впервые за все эти годы Правительство повторило перед Судом возражение такого рода!

Во-вторых, рассмотрение в порядке надзора правильности применения правил Комиссии к настоящему случаю неизбежно вовлекает Суд в изучение вопросов чистого факта, которые, согласно системе, созданной Конвенцией, должны быть оставлены Комиссии.

И наконец, расхождения во мнениях между Комиссией и Судом относительно такого рода вопросов могут привести к результату, который я нахожу совершенно неприемлемым: представьте себе, например, заявителя, которому после того, как он упорно отстаивал свое дело на протяжении пяти или шести лет в Комиссии, а затем в Суде, говорят, что все его усилия были напрасны, потому что, по мнению Суда, его жалоба была направлена днем позже, чем следовало!

Совпадающее мнение судьи Моренилы

По этому делу Суд принял решение отклонить предварительное возражение Правительства по поводу допустимости жалобы г-на Обершлика. Этот вывод, однако, может быть обоснован по-разному. Я голосовал за отклонение возражения исходя из того, что решения Комиссии должны уважаться по причинам, изложенным в моем особом мнении в судебном постановлении по делу Кардо (Cardot) от 19 марта 1991 года. (Серия А, т. 200), где я полностью согласился с анализом и выводами [содержащимися в особом мнении] судьи Мартенса по делу Брозичека (Серия А, т. 167, стр. 23 и далее).

Как я отмечал в тот раз, роль настоящего Суда заключается не в том, чтобы действовать как апелляционная инстанция, изучающая материалы дела с целью проверки правильности решений Комиссии о приемлемости жалобы. При распределении ролей в соответствии с Конвенцией было создано два органа по обеспечению соблюдения обязательств, взятых на себя государствами-участниками (статья 19), каждый из которых имеет различные функции с четко очерченными границами, чтобы избежать дублирования. Основная сфера деятельности Комиссии - вынесение решений о приемлемости жалоб в соответствии с правилами статьи 27 Конвенции, тогда как юрисдикция Суда "распространяется на все дела, касающиеся толкования и применения положений настоящей Конвенции", как это предусмотрено статьями 45 и 46 Конвенции.

Выдвинутое Правительством предварительное возражение по этому делу укладывается в парадигму нежелательных последствий апелляционной юрисдикции, взятой на себя данным Судом по вопросам приемлемости, после судебного постановления по делу «Де Вилде, Омс и Версип против Бельгии» («De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium») от 18 июня 1971 года. (Серия А, т. 12, стр. 29—31, п. 49—55). Предварительное возражение Правительства строится на простом вопросе факта — дате поступления жалобы в Комиссию, и в качестве такового он должен быть решен данным органом на основании никем не оспариваемой практики и в соответствии с положениями статей 28, 31 и п. 3 статьи 27 Конвенции, а также в свете п. 3 статьи 44 Регламента Комиссии, которая предоставляет Комиссии определенную сферу усмотрения при оценке даты подачи первого сообщения от заявителя, в котором излагается предмет жалобы.

Более того, повторное рассмотрение этого вопроса Судом влечет не только новую оценку обстоятельств, положенных в основу решения Комиссии по данному вопросу, оно равносильно оспариванию практики Комиссии, вытекающей из ее собственного опыта, а также порождает сомнение в совместимости с Конвенцией п. 3 статьи 44 Регламента Комиссии.

То обстоятельство, что по настоящему делу взгляды Комиссии и Суда относительно возражения по поводу предельных сроков совпали, не исключает:

- (1) неуверенности у заявителя по поводу результата, так как, выиграв дело в Комиссии, у него есть все основания опасаться, что по завершении длительной процедуры Суд может и не вынести решения по существу его жалобы;
- (2) возможности двух противоположных решений, которые могут подорвать доверие населения к способности системы, созданной Конвенцией, защищать права личности; и
- (3) поглощающей много времени деятельности Суда, не оказывающей существенного влияния на защиту прав личности, потому что либо - как в данном случае - Суд подтверждает установленное Комиссией и приступает к рассмотрению дела по существу, либо он отменяет ее решение и объявляет о невозможности продолжить рассмотрение жалоб заявителя.

С моей точки зрения, принимая во внимание уникальность предварительного возражения по настоящему делу, Суд упустил возможность пересмотреть свою установившуюся практику по рассмотрению вопроса о приемлемости возражений и оставить все вопросы приемлемости целиком у Комиссии, уважая тем самым “окончателность” ее решения по таким вопросам.

© Перевод Института проблем информационного права (г. Москва)

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ОБЕРШЛИК ПРОТИВ АВСТРИИ (№ 2)"
(Oberschlick v. Austria (No. 2))**

(жалоба № 20834/92)

Постановление Суда

Страсбург, 1 июля 1997 года

Тема: диффамацияПодтема: уголовно-наказуемая диффамацияКритерий: значимость свободы выражения мненияСанкция: штрафРешение: нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); семью голосами против двухЮрисдикция: Европейский Суд по правам человека: АвстрияФакты:

Заявитель, журналист, был редактором периодического издания. В своей статье он воспроизвел речь г-на Хайдера, лидера австрийской партии Свободы, партии крайнего правого крыла. В речи обсуждалось, что все солдаты сражались во Второй Мировой войне за мир и свободу. Он говорил, что народ должен быть благодарен всем солдатам за то, что те заложили основу сегодняшнего демократического общества. Он также высказал мысль, что только те, кто рисковал своей жизнью в той войне, имели право на свободу слова. Заявитель отметил в своих комментариях, что г-н Хайдер был не нацистом, а идиотом. Хайдер возбудил против заявителя уголовное дело о клевете и нанесении оскорбления. Заявитель был признан виновным в нанесении оскорбления г-ну Хайдеру и оштрафован. Суд первой инстанции счел, что слово "идиот" может быть использовано лишь как оскорбление, но не при высказывании объективной критики.

Решено:

Имеет место вмешательство в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения. Данное вмешательство было предусмотрено законом и преследовало законную цель, а именно, защиту репутации и прав других лиц.

Важность свободы выражения мнения

Роль прессы заключается в распространении информации и идей по политическим и иным вопросам общественного интереса. Право на свободу выражения мнения распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство.

Суд отметил:

«Границы приемлемой критики... шире по отношению к политическому деятелю, действующему в своем общественном качестве, нежели чем по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет свои действия и поведение под пристальный контроль как

журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут вызвать критику. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию, даже когда он выступает не в качестве частного лица, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы открытой дискуссии по политическим вопросам, с учетом того, что ограничения свободы слова должны толковаться узко» (п. 29).

Провокационность выступления политика, вызвавшего ответную критику

Судебные решения, представленные Суду для рассмотрения, должны рассматриваться в свете всего дела целиком. Самым важным здесь необходимо считать выступление г-на Хайдера, которое носило провокационный характер и, в последствии, могло вызвать сильную реакцию. В своей статье заявитель объяснил, почему высказывания г-на Хайдера натолкнули его на использование слова идиот, главным образом потому, что в своей речи г-н Хайдер исключил себя из числа тех, кто имеет право на свободу мнения, поскольку не сражался во время войны. Статья заявителя может расцениваться как спорная, тем не менее, она не представляет собой неуместную брань направленную на личность, поскольку автор дал понятные разъяснения своей точки зрения, вытекающей из выступления г-на Хайдера. Она была частью политической дискуссии, вызванной речью г-на Хайдера, и сводилась к выражению определенного мнения, правдивость которого не требовала доказательств. Суд указал, что подобное мнение может быть, однако, чрезмерным, если не имеет под собой фактической основы. Но данном случае все обстоит по-другому. Хотя публичное обращение в адрес политика "идиот" может оскорбить его, однако использование этого слова кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером. Статья 10 предусматривает защиту не только содержания идей и информации, но и формы, в которой они были переданы.

Имело место нарушение статьи 10 Европейской Конвенции.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. М. Н. Залаты

ДЕЛО «ОБЕРШЛИК ПРОТИВ АВСТРИИ (№2)»¹**(Oberschlick v. Austria)**

(жалоба № 20834/92)

Постановление Суда
Страсбург, 25 июня 1997 года

По делу "Обершлик против Австрии" Европейский Суд по правам человека, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») и соответствующих положений Регламента Суда В², заседая Палатой в составе:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Тор Вильямсон,
г-н Ф. Матшер,
г-н К. Руссо,
г-н А. Шпильман,
г-н Р. Пекканен,
г-н Х.М. Моренила,
г-н М.А. Лопеш Роша,
г-н П. Курис, *судьи*,

а также г-н Г. Петцольд, *Секретарь Суда*, и г-н П. Дж. Махони, *Заместитель Секретаря Суда*,

Проведя 21 марта и 25 июня 1997 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд гражданином Австрии, г-ном Герхардом Обершликом (Gerhard Oberschlick) («заявитель»), 18 марта 1996 года в течение трехмесячного срока, установленного п.1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело было инициировано жалобой (№ 20834/92) против Республики Австрия, поданной в Европейскую Комиссию по правам человека («Комиссия») 15 сентября 1992 года г-ном Обершликом.

Жалоба г-на Обершлика основана на статье 48 Конвенции с изменениями, изложенными в Протоколе № 9, ратифицированном Австрией. Целью подачи жалобы является установление, по изложенным в деле фактам, возможного нарушения государством-ответчиком своих обязательств в соответствии со статьей 10 Конвенции.

Примечания Секретаря:

¹ Делу присвоен номер 47/1996/666/852. Первая цифра в номере дела указывает на его место среди других дел, поступивших в Суд в соответствующий год (вторая цифра). Последние две цифры указывают на место данного дела в списке дел, переданных в Суд с момента его создания, и в списке соответствующих жалоб, принятых Комиссией.

² Регламент Суда В, вступивший в силу 2 октября 1994 года, применяется ко всем делам государств, связанных обязательствами в соответствии с Протоколом № 9.

28 июня 1996 года Отборочная комиссия Суда решила не откладывать рассмотрение дела и передала его на рассмотрение Суда (п.2 статьи 48 Конвенции).

3. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п.3 Правила 35 Регламента В, заявитель выразил желание принять участие в судебном разбирательстве. 29 августа 1996 года Председатель Суда предоставил ему возможность, при помощи адвоката, представлять свое дело в рамках письменной процедуры, подразумевая, что в последствии этот адвокат должен будет представлять интересы заявителя на устных слушаниях (п.1 Правила 31). В тот же день Председатель Суда выдал им разрешение пользоваться немецким языком (п.3 Правила 28).

4. В состав формируемой Палаты вошли: *ex officio* г-н Ф. Матшер, судья, избранный от Австрии (Статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал, Председатель Суда (п.4(b) Правила 21). 7 августа 1996 года, в присутствии секретаря, Председатель Суда жребием определил имена семи остальных судей, а именно, Тора Вильямсона, Р. Макдональда, К. Руссо, А. Шпильмана, Х.М. Моренила, М.А. Лопеш Роша и Л. Вильдхабера (Статья 43 Конвенции и п.5 Правила 21 Регламента). В последствии, г-н Р. Пекканен и г-н П. Курис, замещающие судьи, заняли места г-на Вильдхабера и г-на Макдональда, которые не смогли принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (п.1 Правила 22 и п.1 Правила 24).

5. Как Председатель Палаты, г-н Риссдал (п.6 Правила 21), действуя через Секретаря Суда обсудил с Уполномоченным Правительства Австрии («Правительство»), адвокатом заявителя и представителем Комиссии организационные вопросы судебного разбирательства (п.1 Правила 39 и Правило 40). В соответствии с установленной последовательностью, 13 января 1997 года Секретарь Суда получил меморандум заявителя, а 7 февраля 1997 года – меморандум Правительства. По запросу Секретаря Суда, действовавшего по указанию Председателя Суда, 11 марта 1997 года Комиссия представила свое заключение по данному делу.

6. В соответствии с решением Председателя Европейского Суда, публичное слушание состоялось во Дворце прав человека в Страсбурге 20 марта 1997 года. До того Суд провел подготовительное заседание по делу.

Перед Судом предстали:

(a) от Правительства Австрии:

г-н В. Окресек, Глава Отдела Международных отношений Конституционного Департамента Федеральной Канцелярии, Уполномоченный,
г-н С. Беннер, Департамент по уголовным делам и амнистиям, Федеральное Министерство Юстиции, Советник;

(b) от Комиссии

г-н Л. Лукаде, Представитель;

(c) от заявителя

г-н Х. Треттер, Адвокат,
г-н Г. Обершлик, Заявитель.

Суд заслушал обращения г-на Лукаде, г-на Треттера, г-на Окресака, г-на Беннера и г-на Обершлика.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Г-н Обершлик, журналист, проживающий в г. Вена, на момент рассмотрения дела занимал должность редактора периодического издания «Форум» («Forum»).

8. 7 октября 1990 года, по случаю «праздника мира» (Friedensfeier) у подножия горы Ульрихсберг г-н Хайдер (Haider), лидер Австрийской Свободной партии (Freiheitliche Partei Österreichs - АСП), и губернатор Каринтии, произнес хвалебную речь о роли «поколения солдат», воевавших во время Второй Мировой войны. В этой войне, сказал он, все солдаты, включая тех, кто воевал в германской армии, сражались за мир и свободу. Люди не должны проводить различия между «хорошими» и «плохими» солдатами того поколения, а скорее выразить им всем благодарность за то, что они заложили основу и построили сегодняшнее процветающее демократическое общество. Затем г-н Хайдер выступил с критикой в адрес одного австрийского писателя, который, по его мнению, оскорбил всех погибших во Второй Мировой войне солдат, и продолжил следующее:

«Дамы и господа, свобода мнения воспринимается как должное в демократии, но она достигает своего предела, когда люди предъявляют права на эту духовную свободу, не осознавая, что у них никогда бы ее не было, если бы другие не рисковали жизнью, чтобы эти люди жили сейчас во время демократии и свободы».

9. Эта речь целиком была напечатана в «Форуме» вместе с комментариями заявителя и вышеупомянутого австрийского писателя. Комментарий г-на Обершлика озаглавленный «P.S.: «Идиот» вместо «Нацист»» ("P.S.: 'Trottel' statt 'Nazi'"), содержал следующее:

«Во-первых, я считаю, что Йорг Хайдер (Jörg Haider) – не нацист, и, во-вторых, к тому же, он – идиот. Я могу объяснить это следующим образом:

[Л.] [...] полностью убедил меня, что то, что Йорга Хайдера называют Нацистом ему даже выгодно. Поэтому приношу своим друзьям извинения, что воздерживаюсь от использования данного определения именно по этой причине.

[...]

Поскольку [Хайдер] отвергает тех из нас, кому, на его взгляд, не выпало истинное счастье [legitimierende Glück] рискнуть жизнью в военной форме во славу [Ehrenkleid] Третьего Рейха ради Гитлеровской свободы вести порабощательные войны [Raubkrieg] и навязывать окончательное решение, [а так как он отвергает нас] в праве «претендовать на сугубо «духовную» свободу», не говоря о «политической свободе», в то время, как ему лично также не выпало истинное счастье служить в военной форме во славу СС или немецкой армии [Wehrmacht], таким образом, исключив себя наряду с огромным большинством австрийцев из тех, кто пользуется данной свободой, то он, по моему мнению, - идиот».

10. 26 апреля 1991 года по иску г-на Хайдера, поданного в Региональный уголовный суд г. Вены (Landesgericht für Strafsachen – «Региональный суд»), в отношении заявителя было возбуждено дело о клевете (üble Nachrede) и оскорблении (Beleidigung). Хайдер

также требовал выдачи ордера на немедленную конфискацию соответствующего номера периодического издания, и опубликования в «Форуме» сообщения о начале судебного разбирательства.

11. 30 апреля 1991 года суд удовлетворил прошение о публикации сообщения, но 21 мая 1991 года г-н Обершлик подал апелляцию на это решение.

12. 23 мая 1991 года суд признал заявителя виновным в преступлении, предусмотренном Статьей 115 Уголовного Кодекса (см. п.19 ниже), а именно, в нанесении оскорбления г-ну Хайдеру, и назначил наказание в виде штрафа, исчисляемого из расчета 200 австрийских шиллингов (АШ) в день за двадцать дней, или в случае отсутствия средств на уплату штрафа – к тюремному заключению сроком в десять дней. По мнению суда, слово "идиот" (Trottel) носило оскорбительный характер (Schimpfwort) и могло быть использовано только с дискредитирующим смыслом (Herabsetzung). Следовательно, данное слово никогда не может быть использовано при высказывании объективной критики (sachliche Kritik). В письменном варианте решения суд также распорядился конфисковать соответствующий номер «Форума».

13. 30 апреля 1991 года заявитель подал апелляционную жалобу (Berufung) на данный приговор. По его мнению, суд счел рассматриваемое выражение оскорбительным для г-на Хайдера, потому что вырвал его из контекста, в котором оно было употреблено. Если бы суд принял во внимание всю статью целиком и содержащуюся в ней аргументацию, у суда бы сложилось мнение, что использование оспариваемого термина служило концовкой в выводе, по которому г-н Хайдер в своей речи исключил себя из тех, кто имеет право пользоваться свободой выражения мнения.

Г-н Обершлик также обжаловал тот факт, что при оглашении приговора решение о конфискации соответствующего номера «Форума» не упоминалось.

14. 16 сентября 1991 года заявитель просил о внесении изменений и дополнений в протокол судебного заседания.

15. 18 октября 1991 года Региональный суд частично внес изменения в протокол судебного заседания и отклонил остальные исправления, указанные заявителем, как не относящиеся к делу. 10 декабря он подал апелляцию (Beschwerde) на это решение.

16. Тем временем, 5 декабря 1991 года Региональный суд изменил приговор и исключил из него конфискацию тиража «Форума».

17. 18 марта 1992 года Апелляционный Суд г. Вены (*Oberlandesgericht*) отклонил апелляцию заявителя относительно опубликования сообщения о начале судебного разбирательства, инициированного г-ном Хайдером (см. п.11 выше). В тот же день Апелляционный Суд объявил необоснованной жалобу на решение о внесении изменений в протокол судебного заседания (см. п.15 выше).

18. 25 марта 1992 года Апелляционный Суд поддержал решение Регионального суда, но уменьшил размер штрафа в день до 50 АШ (см. п.12 выше).

Суд отметил, что рассматриваемое слово было использовано в заголовке статьи. Только те, кто прочел не только написанные заявителем строки, но также и речь г-на Хайдера и сопровождающие ее комментарии в «Форуме», могли понять, что г-н Обершлик назвал выступающего «идиотом» потому, что в своей речи, по мнению заявителя, тот исключил себя наряду с большинством австрийцев из тех, кто мог пользоваться свободой мнения. Те же, кто не прочел этого, будут связывать термин идиот (Trottel) не с выводом,

напрашивающимся из речи г-на Хайдера, а с его персоной. Таким образом, данное слово послужило оскорблением, переступившим границы допустимой объективной критики (die Grenze sachlich zulässiger Kritik), и г-н Обершлик должен был понимать это. По большому счету, он мог бы охарактеризовать высказывания г-на Хайдера как глупые (vertrottelt).

Общеизвестно, что политики, придерживающиеся взглядов, вызывающих критику, должны быть готовы к особенно жестким нападкам в свой адрес, носящим иногда личный характер. Однако, право на свободу мнения не должно приводить в политических спорах к различного рода оскорблениям вместо высказывания доводов по существу. То, что какой-то политик прибегнул к оскорблениям, не оправдывает аналогичные действия со стороны его очернителей, если их на это лично не спровоцировали. Использование Статьи 10 Конвенции как основы для получения права оскорблять кого-либо может привести к общему снижению качества (generelle Verrohung) политических дебатов.

II. Применимое национальное законодательство

19. Соответствующие статьи Уголовного Кодекса Австрии гласят следующее:

Статья 111

«1. Каждый, кто обвиняет другое лицо в достойных презрения личных качествах либо намерениях, в бесчестном или аморальном поведении, что вызывает презрение или иначе умаляет его в глазах общественности, так, что это становится очевидно третьему лицу, наказывается лишением свободы сроком до шести месяцев или денежным штрафом.

2. Каждый, совершивший данное преступление путем опубликования или посредством теле- или радиовещания, или иным способом так, что порочащие сведения стали доступны широкому кругу общественности, наказывается лишением свободы сроком не более одного года или денежным штрафом...

3. Лицо, высказавшее данное утверждение, освобождается от ответственности в случае, если доказано соответствие действительности сказанного им. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч.1 настоящей статьи, также освобождается от ответственности, если установлено, что он имел веские причины полагать, что данное утверждение соответствует действительности».

Статья 115

«1. Каждый, кто публично или в присутствии других лиц, оскорбляет, высмеивает, жестоко обращается и угрожает третьему лицу жестоким обращением, наказывается лишением свободы сроком не более трех месяцев или штрафом... в случае, если его не привлекают к более суровой ответственности с рамках другой статьи.

...

3. Каждый кто в порыве негодования по поводу поведения другого лица позволил спровоцировать себя на оскорбление, жестокое обращение или угрозу жестокого обращения в адрес того лица, когда это может быть

оправдано сложившимися обстоятельствами, имеет право на защиту в случае, если его негодование понятно обычному человеку. При этом должно быть уделено внимание, в частности, промежутку времени с момента события, спровоцировавшего подобные действия».

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

20. В своей жалобе в Комиссию (№ 20834/92) от 15 сентября 1992 года г-н Обершлик утверждал, что выдвинутое в его адрес обвинение противоречит статье 10 Конвенции, а процедура рассмотрения дела австрийскими судами была проведена в нарушение статьи 6.

21. 6 апреля 1995 года Комиссия (Первая Палата) объявила жалобу приемлемой в части жалобы о нарушении статьи 10, сочтя остальную часть заявления неприемлемой. В своем отчете от 29 ноября 1995 года (статья 31), четырнадцатью голосами против одного, Комиссия пришла к выводу о нарушении данной статьи (статья 10). Полный вариант заключения Комиссии приведен в приложении к данному постановлению.³

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

22. В своем меморандуме Правительство просило Суд «установить, что в настоящем деле не имеет место нарушение прав г-на Обершлика, предусмотренных статьей 10 Конвенции».

23. Заявитель в своем меморандуме просил Суд «установить, что привлечение его к уголовной ответственности явилось нарушением со стороны Австрии статьи 10 Конвенции».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

24. Г-н Обершлик утверждал, что решения судов, в соответствии с которыми он был признан виновным в нанесении оскорбления нарушали его право на свободу выражения мнения, гарантируемое статьей 10 Конвенции, которая закрепляет:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

³ Примечание Секретаря Суда:

Из практических соображений данное приложение будет доступно только вместе с печатным вариантом решения (в сборнике Reports of Judgments and Decisions 1997-IV), но копию отчета Комиссии всегда можно получить в Секретариате Суда.

25. Обвинение в его адрес, выдвинутое 23 мая 1991 года Региональным судом г. Вены (см. п.12 выше), поддержанное Апелляционным Судом г. Вены 25 марта 1992 года (см. п.18 выше), несомненно, представляло собой «вмешательство» в осуществление свободы выражения мнения.

Выступившие в суде лица также признали, что данное вмешательство было «предусмотрено законом» - Статьей 115 Уголовного Кодекса (см. п.19 выше), и его целью была защита «репутации других лиц» в рамках п.2 статьи 10.

Вопросом устного спора был вопрос об установлении «необходимости...» данного вмешательства «... в демократическом обществе» для достижения этой цели.

26. Из представленных заявителем документов видно, что использование слова Trottel (идиот) – не случайно. Это было единственное слово, которое могло привлечь как внимание общественности к тому, насколько возмутительны доводы, использованные г-ном Хайдером в своем выступлении, так и послужить выводом высказанной в его адрес критики, напечатанной в рассматриваемой статье. Слова и общий тон статьи были выбраны с целью показать г-ну Хайдеру и читателям, как нелогичны, не обоснованы и опасны его слова, произнесенные у подножия Ульрихсберга, где он лично лишил себя и большинство граждан права на свободу мнения. Поэтому в интересах общественности было предупредить максимальное количество людей об идеях человека, занимающего на тот момент пост губернатора Каринтии и возможного кандидата на пост Федерального Канцлера. В заключение, слово идиот (Trottel) было направлено не лично в адрес выступавшего, а по отношению в его словам, что было очевидно любому обычному читателю.

27. Комиссия выразила согласие, что рассматриваемое слово могло считаться оскорбительным, но придерживалась мнения, что, учитывая обстоятельства дела, и, особенно, изложенные г-ном Хайдером взгляды, признание заявителя виновным представляло собой непропорциональное вмешательство в осуществление им свободы выражения мнения.

28. Правительство указало на то, что обвинение касалось не критики, высказанной г-ном Обершликом в адрес г-на Хайдера, а лишь использования слова Trottel. Будучи далеким от того, чтобы быть расцененным как выражение мнения, оно было ни чем иным как оскорблением с целью публично опорочить и очернить человека. Это недопустимо в демократическом обществе, даже если этот человек, отстаивая какие-либо крайние убеждения, спровоцировал подобные действия. Для сохранения минимально допустимого уровня в политических спорах, следует помнить о некоторых основных его правилах. Оскорбления, порочащие и грубые выражения не могут пользоваться всеобщей, безграничной защитой в соответствии с Конвенцией, поскольку не вносят положительного вклада в политическое развитие общества. Они скорее отравляют обстановку, так как вызывают желание осуществить возмездие. В собственных интересах демократическое общество не может терпеть подобную эскалацию.

29. Суд вновь повторяет, что согласно п.2 статьи 10 Конвенции свобода выражения мнения распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство.

Эти принципы приобретают особую значимость в отношении прессы. Если она и не должна переходить известные границы, в частности, в целях «защиты репутации и прав других лиц», на ней, тем не менее, лежит обязанность сообщать информацию и идеи по

политическим вопросам, также как и по другим вопросам, представляющим общественный интерес.

Что касается границ приемлемой критики, то они шире по отношению к политическому деятелю, действующему в своем общественном качестве, нежели чем по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет свои действия и поведение под пристальный контроль как журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут вызвать критику. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию, даже когда он выступает не в качестве частного лица, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы открытой дискуссии по политическим вопросам, с учетом того, что ограничения свободы слова должны толковаться узко (см., в частности, постановление «Обершлик против Австрии» («Oberschlick v. Austria») (№ 1) от 23 мая 1991 года, Series A № 204, стр. 25-26, п.п. 57-59, и постановление «Верайнигунг демократишер Зольдатен Остеррайх и Губи против Австрии» («Vereinigung demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v. Austria») от 19 декабря 1994 года, Series A № 302, стр. 17, п. 37).

30. Суд отмечает, что г-н Обершлик был признан виновным в нанесении оскорбления г-ну Хайдеру, назвав его идиотом (Trottel) и употребив это слово в заголовке и в тексте статьи, напечатанной в журнале «Форум». Региональный Суд счел слово само по себе оскорбительным, поэтому лишь его использования было достаточно, чтобы счесть привлечение к уголовной ответственности оправданным (см. п.12 выше). Апелляционный Суд г. Вены выразил мнение, что для нанесения оскорбления достаточно было того, что это слово появилось в заголовке статьи. Поскольку читатели, не читавшие ни статьи, ни выступления г-на Хайдера, ни комментарии к ней, станут ассоциировать это слово не с выступлением г-на Хайдера, а с его персоной (см. п. 18 выше).

31. Суд не может принять эту точку зрения. В этой связи он обращает внимание на то, что судебные решения, представленные Суду для рассмотрения, должны рассматриваться в свете всего дела в целом, включая статью заявителя и обстоятельства, при которых данная статья была написана (см. приведенное выше постановление по делу «Обершлик против Австрии» (№1), стр. 26, п. 60).

Самым важным здесь необходимо считать выступление г-на Хайдера, о котором сообщал в своей статье Обершлик. Заявив, во-первых, что все солдаты, воевавшие во Второй Мировой войне, независимо от занимаемой ими стороны, сражались за мир и свободу, и внесли вклад в основание и построение сегодняшнего демократического общества, а во-вторых, что пользоваться свободой мнения могут лишь те, кто рисковал своей жизнью в той войне, г-н Хайдер четко осознавал, что данные слова носят провокационный характер и, впоследствии, могут вызвать острую реакцию.

32. Что касается статьи г-на Обершлика, то она была напечатана вместе с упомянутым выступлением и статьей, в которой один из писателей также выразил свое мнение по отношению к высказанным г-ном Хайдером словам. В своей статье заявитель вкратце объяснил (около двадцати строк), почему высказывания г-на Хайдера натолкнули его на использование слова "идиот" (Trottel), нежели слова "нацист" (Nazi), главным образом потому, что в своей речи г-н Хайдер исключил себя из числа тех, кто имеет право на свободу мнения.

33. По мнению Суда статья заявителя и, в частности, слово "идиот" (Trottel), могут расцениваться как вполне спорные, тем не менее, они не являются личным и неуместным выпадом, поскольку автор дал объективно понятные разъяснения, вытекающие из

выступления г-на Хайдера, которое само по себе носило провокационный характер. Следовательно, они были частью политической дискуссии, вызванной речью г-на Хайдера, и сводились к выражению определенного мнения, правдивость которого не требует доказательств. Подобное мнение может быть, однако, чрезмерным, если не имеет под собой фактической основы. Но в свете вышеизложенных рассуждений в настоящем деле это не так (см. недавнее постановление по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" («De Haes and Gijssels v. Belgium») от 24 февраля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-I, стр. 236, п. 47).

34. Конечно, верно, что публичное обращение к политику "идиот" (Trottel) может оскорбить его. Однако в данном случае использование этого слова кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером. Что касается спорного тона статьи, который Суд не одобряет, то следует напомнить, что статья 10 предусматривает защиту не только содержания идей и информации, но и формы, в которой они передаются (см. среди других, приведенное выше постановление «Обершлик против Австрии» (№ 1), стр. 25, п. 57).

35. В заключение, Суд полагает, что необходимость вмешательства в осуществление заявителем свободы выражения мнения не была установлена.

Следовательно, имеет место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50 Конвенции

36. Статья 50 Конвенции предусматривает:

«Если Суд сочтет, что решение или мера, принятые судебным или другим органом Высокой Договаривающейся стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из... Конвенции, а внутригосударственное право указанной стороны допускает лишь частичное возмещение за последствия данного решения или меры, то по решению Суда, в случае необходимости, может быть назначена справедливая компенсация потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

37. Г-н Обершлик просил 23 394, 80 австрийских шиллингов (АШ) в качестве компенсации материального ущерба, а именно в возмещение уплаченного им штрафа, судебных расходов г-на Хайдера и гонорара адвоката, которые он должен был компенсировать по решению Апелляционного Суда г. Вены (см. п. 18 выше).

38. К моменту вынесения решения Правительство согласилось, что имело место нарушение. Представитель Европейской Комиссии по правам человека не высказал никаких замечаний.

39. Поскольку выплата заявителем рассматриваемой суммы являлась прямым следствием несправедливого обвинения, Суд удовлетворяет данное требование.

B. Судебные расходы и издержки

40. Г-н Обершлик просил 194 998, 84 австрийских шиллингов (АШ) в качестве возмещения судебных расходов и издержек, касающихся юридического представительства во внутригосударственных судах и в институтах Конвенции.

41. Правительство согласилось выплатить 132 000 АШ в случае установления возможного нарушения. Представитель Комиссии не высказал никаких замечаний.

42. На основании объективной оценки Суд назначает выплату заявителю 150 000 АШ по данному пункту.

С. Мораторная процентная ставка

43. Согласно информации, которой располагает Суд, применяемая установленная законом процентная ставка в Австрии на день принятия настоящего постановления составляет 4% в год.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет*, семью голосами против двух, что имеет место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет единогласно*, что

(а) государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех последующих месяцев 23 394 (двадцать три тысячи триста девяносто четыре) австрийских шиллингов и 80 (восемьдесят) грошей в качестве возмещения материального ущерба и 150 000 (сто пятьдесят тысяч) австрийских шиллингов в качестве возмещения судебных издержек;

(б) все эти суммы увеличить на процентную ставку в 4% годовых, начиная со дня истечения указанного срока и вплоть до выплаты;

3. *Отклоняет единогласно*, остальную часть иска на справедливую компенсацию.

Совершено на английском и французском языках, и распространено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 1 июля 1997 года.

Ролф Рисдал
Герберт Петцольд

Председатель
Секретарь Суда

В соответствии с п.2 статьи 51 Конвенции и п. 2 Правила 55 Регламента В, несогласное мнение г-на Матшера, поддержанное г-ном Тором Вильямсоном, приводится в приложении к настоящему постановлению.

Особое мнение судьи Матшера, поддержанное судьей Тором Вильямсоном (перевод)

Я не могу согласиться ни с рассуждениями большинства членов Палаты, ни с выводами, к которым они пришли. Они проигнорировали существенную разницу между критическим высказыванием и субъективным оценочным мнением с одной стороны, и оскорблением, с другой стороны. Свобода выражения мнения, охраняемая статьей 10 Конвенции, охватывает первые два понятия, но не оскорбительные выпады.

Г-н Обершлик и журнал «Форум» бесцеремонно и жестко раскритиковали выступление г-на Хайдера на традиционном собрании бывших военнослужащих у подножия горы Ульрихсберг (Ulrichsberg) в Каринтии, состоявшегося 7 октября 1990 года. Более того, речь г-на Хайдера в честь этого события, по сути, была обычной и аналогичной речам,

обычно произносимым на подобных встречах во всех Европейских странах, имеющих какие-либо военные традиции.

Однако, г-н Обершлик не просто критиковал, он зашел дальше, высказав вульгарные оскорбления в адрес г-на Хайдера, назвав его идиотом (Trottel). Несмотря на находчивую попытку представить события в ином свете, обычный читатель должен был расценить слова г-на Обершлика как оскорбление, нанесенное с целью высмеять г-на Хайдера.

Контекст, в котором произносится оскорбление, не имеет значения, за исключением тех случаев, когда оно рассматривается как незамедлительная реакция на провокацию или публичное унижение (это условие подчеркнуто в п.3 статьи 115 Уголовного Кодекса Австрии). Но в данном деле все обстоит иначе. То, что сказал г-н Хайдер 7 октября 1990 года на встрече военнослужащих, стало известно общественности в тот же день, а г-н Обершлик напечатал свою статью в марте 1991 года, другими словами, пять месяцев спустя после этого мероприятия.

Мы можем размышлять, было ли разумно со стороны политика подать иск об оскорблении подобного рода. Но если затронутый человек (будь он политик или обычный гражданин) чувствует себя оскорбленным, то он имеет полное право совершить такой поступок. Соответственно, австрийские суды были обязаны признать г-на Обершлика виновным в нанесении оскорбления по п.1 статьи 115 Уголовного Кодекса Австрии. К тому же, возложенный на г-на Обершлика штраф был незначительным (1 000 АШ), если не сказать номинальным.

Взглянув на дело с этой точки зрения, доводы Суда, изложенные в п. 33 настоящего постановления, были неправомерны, поскольку они применимы только к оценочным мнениям, чем оскорбление никогда не будет считаться.

В заключение, по моему мнению, цель статьи 10 Конвенции заключается в осуществлении действительного обмена идеями, а не в защите примитивной и второсортной журналистики, которая за отсутствием качеств, необходимых для представления серьезных аргументов, прибегает к провокации и неуместным оскорблениям для привлечения внимания читателей. Такая журналистика не вносит вклад в фактический обмен идеями, достойными упоминания.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. М. Н. Залаты

Краткое изложение дела**ДЕЛО "ТОЛСТОЙ-МИЛОСЛАВСКИЙ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА"****(Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom)**

(жалоба № 18139/91)

Постановление Суда

Страсбург, 13 июля 1995 года

Тема: диффамацияПодтема: уголовно-наказуемая диффамацияКритерий: значимость свободы выражения мнения, необходимость в демократическом обществе, непропорциональность вмешательства преследуемой цели, чрезмерность санкцииСанкция: финансовая санкция, судебный запретРешение: нарушение права на свободу выражения мнения в отношении компенсации ущерба; отсутствие нарушения права на свободу выражения мнения в отношении судебного запрета, взятого как отдельно, так и в совокупности с компенсацией ущерба (статья 10 Европейской Конвенции о правах человека); единогласноЮрисдикция: Европейский Суд по правам человека; Соединенное КоролевствоВмешательство: Заявитель оспаривал размер штрафа в 1.5 миллиона фунтов стерлингов, наложенного на него в качестве компенсации ущерба за серьезную клевету в адрес другого лица.Факты:

Заявитель, историк, написал памфлет под названием "Военные преступления и директорат Винчестерского колледжа" (War Crime and the Wardenship of Winchester College), в котором он обвинял тогдашнего директора колледжа, барона Алдингтона (Baron Aldington), в военных преступлениях. Памфлет был распространен среди родителей, учеников, работников школы и тех, кто ранее учился или работал в ней, а также среди членов Парламента. Лорд Алдингтон инициировал дело о клевете в отношении него; суд присяжных вынес решение о том, что заявитель виновен в клевете в адрес лорда Алдингтона, и наложил на него штраф в размере 1.500.000 фунтов стерлингов в качестве компенсации за причиненный моральный вред. Размер этой суммы в три раза превысил самый крупный штраф, который когда-либо налагался английским судом по делам о клевете. Судья вынес решение о судебном запрете, в соответствии с которым заявителю воспрещалось публиковать, инициировать публикацию, разрешать публиковать, или же оказывать помощь, или участвовать, или содействовать в публикации слов, содержащихся в оспоренной брошюре, а также использовать любые другие выражения, в которых лорд Алдингтон обвинялся бы в военных преступлениях в связи с инцидентами, описанными в памфлете. Заявитель утверждал, что наложение на него штрафа в размере 1.500.000 фунтов стерлингов и судебного запрета нарушило его право на свободу выражения мнения.

Решено:

Клевета (уголовно-наказуемая диффамация)

И штраф как возмещение ущерба, и судебный запрет явились вмешательством в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения; в компетенцию Суда не входило вынесение решения по поводу ответственности заявителя за клевету.

"Предписано законом"

Рассматривая вопрос о том, было ли наложение штрафа предписано законом, Суд отметил, что характер установленной клеветы был исключительно серьезным. Суд заявил, что он допускает, что:

«Национальные законы должны учитывать неограниченное разнообразие фактических ситуаций при назначении компенсации за ущерб, нанесенный репутации. Допускается значительная степень гибкости для того, чтобы дать суду присяжных возможность оценить ущерб в отношении к фактам конкретного дела... Из этого следует, что отсутствие определенных руководящих принципов в юридических правилах, регулирующих оценку ущерба, должно рассматриваться как неотъемлемая черта закона о компенсации ущерба в этой области» (п. 41).

Пределы усмотрения, которыми воспользовались судьи, оценивая ущерб, не были безграничными; им необходимо было принять во внимание такие факторы, как оскорбленные чувства, отсутствие извинений, защита репутации истца. В Соединенном Королевстве судья, участвующий в рассмотрении дела, мог не согласиться с решением суда присяжных; апелляционный суд также имел право отменить этот штраф на основании его непропорциональности и вернуть дело на новое рассмотрение. Несмотря на то, что принцип пропорциональности, возможно, не был предусмотрен соответствующим национальным законом, решения относительно компенсаций ущерба все же были заключены в рамки целого ряда ограничений. Таким образом, соответствующие правила в отношении компенсаций за ущерб, причиненный клеветой, были сформулированы достаточно четко; компенсация ущерба была предписана законом.

Таким образом суд установил, что компенсация ущерба и судебный запрет преследовали законную цель защиты репутации или прав других лиц.

"Необходимость в демократическом обществе"

Решая, была ли необходимость в компенсации ущерба, Суд отметил, что представление о том, что является соответствующей мерой в отношении высказываний, не подлежащих защите Статьей 10, могут быть различными в странах-участниках Конвенции; странам предоставляются более широкие пределы судебного усмотрения в этой области. Тот факт, что заявитель отклонил предложение лорда Алдингтона (сделанное после того, как на заявителя был наложен штраф) согласиться на выплату меньшей суммы, не уменьшал ответственности Соединенного Королевства в отношении присуждения оспариваемой суммы в качестве компенсации за ущерб. Суд принял во внимание, что непосредственно заявитель и его адвокат согласились с тем, что если суд присяжных установят факт клеветы, он должен

будет назначить очень существенную компенсацию ущерба. И хотя это было важным моментом, о котором следует помнить, это не означает, что суд присяжных мог назначить любую сумму компенсации, которую посчитал бы нужной, поскольку, заявил Суд, в соответствии с положениями Конвенции:

«Компенсация ущерба за диффамацию должна разумно и адекватно соотноситься с ущербом, нанесенном репутации» (п. 49).

Денежный штраф

Было отмечено, что назначенная компенсация в три раза превысила самую большую из компенсаций, когда-либо назначаемых ранее по делам о клевете, - вместе с тем, что с тех пор также не назначалось какой-либо сопоставимой по размеру компенсации. Вопрос о компенсации такого размера остался в очень большой степени открытым, - ввиду того, что национальный закон, применяемый в то время, оказался не в состоянии обеспечить необходимое условие пропорциональности. Национальный закон не предложил эффективных ограничительных мер против неадекватно большой компенсации; таким образом, в соответствии со статьей 10, имелось нарушение прав заявителя в части чрезмерности возложенной на него суммы компенсации.

Судебный запрет

Что касается судебного запрета, он было логическим следствием установления факта клеветы. Не имелось ничего, что указывало бы на то, что он был использован в каких-либо других целях помимо цели предотвратить повторные высказывания заявителя, направленные в адрес лорда Алдингтона. Не было ничего, что указывало бы на непропорциональность вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения в этой части.

Был признан судом факт нарушения статьи 10 Конвенции в данном деле.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

**ДЕЛО "ТОЛСТОЙ-МИЛОСЛАВСКИЙ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА"****(Tolstoy Miloslavsky v. United Kingdom)**

(жалоба № 18139/91)

Постановление Суда
Страсбург, 23 июня 1995 года

По делу "Толстой-Милославский против Соединенного Королевства"¹ Европейский Суд по правам человека, заседаая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") и соответствующими положениями Регламента Суда², Палатой, в состав которой вошли следующие судьи:

г-н Р. Риссдал, *Председатель*,
г-н Б. Уолш,
г-н К. Руссо,
г-жа Е. Палм,
г-н И. Фойгель,
г-н Р. Пекканен,
Сэр Джон Фрилэнд,
г-н. Б. Репик,
г-н П. Ямбрек, *судьи*,

а также г-н Г. Петцольд, *Секретарь Суда*,

Проведя 26 января, 24 февраля и 23 июня 1995 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека ("Комиссия") 11 марта 1994 года, в трехмесячный срок, установленный п. 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело было возбуждено на основании заявления (№ 18139/91) в отношении Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поданного в Комиссию в соответствии

Примечания Секретаря:

1 Дело зарегистрировано под номером 8/1994/455/536. Первое число означает номер дела в списке дел, переданных в Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают на номер дела в списке дел, переданных в Суд с момента его основания и номер в списке соответствующих жалоб, поданных в Комиссию.

2 Регламент А применяется ко всем делам, переданным в Суд до того, как в силу вступил Протокол № 9; после этого - только к делам, касающимся Государств, на которые данный протокол не распространяет свое действие. Они соответствуют Регламенту, который вступили в силу 1 января 1983 года со всеми последующими изменениями.

со статьей 25 18 декабря 1990 года Николаем Толстым-Милославским, подданным Соединенного Королевства.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и к декларации, посредством которой Соединенное Королевство признало юрисдикцию Суда обязательной (статья 46). Цель этого обращения состояла в том, чтобы прийти к решению по поводу того, имеют ли место в настоящем деле факты нарушений Государством-ответчиком своих обязательств в отношении п. 1 статьи 6 и статьи 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) Правила 33 Регламента Суда А, заявитель сообщил, что желает принимать участие в процессе, и назначил адвокатов, которые должны были представлять его интересы в Суде (Правило 30).

3. В состав формируемой Палаты вошли: *ex officio* Сэра Джона Фриланда, избранного судьей от Соединенного Королевства (статья 43 Конвенции) и г-на Р. Риссдала, Председателя Суда (п. 3 (b) Правила 21). 24 марта 1994 года, в присутствии Секретаря, Председатель вытянул по жребию имена других семи членов, а именно г-на Б. Уолша, г-на К. Руссо, г-жи Е. Палм, г-на И. Фойгеля, г-на Р. Пекканена, г-на Б. Репика и г-на П. Ямбрека (статья 43 Конвенции и п. 4 Правила 21).

4. В качестве Председателя Палаты (п. 5 Правила 21), г-н Риссдал, действуя через Секретаря, обсудил с Уполномоченным Правительства Соединенного Королевства ("Правительство"), адвокатами заявителя и Представителем Комиссии организационные вопросы судебного разбирательства (п. 1 Правила 37 и 38). В соответствии с установленной последовательностью Секретарь получил меморандумы соответственно 23 сентября 1994 года от заявителя и 27 сентября - от Правительства. 28 октября Секретарь Комиссии сообщил, что Представитель сообщит заключение Комиссии во время слушаний дела.

5. 14 октября заявитель представил дополнительные материалы по своей жалобе, в соответствии со статьей 50 Конвенции.

6. В соответствии с решением Председателя, публичное слушание состоялось во Дворце прав человека в Страсбурге 21 января 1995 года. Перед этим Суд провел подготовительное совещание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства

г-н И.Кристи, Помощник Юриконсультанта Министерства по делам Содружества Наций и Иностраных дел, Уполномоченный Правительства,
г-н Д. Панник, Королевский адвокат, Адвокат,
г-н М. Коллон, Отдел Лорд-канцлера, Советник;

(b) со стороны Комиссии

Сэр Бэзил Холл, Представитель;

(c) со стороны заявителя

Лорд Лестер Херн-Хилл, Королевский адвокат,
 Г-жа Д. Роуз, Адвокат, Адвокаты
 Г-жа К. Риммель, Помощник адвоката,
 Г-н М. Крамер, Помощник адвоката, Советники.

Суд заслушал обращения сэра Бэзила Холла, лорда Лестера и г-на Панника, а также ответы на вопросы, заданные отдельно одним из членов Суда.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Граф Николай Толстой-Милославский, британский гражданин, проживающий в Саутхолле, Беркшир, в Соединенном Королевстве, историк.

A. Оспариваемая брошюра

8. В марте 1987 года г-ном Найджелом Ватцем была распространена брошюра, написанная заявителем, под названием "Военные преступления и директорат Винчестерского колледжа", - среди родителей, учеников, персонала и выпускников школы, а также членов Парламента, членов Палаты лордов, а также опубликована в прессе. Г-н Ватц испытывал неприязнь к директору колледжа, лорду Алдингтону, в то время председателю одной из страховых компаний; причиной недовольства было требование последнего о выплате страхового возмещения. В брошюре заключались следующие высказывания:

"В период с середины мая по начало июня 1945 года около 70,000 военнопленных и беженцев казацкой и югославской национальности были переданы советским и титоистским коммунистическим силам в результате соглашения, заключенного Пятым британским Корпусом, который в то время был у власти в оккупированной Австрии. Среди военнопленных было много женщин, детей и даже младенцев. Большинство офицеров казацкой национальности и их семьи, которые вошли в число переданных, имели паспорта стран Лиги Наций, или же паспорта стран Восточной Европы, в которых они нашли убежище после эвакуации из России британскими и французскими союзниками в 1918-1920 годах, и, следовательно, не подлежали возврату в соответствии с положениями Ялтинского Соглашения, - которое имело отношение только к советским гражданам.

...

Как и ожидали почти все, кто следил за этими событиями, подавляющее большинство этих беззащитных людей, которые безоговорочно верили в британскую честь, было зверски убито при невероятно страшных обстоятельствах сразу же после их передачи, или же обречены на медленную смерть в коммунистических тюрьмах и трудовых лагерях. Эти действия были результатом двуличия и зверства, беспрецедентных в британской истории со времен резни Гленкоу. В настоящее время за пределами Ленца находится маленькое казацкое кладбище, где надгробные плиты напоминают о мужчинах, женщинах и детях, которые были расстреляны, заколоты или забиты до смерти британскими войсками.

...
 Человеком, который отдавал все приказы и организовал все нюансы лжи и зверства, которые привели к этой резне, был бригадир Тоби Лоу, начальник штаба Пятого корпуса под командованием генерала Кейтли; впоследствии Гарольд Макмиллан пожаловал ему титул 1-го барона Алдингтона. Начиная с 1979 года, он был директором Винчестерского колледжа, одного из старейших и наиболее уважаемых учебных заведений Англии. Подходит ли лорд Алдингтон для такой должности, - должен решать прежде всего колледж. Но то, что человек, повинный в таких чудовищных преступлениях, должен по-прежнему занимать должность, такую почетную и значительную в масштабе общества, - в особенности должность, где человек выступает в качестве примера для молодых людей, которые также могут в один прекрасный день достичь высокого и ответственного поста, - разумеется, также представляет законный вопрос более широкой общественной значимости.

... Однако, правда заключается в том, что лорд Алдингтон знает: каждое из его оправданий - ложь, полностью или по большей части. Имеются исчерпывающие доказательства того, что он организовал крупное военное преступление при полном знании того, что наиболее варварские и гнусные из его действий совершаются в отсутствие одобрения или разрешения со стороны командования, а также при полном знании того, что людей, которых он репатриировал, ожидает страшная участь.

... Те, кто все еще считают, что человек с руками, запятнанными кровью 70 000 незащитных мужчин, женщин и детей, для которых Верховный командующий союзнических войск сделал все возможное, чтобы защитить их, - это подходящий директор для Винчестера, могли бы потрудиться задать себе (или лорду Алдингтону, если смогут поймать его) следующие вопросы:

...
 Лорд Алдингтон неоднократно обвинялся в книгах и статьях, прессой и общественностью в том, что является крупным военным преступником, чьи действия могут сравниться с действиями самых грязных мясников нацистской Германии или советской России ... "

В. Слушания по делу о клевете

1. Слушания в Высоком Суде

9. Лорд Алдингтон подал заявление о возбуждении дела о клевете в отношении г-на Ватца в Высокий суд правосудия (отделение королевской скамьи). Заявитель впоследствии включился в этот процесс по собственному желанию. Обвиняемые воспользовались защитой "оправдывающих обстоятельств" и "справедливого комментария".

10. Лорд Алдингтон попросил, чтобы дело было рассмотрено одним судьей, без присяжных. Однако, заявитель воспользовался своим правом на суд присяжных.

11. Судебный процесс начался 2 октября 1989 года и продолжался до 30 ноября, когда суд присяжных в составе двенадцати человек вынес приговор. В ходе процесса лорд Алдингтон в течение приблизительно шести с половиной дней давал показания и подвергался

перекрестному допросу. Заявитель давал показания в течение более пяти дней; был привлечен целый ряд свидетелей.

Подведение итогов по вопросу оценки ущерба судьей Майком Дэвисом на случай установления факта диффамации заняло около десяти страниц. Помимо прочих моментов, он дал присяжным следующие указания:

" ... Сейчас, господа присяжные, давайте... рассмотрим вопрос об ущербе ...я должен дать вам эти указания в соответствии с законом, потому что может возникнуть вопрос о выплате ущерба... Если дело будет решено в пользу истца, вам необходимо будет рассмотреть вопрос об ущербе. Кто-то мог бы сказать, что единственное указание, необходимое в этом конкретном деле, таково: [заявитель] говорит, что в случае, если будет вынесено решение о компенсации ущерба, - он согласен, что сумма компенсации должна быть громадной. Я не думаю, что у г-на Рамптона [адвоката] повернется язык произнести это слово в его заключительном выступлении, но он сказал, что она будет весьма изрядной, - и на этом я могу остановиться. Но вы понимаете, что это не тот вариант, потому что стороны не распоряжаются (даже если они идут на уступки) тем, как вы должны оценивать ущерб. Вы делаете это в соответствии с законом, и именно об этом я теперь собираюсь сказать вам. Вам необходимо принять мои указания по этому поводу и применить их, - разумеется, если посчитаете нужным.

... Средства сторон - истца или подсудимого - не имеют значения...

Я думаю, что говорил об этом раньше, но еще раз говорю сейчас, - что также не имеет значения вопрос о том, был ли, будет ли лорд Алдингтон или [заявитель], или же г-н Ватц, материально поддержан каким-либо доброжелателем в плане компенсации ущерба. Неважен также бесспорный факт, что бесплатная юридическая помощь, предоставляемая правительственной программой (legal aid), не может быть оказана истцу или ответчику в делах о клевете. Все это не имеет значения, и если есть необходимость что-то изменить, то пусть этим занимается Парламент...

... что вы должны стремиться сделать, что должен делать суд присяжных - это установить сумму, которая будет компенсацией истцу, - чтобы возполнить в денежном выражении причиненный ему вред, потому что вред был причинен, если вы дойдете до стадии компенсации ущерба. Наказывать подсудимого не является вашей обязанностью или вашим правом...

То, чего требует лорд Алдингтон, конечно, относится к "общему ущербу", как его называют юристы, - это сумма для выплаты ему в качестве компенсации. Прежде всего, вы должны принять во внимание то, какое влияние это будет иметь в данном деле, как и в любом деле о клевете, на положение в обществе, статус и репутацию преуспевающего истца ...

... Если они [утверждения, заявленные в брошюре] не соответствуют действительности и не являются "справедливым комментарием", в котором

указано, что это комментарий, - он имеет право получить за это компенсацию, и это должно соответствовать вашему взгляду на дело.

Затем вы должны принять во внимание... ущерб его чувствам. Я говорил вам, что он не может подавать в суд от имени своей жены или любого члена своей семьи, хотя моральный ущерб, нанесенный им, мог нанести ущерб ему по ценной реакции, которую вы имеете право принять во внимание.

Это - его чувства не только тогда, когда он читал об этом ... Это - его чувства в течение всего времени ожидания начала суда ... и гласность ...

... Вы должны принять во внимание то, что юристы называют "оправданием"
...

Вы можете подумать - это вопрос для вас - о том, что в данном деле оправдание - доказывающее, что он прав - является главной причиной того, почему лорд Алдингтон возбудил это дело - он говорит именно это; так или иначе - это восстановление его репутации и положения в обществе ... "компенсация, громадная компенсация", по словам [заявителя], "весьма изрядная компенсация", по словам г-на Рамптона, - позволит ему расставить все по своим местам.

Господа присяжные, вы, конечно же, не должны просто повышать и повышать сумму компенсации ущерба как результат того, что я только что сказал. Вы должны всегда, как говорится, твердо стоять на земле.

... Вы должны принять во внимание объем и характер публикации.

... при всем при том, что вы должны оставить какую-либо мысль о наказании подсудимого, - если вы решите в пользу истца, суд присяжных всегда имеет право, как я уже указывал, принять во внимание любые моменты в поведении подсудимого, усугубляющие ущерб - то есть делающие ущерб более серьезным и увеличивающие компенсацию, - или смягчающие их - делающие причиненный ущерб менее серьезным и уменьшающие компенсацию.

...
Теперь два общих замечания, которые я делаю по каждому делу: никто не спрашивает вас, каким путем вы приходите к своему решению, и вам не нужно, как судье, обосновывать его, - поэтому чрезвычайно важно, чтобы вы смотрели на вопрос с юридической точки зрения, - и это означает, что вы не должны чрезмерно или необоснованно завышать сумму компенсации или чрезмерно или необоснованно занижать ее.

Второе, что я говорю суду присяжных каждый раз: пожалуйста, я прошу вас, если вам придется рассматривать вопрос о компенсации ущерба, никоим образом не принимайте во внимание любое другое дело или исход любого другого дела, о котором вы, возможно, читали или слышали. Факты и их рассмотрение были, скорее всего, совершенно другими. По делам о диффамации нет никакой шкалы, устанавливающей размер компенсации

ущерба. Нет ни первой группы, ни четвертой, ни конференции в Ваксхолле, - если кто-либо из вас интересуется футболом.

Поэтому, господа присяжные, пожалуйста, забудьте о других делах. В этом отношении руководствуйтесь вашим собственным здравым смыслом. Как Вы переведете то, о чем я сказал, в денежное исчисление? В соответствии с нашими правилами и процедурой, господа присяжные, и адвокат, и судья могут использовать такие слова, как "очень существенный" или "очень маленький", но никто из нас, будь то адвокат или судья, не упоминает цифры. Опять же, у некоторых людей - тех, кто на самом деле не вник в вопрос достаточно глубоко, - это вызывает удивление, и они говорят, что суду присяжных, видимо, были даны указания, и я говорю Вам то, что говорю каждый раз суду присяжных в таких случаях, и это не особенно поможет вам, потому что, неизбежно, такова человеческая натура, и это будет их обязанностью - адвокат истца будет придерживаться самой верхней отметки шкалы, и может, быть, в некоторых случаях, я не имею в виду данное дело, переходить границы, а адвокат подсудимого будет находиться на самой нижней отметке. Это никому не даст ничего особенно хорошего. Что касается судьи, присяжные могут подумать - вы можете придерживаться совершенно противоположной точки зрения - присяжные могут подумать: "Хорошо, в целом, что бы другие люди ни говорили об этом конкретном судье, участвующем в данном деле, мы считаем, что он старался быть справедливым, - почему он не называет нам цифру?"

Если предположить, что судья, в данном случае я, должен назвать вам цифру, или обозначить рамки, то возникнет два варианта: первый - вы проигнорируете то, что я сказал, завысите сумму, или же сильно занижите ее, в случае чего, конечно же, проигравшей стороне это не понравится, и она обратится в Апелляционный суд со словами: "Смотрите, судья назвал сумму, а суд присяжных ее завысил, или занизил."

Предположим, вы приняли мое предложение, и присудили ту сумму, которую я рекомендовал, или близкую к ней. В таком случае, все, что я могу сказать, - это то, что вы бы потратили впустую ваше ценное время, рассматривая вопрос о компенсации ущерба, потому что вы бы выполняли роль марионеток - моих или какого бы то ни было другого судьи. Так, у нас нет того, что Апелляционный суд называет "перебиванием цены", и нет судей, пытающихся диктовать присяжным, какую сумму компенсации они должны присудить, и я без колебаний говорю: что бы ни говорили другие люди, я надеюсь и молю бога, во имя нашего закона и нашего суда, чтобы никогда не пришел тот день, когда судьи будут навязывать свое мнение присяжным, превращая их в марионетки.

Однако, Апелляционный суд позволяет мне - и более того, поощряет это - сказать немного больше. Может быть, я говорю это не словами Апелляционного суда, а своими словами, которые кому-то могут показаться простоватыми, но я говорю вам, что вы должны помнить, что такое деньги. Вы не имеете дело не игрушечными деньгами, и не должны накручивать нули просто потому, они хорошо смотрятся, - я знаю, что вы не будете этого делать. Вы должны рассматривать реальную ценность денег. Иногда говорят:

"Ну, сколько бы стоил дом определенного типа", и если вы присуждаете истребу в качестве компенсации столько денег, сколько домов он собирается купить? Я не имею в виду то, что лорд Алдингтон или любой другой истец возьмут эту компенсацию и пойдут покупать дом или несколько домов, но это соотносимо с теми вещами, о которых мы с вами кое-что знаем, если позволите, - потому что большинство из нас имеет довольно хорошее представление о том, сколько стоят дома. Итак, помните об этом."

12. В своем единогласном решении от 30 ноября 1989 года суд присяжных ответил на вопросы, заданные г-ном Судьей Дэвисом следующим образом:

"1. Доказал ли [заявитель] и г-н Ватц, что утверждения факта, содержащиеся в брошюре, соответствуют действительности?"

... Нет.

2. Содержит ли брошюра выражения мнения?"

... Да.

3. Доказали ли [заявитель] и г-н Ватц, что эти выражения мнения добросовестны, в том смысле, что они таковы, что справедливый по своей сути человек мог честно воспользоваться фактами, истинность которых доказана?"

... Нет.

4. (1) В чью пользу вы решаете - лорда Алдингтона или г-на Ватца?"

... Лорда Алдингтона.

(2) В чью пользу вы решаете - лорда Алдингтона или [заявителя]?"

... Лорда Алдингтона.

5. Какую сумму вы устанавливаете в качестве компенсации лорду Алдингтону?"

... 1,500,000 фунтов стерлингов."

Соответственно, г-н Судья Дэвис предписал заявителю и г-ну Ватцу, которые проиграли дело, выплатить компенсацию в размере вышеупомянутой суммы, которая приблизительно в три раза превысила самую большую сумму компенсации, когда-либо назначенную британским судом присяжных по делам о клевете. Кроме того, он удовлетворил требование лорда Алдингтона о судебном запрете (секция 37 Акта Верховного Суда), помимо прочих моментов, запрещающий осужденным публиковать, инициировать публикацию, разрешать публиковать, или же оказывать помощь, или участвовать, или содействовать публикации слов, содержащихся в оспоренной брошюре, или

"любых других слов или утверждений (выраженных любым способом), имеющих нижеописанный или любой сходный эффект, а именно, что истец [лорд Алдингтон], в связи с передачей в 1945 году советским или югославским силам военных или гражданских лиц, виновен в неповиновении, или обмане, или преступном, или позорном, или негуманном, или другом неподобающем или несанкционированном поведении, или ответствен за последующее обращение с любым из этих лиц в Советском Союзе или Югославии, - при том, что вышеупомянутым осужденным предоставляется свобода добиваться изменения или отмены этого судебного запрета".

Заявителю также было предписано оплатить издержки лорда Алдингтона.

2. Слушания в Апелляционном суде

13. Заявитель (но не г-н Ватц) подал апелляцию в Апелляционный суд по целому ряду оснований, часть которых касалась справедливости процесса. Помимо всего прочего, он критиковал г-на судью Дэвиса за то, что он выказывал откровенную враждебность в адрес подсудимых и постоянно перебивал их адвоката, высказывал саркастические замечания и допустил другие злоупотребления в отношении него. Он утверждал, что судья оскорбил и унижил свидетелей защиты. В своей заключительной речи он полностью или в большой степени умолчал или проигнорировал многие из наиболее важных для защиты аспектов дела и ввел в заблуждение суд присяжных относительно моментов, являющихся самыми важными в аргументах подсудимых. При даче суду присяжных указаний по вопросу о компенсации ущерба, характер замечаний судьи в значительной степени подталкивал присяжных к присуждению компенсации ущерба в крупном размере и отказу от альтернатив, которые были вполне реальны в данном контексте; сумма компенсации ущерба, в любом случае, была неадекватной и чрезмерной.

14. 9 января 1990 года лорд Алдингтон обратился в Апелляционный суд с требованием о вынесении судебного приказа, в соответствии с Предписанием 59, Правил 10 (5) 1965 года Правил Верховного Суда, об обеспечении заявителем суммы, которая покрыла бы затраты на протест его оппонента, если апелляция не будет удовлетворена. То, что заявитель не сможет оплатить соответствующие затраты, не обсуждалось.

15. В открытом письме от 2 февраля 1990 года лорд Алдингтон предложил не взыскивать сумму в 1,200,000 фунтов стерлингов из присужденной ему компенсации. В своем ответе заявитель подтвердил, что он не сможет гарантировать обеспечение суммы для покрытия издержек лорда Алдингтона во время процесса Апелляционном суде, и, утверждая, что процесс был пародией на правосудие, отклонил предложение.

16. В решении от 18 мая 1990 года, объемом в двадцать две страницы, Секретарь Апелляционного суда исследовал факты, предъявленные заявителем, и отклонил заявление об обеспечении суммы затрат. Секретарь заявил, что отсутствие денежных средств является основанием для требования об обеспечении суммы затрат при рассмотрении апелляции в Апелляционном суде. Осуществляя свое право на усмотрение в этом отношении, Апелляционный суд придал бы особое значение сути дела, или наоборот, данной апелляции. Если бы апелляция была несущественной или малозначительной, малоимущему апеллянту было бы предписано обеспечение суммы затрат. Если апелляция имела соответствующие перспективы на успех, суд не стал бы предписывать обеспечение суммы затрат.

Секретарь указал, что ему было нелегко решить, имела ли апелляция заявителя об ответственности достаточно оснований, чтобы оправдать разрешение на дальнейший ее ход без предоставления обеспечения суммы затрат - при том, что, если бы апелляция заявителя потерпела бы неудачу, у него не было денег, чтобы оплатить затраты лорда Алдингтона в апелляционном процессе. Он добавил, что, после некоторых колебаний, он посчитал, что по нескольким определенным пунктам апелляция имела достаточно оснований, чтобы он сделал вывод о том, что в этом случае не требуется обеспечения суммы затрат. Имела место вероятность того, что, если бы заявителю удалось убедить Апелляционный суд в том, что состоявшийся по его делу суд не был справедливым и что его дело не было представлено суду присяжных ясно и справедливо, Апелляционный суд вынес бы решение о возобновлении дела, несмотря на то, что шансы выиграть это дело в новом процессе у заявителя были невелики.

Приняв во внимание вышеизложенное, Секретарь суда не считал необходимым обсуждать довод адвоката лорда Алдингтона о том, что апелляция по поводу суммы компенсации является, по сути, учебным упражнением, - в связи с его предложением от 2 февраля 1990 года (см. п. 15 выше).

17. Апелляция лорда Алдингтона в отношении решения Секретаря суда была удовлетворена; он подал ее на пленарное заседание Апелляционного суда, который рассматривал этот вопрос в течение шести дней, с 9 по 17 июля 1990 года и вынес решение 19 июля 1990 года. В заключении члены Апелляционного суда привели следующие основания:

(а) Президент, сэр Стивен Браун

Апелляционному суду предстояло рассмотреть заявление заново и решить, будет ли приказ об обеспечении суммы затрат равносителен отказу заявителю в правосудии, принимая во внимание суть его апелляции. Критика, выраженная в основаниях апелляции заявителя, касалась не указаний г-на судьи Дэвиса, а, в частности, того, что заявитель, охарактеризовал как предвзятость и отсутствие беспристрастности со стороны судьи в пользу лорда Алдингтона и того, как судья разрешил три конкретных спорных вопроса по делу. Однако, критика была необоснованной. Было очевидно, что г-н судья Дэвис оставил решение по основным моментам дела на усмотрение суда присяжных, и все основные вопросы были рассмотрены в полном объеме и справедливо. Заключительное выступление судьи совершенно очевидно подвело присяжных к мысли о том, что те моменты, которые были выдвинуты защитой, имели первоочередное значение. Адвокату была предоставлена полная возможность выдвинуть на обсуждение аспекты предполагаемой ошибки, - и когда это считали необходимым, это делали. Далее, основные свидетели давали показания в целом приблизительно в течение тринадцати дней. Лорд Алдингтон, который был главным свидетелем по данному делу в том смысле, что предметом разбирательства было его поведение, находился на свидетельской трибуне не менее шести с половиной дней. Было бы невозможно предположить, что суд присяжных не принял полностью во внимание показания главных свидетелей, которые были всесторонне опрошены и подвержены перекрестному допросу в отношении всех существенных спорных вопросов по данному делу, и не действовал на их основании.

Дело полностью соответствовало критериям, согласно которым оно могло быть рассмотрено судом присяжных, что и было сделано должным образом. В этой связи сэр Стивен отметил,

что, на предварительном этапе, когда лорд Алдингтон просил, чтобы дело было рассмотрено одним только судьей, заявитель воспротивился этому.

Новое доказательство, предоставленное заявителем, не имело никакого веса в свете всех доказательств, предоставленных суду ранее.

Утверждение заявителя о том, что лорда Алдингтона поддерживала страховая компания "Сан Элиэнс" (Sun Alliance Insurance Company), не соответствовало действительности.

В результате, апелляция была безосновательной в плане вопроса об ответственности.

Сэр Стивен Браун добавил:

"Размер компенсации ущерба очень велик. Однако, нет никаких сомнений, что данный судья дал безупречные указания по поводу компенсации ущерба. [Заявитель] возражал, что судья подталкивал присяжных к присуждению чрезмерной суммы компенсации ущерба. Правильное чтение расшифровки стенограммы показывает, что он делал как раз противоположное. Это заявление безосновательно.

Сумма компенсации была полностью в пределах усмотрения присяжных, и они получили очень подробные указания относительно нее. Я не сомневаюсь, что имелось в виду привлечь их внимание к чрезвычайному масштабу этой грубой клеветы, которая была опубликована и в которой подсудимый упорствовал.

Однако, [Заявитель] пояснил, что его интерес лежит не столько в области вопроса о размере компенсации ущерба, сколько в области проблемы ответственности. Он желает продолжить суд с лордом Алдингтоном, если возможно, и настаивать на своем утверждении в новом судебном процессе. Фактически ему предлагали существенное сокращение размера компенсации ущерба, на 1.2 миллиона фунтов стерлингов. Он отклонил это предложение. Этот ход не был уступкой помощников адвоката истца в связи с чрезмерностью суммы компенсации; это было сделано при осознании того, что истец вряд ли мог получить присужденную ему сумму и был удовлетворен тем фактом, что суд присяжных своим решением полностью отрицал справедливость клеветнических утверждений, которые были опубликованы."

(b) Лорд судья Рассел

"Суд не будет спешить вмешиваться в решение суда присяжных, если в нем нет никаких отклонений от нормы при рассмотрении дела, что сделало бы решение не заслуживающим доверия или неудовлетворительным, или же позволило бы на должных основаниях утверждать, что решение вынесено неправильно. Почти такие же критерии должны применяться в данном случае.

Что касается отклонений от нормы при рассмотрении данного дела, - я не вижу ни одного...

Это дело и решение суда присяжных зависели по существу от правдивости лорда Алдингтона. Не было предъявлено какого-либо документа или документов, который давал бы основания не верить лорду Алдингтону. Если бы суд присяжных усомнился в правдивости показаний лорда Алдингтона, дело на этом бы и закончилось. Факт, что присяжные, решившие дело в его пользу и присудившие ему компенсацию ущерба, показывает, что в отношении наиболее важных аспектов дела они принимали доказательства истца. Предоставлял ли такой ход действий присяжным свободу для решения? По моему мнению, - разумеется, да...

По моему мнению, нет даже самого минимального шанса, что Апелляционный суд изменит приговор суда присяжных, решивших дело в пользу истца, и направит дело на пересмотр, - как на основании того, что решение является неправильным, так и на основании того, что появилось новое доказательство, которое [заявитель] хотел бы представить.

...

Наконец, что касается проблемы компенсации ущерба, в открытом письме [заявителю] предложили заменить полтора миллиона фунтов стерлингов, присужденных присяжными, суммой в 300,000 фунтов. Клевета остается настолько серьезной, насколько это только возможно представить. Любое обжалование, мотивированное только размером взыскания, было бы ничем иным, кроме как учебным упражнением. [Заявитель] желает возобновить дело полностью. По моему мнению, от материально несостоятельного ответчика правосудие требует обеспечение суммы на покрытие расходов истца по любой апелляции. "

(с) Лорд судья Белдам

"Было бы трудно измыслить утверждение, в большей степени рассчитанное на то, чтобы вызвать ненависть и презрение к ответчику со стороны его окружения, и доказательства, которые показали, что это утверждение было преднамеренно распространено и имело цель спровоцировать ответчика на преследование его в судебном порядке, - таким образом давая апеллянту возможность публично поставить под под вопрос поведение ответчика 45-летней давности...

Суд не должен возвращать дело на повторное рассмотрение после приговора, вынесенного судом присяжных, даже если бы он посчитал, что разумно мыслящие присяжные должны были решить дело иначе. Критерий, который этот суд был бы должен применить при рассмотрении апелляции, заключается в том, что является ли решение присяжных настолько необоснованным, что можно было бы сказать, что они не выполнили судебную обязанность, возложенную на них. Я снова заслушал факты и доказательства, квалифицированно изложенные апеллянтом. Он не сумел убедить меня, что у него есть какой-либо реальный шанс на успех в этой апелляции. Даже если он убедит суд вынести решение о пересмотре дела в плане компенсации ущерба, я буду считать маловероятной перспективу, чтобы любой суд присяжных, выполняющих свои судебные обязанности, присудил бы ответчику [лорду Алдингтону] сумму менее той, которую он сейчас уже предложил в качестве

компромисса по поводу этой апелляции. Таким образом, апеллянт не сумел убедить меня в том, что у него есть основания для апелляции, настолько реальные и значимые, чтобы обосновать решение такого суда о том, что особые обстоятельства его неспособности оплатить затраты ответчика в случае, если он проиграет дело, могут быть проигнорированы. "

18. Апелляционный суд предписал заявителю в течение четырнадцати дней гарантировать обеспечение суммы издержек лорда Алдингтона в апелляционном процессе в размере 124,900 фунтов стерлингов. В случае непредоставления этой гарантии, апелляция должна была быть отклонена. Суд также отклонил просьбу заявителя о продлении четырнадцатидневного срока, чтобы он мог попытаться достать денег. Кроме того, Апелляционный суд предписал заявителю оплатить затраты лорда Алдингтона (в размере 22,000 фунтов стерлингов) в качестве обеспечения суммы издержек в процессе. Решение занимает двадцать три страницы.

Заявитель не предоставил требуемую гарантию об обеспечении, и его заявление было отклонено 3 августа 1990 года.

19. На тот момент заявитель не выплатил лорду Алдингтону даже части суммы компенсации ущерба или суммы затрат.

С. Рассмотрение дела внутригосударственными судами

20. В 1993 года заявитель обратился в Апелляционный суд за разрешением на несвоевременную апелляцию в отношении решения Высокого Суда от 30 ноября 1989 года и за разрешением представить новые доказательства. В сентябре 1993 года Секретарь суда сообщил ему, что Апелляционный суд не имеет на это полномочий, так как суть апелляции была той же самой, что и в апелляции, которая уже была отклонена.

21 февраля 1994 года заявитель подал в Высокий Суд исковое заявление в отношении лорда Алдингтона, требуя отмены решения от 30 ноября 1989 года на основании мошенничества. Он также требовал снижения суммы компенсации и смягчения приговора в других аспектах. Лорд Алдингтон обратился в Суд с требованием отклонить иск на основании его необоснованности, недобросовестности и процессуального злоупотребления.

Решением от 14 октября 1994 года г-н судья Коллинз отклонил иск на основании процессуального злоупотребления, поскольку заявитель не смог обосновать, что новые доказательства могли бы уличить лорда Алдингтона в лжесвидетельстве. В решении от 30 ноября 1994 года г-н судья Коллинз предписал помощникам адвоката заявителя, которые оказали финансовую поддержку в возбуждении нового дела, действуя бесплатно, оплатить 60% затрат лорда Алдингтона в процессе. Заявитель собирается подать апелляцию в Апелляционный суд.

II. Применимое национальное законодательство

A. Ответственность и компенсация ущерба в делах о диффамации

21. Согласно английскому законодательству, процедуры о клевете и оскорблении представляют собой дела частного обвинения, цель которых состоит в том, чтобы защитить репутацию истца и взыскать компенсацию за ущерб, нанесенный неправомерной

публикацией дискредитирующих заявлений в отношении истца третьему лицу или лицам. По этим искам ответчик может доказывать правдивость материала, содержащего дискредитирующие сведения, и таким образом показать, что истцу не было причинено ущерба. Несмотря на то, что ущерб может быть нанесен публикацией, если опубликованные факты соответствуют действительности, закон не предусматривает защиты в подобных случаях (см. Законы Англии Халсбери, издание четвертое, том 28, п. 1 (Halsbury's Laws of England, Fourth Edition, vol. 28, paragraph 1)).

22. Строгое правило об ответственности применяется в случаях нарушения законодательства о клевете:

"Человек может добросовестно опубликовать клеветнические сведения, веря в то, что они соответствуют действительности, и суд присяжных может счесть, что он действовал добросовестно, веря в их правдивость, но что на самом деле утверждение было ложным. При подобных обстоятельствах он не имеет право на защите по иску, какими благими ни были бы его намерения. " (Лорд Лорберн LC по апелляционным жалобам "Халтон против Джонса" 20 [1910] (Палата лордов), стр. 23-24 (Lord Loreburn LC in *Hulton v. Jones* [1910] Appeal Cases 20 (House of Lords), at pp. 23-24))

Закон презюмирует в пользу истца, что утверждения ложны, если ответчик не докажет обратное, и до тех пор, пока он не докажет обратное (Гэтли, "Клевета и клеветнические утверждения", издание восьмое, п. 5, стр. 6 (Gatley, Libel and Slander, Eighth Edition, paragraph 5, p. 6)).

Если попытки ответчика доказать, что утверждения истинны, потерпят неудачу, - скорее всего, это повлечет за собой увеличение суммы компенсации (Дункан и Нейлл о диффамации, издание второе, п. 18.14, стр. 129 (Duncan and Neill on defamation, Second Edition, paragraph 18.14, p. 129)).

23. Цель компенсации ущерба в законодательстве о клевете такова, как это заявлено лордом Хейлшемом в делах по апелляционным жалобам "Брум против Касселла и Компании Ltd" ([1972], Апелляционные жалобы 1027, стр. 1071 (Lord Hailsham in *Broome v. Cassell & Co. Ltd* [1972] Appeal Cases 1027, at p. 1071), цитировано лордом Дональдсоном в деле "Сатклифф против Прессдрам Ltd" [1991], Суд королевской скамьи 153, стр. 189 (Lord Donaldson in *Sutcliffe v. Pressdram Ltd* [1991] 1 Queen's Bench 153, p. 189)):

"В отношении исков о диффамации и любых других исков, где присутствует компенсация ущерба за ущерб репутации, принцип полного восстановления в правах (restitutio in integrum) обязательно приобретает даже более субъективный аспект. Такие иски влекут денежное вознаграждение, которое может поставить истца в чисто финансовом смысле в гораздо более сильную позицию по сравнению с той, в какой он был до правонарушения. Он может не просто вернуть предполагаемую сумму своего прошлого и будущего ущерба, - в случае, если клеветнические утверждения, до определенного времени пребывающие в затишье, в какой-то момент будущего вдруг снова выплывут наружу, он должен будет указать на сумму компенсации, присужденную присяжными, достаточную для того, чтобы убедить постороннего человека в обоснованности обвинения. " ... Оклеветанный человек не получает

компенсацию за свою испорченную репутацию. Он получает компенсацию потому, что ему был нанесен ущерб в плане репутации, то есть просто потому, что он был публично дискредитирован. По причине этого, компенсация ущерба работает в двух направлениях: как восстановление доброго имени истца в глазах общественности и как утешение ему за причиненное зло... Вполне очевидно, что вознаграждение должно включать факторы ущерба, причиненного чувствам истца, беспокойства и неуверенности, которые он испытывал во время тяжбы, отсутствие извинений, или повторное подтверждение правдивости тех аспектов дела, которые обжаловались в судебном порядке, или злой умысел ответчика ... "

В. Функции судьи и присяжных в Высоком Суде по делам о диффамации

24. Если рассматриваемые высказывания могут быть обоснованно поняты как дискредитирующие, судья должен оставить на усмотрение суда присяжных решить, действительно ли они порочат истца. Если они не отвечают этому требованию, он должен вынести решение в отношении ответчика, не оставляя дело на рассмотрение присяжных.

Судья, решая надлежащим образом вопрос о том, будет ли дело о клевете рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства, или же должно перейти в рамки судопроизводства уголовного и быть передано на рассмотрение суда присяжных, должен определить, что есть клевета с точки зрения закона, и передать дело суду присяжных, чтобы они приняли решение о том, подпадает ли данная публикация под это определение или нет.

Оценка ущерба - это непосредственно сфера действий присяжных, и судья, если он не ведет процесс один, не должен самостоятельно принимать решение о его размерах. Он должен дать суду присяжных указания относительно существенных факторов, таких, как объем публикации, степень, в которой этим высказываниям поверили бы, или круг людей, обладающих специальными знаниями, необходимыми для восприятия значения намека, положение и статус истца, поведение истца и подсудимого и все обстоятельства дела (см. "Законы Англии" Халсбери, издание четвертое, том I. 28, п.п. 225, 227 и 232 (Halsbury's Laws of England, Fourth Edition, vol. 28, paragraphs 225, 227 and 232)).

25. Что касается суммы компенсации ущерба, которую могут присудить присяжные во время процесса по делу клевете, она не имеет ни верхнего, ни нижнего предела. В отношении вышеупомянутого дела "Сатклифф против Прессдрам Ltd" лорд Доналдсон подчеркнул, что обращение присяжных к другим делам будет скорее запутывать, чем помогать присяжным, и что любая попытка адвоката или судьи обговорить конкретные числа привела бы к напрасному завышению или занижению суммы компенсации и к возникновению опасности риска узурпировать истинную функцию суда присяжных. Однако, судья может давать присяжным некоторые инструкции, чтобы помочь им в понимании реальной ценности очень крупных сумм денег, - например, предлагая им рассмотреть регулярный доход, который мог бы быть получен при вложении этой суммы (см. упомянутое выше дело "Сатклифф против Прессдрам Лтд", лорд Доналдсон, стр. 178; см. также лорд Норс, стр. 186, и лорд Расселл, стр. 190-91).

С. Полномочия Апелляционного суда по рассмотрению размера компенсации ущерба, назначенной судом присяжных

26. В то время, в соответствии с Указом 59, Правил 11 Правил Верховного Суда от 1965 года, Апелляционный суд имел полномочия отменить решение Высокого Суда и возобновить дело, назначив новые слушания. В Правиле 11 (1 – 3) говорится следующее:

"(1) Во время процесса по любой апелляции Апелляционный суд, если считает нужным, может вынести любой судебный приказ такого рода, - как это может быть сделано при рассмотрении заявления о назначении нового процесса, - или же отменить решение или приговор нижестоящего суда.

(2) Апелляционный суд не обязан назначать повторное рассмотрение дела на основании неверного направления предыдущего рассмотрения, или факта ошибочно принятых или отклоненных доказательств, или потому, что решение присяжных не было принято по вопросу, который судья в ходе процесса не должен был оставлять на их усмотрение, -если только, по мнению Апелляционного суда, это не стало причиной существенного отклонения или ошибки.

(3) Новое рассмотрение дела может быть назначено в отношении любого вопроса, без вмешательства в заключение и решение по любым другим вопросам; если Апелляционный суд сочтет, что любая подобная неправильность или ошибка, упомянутая в п.2, влияет только на один аспект предмета разногласий, или затрагивает только одну или несколько сторон в процессе, суд может назначить повторное рассмотрение дела в отношении только той стороны или сторон, и вынести окончательное решение по остальным аспектам дела.

(4) ... "

Что касается критерия, который Апелляционный суд должен применять при осуществлении своего права на отмену вердикта присяжных о сумме компенсации ущерба, лорд Килбрэндон в апелляционных делах "Брум против Кассела и Компании Лтд." ([1972]) 1027, стр. 1135) (Lord Kilbrandon in Broome v. Cassell & Co. Ltd ([1972] Appeal Cases 1027, p. 1135)) заявил, что для суда было недостаточным заключение о чрезмерности суммы компенсации ущерба; суд должен был задать вопрос о том, могла ли эта компенсация быть назначена сознательными людьми, или же они пришли к этой сумме спонтанным, несознательным или нелогичным путем.

27. Согласно Правилу 11 (4), которое было в силе в данный период времени, Апелляционный суд не имел никаких полномочий снижать или увеличивать сумму компенсации ущерба, присужденную присяжными, вместо назначения нового процесса по делу, - если заинтересованная сторона или стороны не возражали.

Начиная с 1 февраля 1991 года, когда в силу вошел Акт о Судах и Юридических Службах, принятый в 1990 году, в соответствии с разделом 8 (2) этого Акта Апелляционный суд приобретает полномочия заменить сумму компенсации ущерба, присужденной присяжными, суммой по своему усмотрению вне зависимости от того, соглашаются ли на это стороны. В Правиле 11 (4) Предписания 59, исправленном и дополненном в свете вышеупомянутом разделе 8, говорится:

"В отношении любого дела, по которому Апелляционный суд уполномочен назначить новый процесс на основании чрезмерности или неадекватности суммы компенсации ущерба, суд вправе, вместо назначения нового разбирательства дела, заменить сумму компенсации, присужденной присяжными, суммой, которая представляется ему адекватной, - кроме тех случаев, когда, как уже было упомянуто, Апелляционный суд не имеет полномочий снижать или увеличивать сумму компенсации ущерба, назначенную присяжными."

28. В деле "Ранцен против "Миррор Груп Ньюспейперз (1986) Лтд." (Rantzen v. Mirror Group Newspapers (1986) Ltd) ([1993] 3, Еженедельные Юридические Отчеты, стр. 953 ([1993] 3 Weekly Law Reports, p. 953)) Апелляционный суд осуществил свои полномочия в соответствии с секцией 8 Акта о Судах и Юридических Службах, принятого в 1990 году и новым Предписанием 59, Правило 11 (4). Разъясняя свои полномочия на назначение нового рассмотрения дела или замену суммы компенсации ущерба, присужденной присяжными, на основании чрезмерности суммы, назначенной присяжными, Апелляционный суд, заявил, что предоставление почти неограниченных пределов усмотрения не обеспечило удовлетворительного критерия для решения о том, что является "необходимым в демократическом обществе" или "оправданным острой общественной потребностью", в целях Статьи 10 Европейской Конвенции о правах человека. Прецедентное право, понятое должным образом, требовало от судов уделять крупным суммам компенсации ущерба более пристальное внимание, чем было принято раньше. Это явилось следствием мнения, что планка барьера, ограждающего от вмешательства, должна быть снижена. Вопрос встал следующим образом:

"Мог ли справедливый суд присяжных счесть, что эта сумма была необходима истцу в качестве компенсации и для восстановления его репутации? "

Что касается указаний, которые судья мог давать присяжным, Апелляционный суд не был убежден, что пришло время ссылаться на суммы компенсаций, назначенные судом присяжных по предыдущим делам о клевете. Не имелось никакого удовлетворительного критерия относительно того, каким образом суммы компенсации, назначенные в делах, где имел место серьезный личный ущерб, могли быть приняты во внимание. Можно было только надеяться, что со временем ряд решений Апелляционного суда, принятых в соответствии с разделом 8 Акта о Судах и Юридических Службах 1990 года, установил бы определенные нормы относительно того, что является "надлежащей" компенсацией. До этого момента присяжным следовало рассматривать покупательную способность любой компенсации, которую они могли назначить, и убеждаться в том, что любая присуждаемая ими компенсация пропорциональна ущербу, нанесенному истцу, и действительно является той суммой, которую необходимо ему предоставить, чтобы обеспечить адекватную компенсацию и восстановить его репутацию.

Апелляционный суд заключил, что, хотя очень существенная компенсация и была четко обоснована в данном деле - с точки зрения объективных стандартов разумной компенсации, или необходимости, или пропорциональности, - компенсация в размере 250,000 фунтов стерлингов является чрезмерной, и заменил ее суммой в 110,000 фунтов стерлингов.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

29. В заявлении графа Толстого в Комиссию от 18 декабря 1990 года (номер 18139/91) содержалась жалоба на то, что его дело не получило справедливого рассмотрения беспристрастным судом, как того требует п. 1 статьи 6 Конвенции. Кроме того, первоначально ссылаясь на статью 13 Конвенции (право на эффективное средство судебной защиты), а впоследствии опираясь на п. 1 статьи 6, заявитель далее утверждал, что предписание Апелляционного суда, ставящее его право на апелляцию в зависимость от выплаты суммы в 124,900 фунтов стерлингов в качестве обеспечения суммы затрат лорда Алдингтона, повлекло за собой нарушение его права на доступ к суду. Наконец, он утверждал, что сумма компенсации ущерба в размере 1,500,000 фунтов стерлингов и судебный запрет, вынесенный Высоким Судом, представляют собой нарушение его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции.

30. 20 февраля 1992 года Комиссия объявила решение о неприемлемости жалобы в части несправедливости процесса; 12 мая 1993 года объявила о приемлемости остальных пунктов заявления. В своем отчете от 6 декабря 1993 года (статья 31) Комиссия выразила мнение, что не имелось никакого нарушения права заявителя на доступ к суду, в соответствии со Статьей 6 в п. 1 (десятью голосами против пяти), но что имело место нарушение его права на свободу выражения мнения, в соответствии со статьей 10 (единогласно). Полный текст заключения Комиссии и особого мнения, содержащихся в отчете, воспроизведен в приложении к данному решению.¹

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

31. На публичных слушаниях, которые состоялись 21 января 1995 года, как и в подробном изложении своих материалов, Правительство пыталось убедить Суд в том, что факты не раскрыли какого-либо нарушения статьи 6 или статьи 10 Конвенции в данном деле.

32. По тому же поводу заявитель аналогично сформулировал свои аргументы в подробном изложении материалов, убеждая Суд вынести постановелние в пользу того, что нарушение статей 6 и 10 имело место, и предоставить ему справедливое удовлетворение в соответствии со статьей 50 Конвенции.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

33. Заявитель утверждал, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, в которой говорится:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая Статья не

Примечание Секретаря Суда:

¹ по объективным причинам это приложение появится только вместе с печатной версией решения (том 316-B Серии А Публикаций Суда (volume 316-B of Series A of the Publications of the Court)), но с копией отчета Комиссии можно ознакомиться в Секретариате Суда.

препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями, или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, для предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, для предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Он утверждал, что сумма компенсации ущерба, которую он должен был выплатить в соответствии с вынесенным не в его пользу решением, не может быть расценена как "предписанная законом". Кроме того, размер компенсации и широкий охват судебного запрета неадекватны цели защиты "репутации или прав" лорда Алдингтона и таким образом не являются "необходимыми в демократическом обществе".

34. Правительство оспаривало эти утверждения. Комиссия разделила мнение заявителя о неадекватности размера компенсации ущерба, но не высказала ничего в отношении других аспектов его жалобы.

35. Суд считает, во-первых, что дело, представленное на его рассмотрение, ограничивается исключительно жалобой относительно назначенной суммы компенсации ущерба и вынесенного судебного запрета. В этом отношении оно отличается от дел о диффамации, рассмотренных до настоящего времени (см., к примеру, постановления по делам «Лингенс против Австрии» («Lingens v. Austria») от 8 июля 1986 года, Серия А, № 103, стр. 24-28, п.п. 34-47; «Кастеллс против Испании» («Castells v. Spain») от 23 апреля 1992 года, Серия А, № 236, стр. 20-24, п.п. 33-50; «Торгер Торгерсон против Исландии» («Thorgeir Thorgeirson v. Iceland») от 25 июня 1992 года, Серия А, № 239, стр. 24-28, п.п. 55-70), в которых вопрос касался как исключительно только решения, определяющего ответственность, так и одновременно и решения, и санкции.

И сумма компенсации ущерба, и судебный запрет очевидно явились вмешательством в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения, как это гарантировано п.1 статьи 10, и это не вызвало возражений сторон в Суде. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если не было "предписано законом", не преследовало цель или цели, которые являются законными в соответствии с п. 2 статьи 10, и не было "необходимым в демократическом обществе" для достижения вышеупомянутых цели или целей.

А. Была ли сумма компенсации ущерба "предписана законом"?

36. Что касается размера назначенной компенсации, заявитель возражал, говоря, что такая сумма не была "предписана законом".

1. Общие принципы

37. Выражение "предписано законом" в п. 2 статьи 10 должно толковаться в свете общих принципов, касающихся соответствующих слов "согласно закону" в п. 2 статьи 8 (см. постановление по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства» (№ 1) («Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)») от 26 апреля 1979 года, Серия А, № 30, стр. 30-31, п.п. 48-49; ср. с постановлением по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» («Malone v. the United Kingdom») от 2 августа 1984 года, Серия А, № 82, стр. 31, п. 66), которые были резюмированы в постановлении по делу «Маргарета и Роджер Андерссон против Швеции» («Margareta and Roger Andersson v. Sweden») от 25 февраля 1992 года (Серия А, № 226-А, стр. 25, п. 75) следующим образом:

" ... выражение мнения... требует, во-первых, чтобы оспариваемые меры были закреплены во внутригосударственном законодательстве. Это относится также к качеству рассматриваемого закона, от которого требуется, чтобы он был доступным для всех лиц, имеющих к нему отношение, и достаточно четко сформулированным для того, чтобы они могли - пользуясь соответствующей консультацией, если это необходимо, - предвидеть степень, которая является разумной в сложившейся ситуации, тех последствий, которые данное действие может повлечь за собой. Закон, предусматривающий свободу действий, не противоречит этому требованию, - при условии, что диапазон свободы действий и способ ее осуществления сформулированы достаточно четко в отношении рассматриваемой законной цели, чтобы обеспечить индивидууму адекватную защиту от произвольного вмешательства."

Суд далее повторяет, что слово "закон" включает в себя не только законодательные акты, но также и прецедентное право (см. упомянутое выше постановление по делу "Санди Таймс против Соединенного Королевства", стр. 30, п. 47).

2. Применение вышеописанных принципов

38. Заявитель не отрицал, что компенсация ущерба имела основание во внутригосударственном законодательстве. Однако, его жалоба заключалась в том, что данный закон не давал ему возможности в разумной степени предвидеть, что сумма ущерба достигнет величины 1.5 миллиона фунтов стерлингов.

В английском прецедентном праве не было установлено верхнего или нижнего пределов размера компенсации ущерба. Пределы, в которых судья мог давать указания, были четко обозначены. Не могло быть предложено никаких определенных цифр, и суммы компенсации ущерба в других делах о клевете или даже в делах о личном вреде не должны были приниматься во внимание с целью сравнения. Указания могли даваться единственно для того, чтобы помочь присяжным оценить реальную ценность крупных денежных сумм, - например, призывая их подумать о стоимости дома (см. п. 25 выше). В то время в английском законодательстве не было какого-либо признанного принципа, который требовал бы, чтобы сумма компенсации была пропорциональна цели восполнения ущерба, причиненного репутации истца. Суд присяжных не привел никаких доводов для обоснования своего решения, и сумма компенсации могла быть отклонена Апелляционным судом только в том случае, если она была бы настолько чрезмерной, что не могла быть присуждена сознательными людьми, или же они пришли к этой сумме спонтанным, несознательным или нелогичным путем (см. п.п. 24, 26 и 28 выше).

Заявитель указал на то, что, как следствие вышеупомянутого, судья, участвующий в рассмотрении его дела, не дал суду присяжных указаний обеспечить пропорциональность суммы компенсации по отношению к ущербу, который потерпел лорд Алдингтон. Присяжные, напротив, подталкивались к рассмотрению "громкой компенсации ущерба" и получили от судьи информацию о том, что "по делам о диффамации нет никакой шкалы, устанавливающей размер компенсации ущерба" (см. п. 11 выше). Назначенная компенсация ущерба, даже при том, что она, как предполагалось, не включала в себя каких-либо штрафов, в три раза превысила самую большую компенсацию, когда-либо назначенную английским судом присяжных по делам о клевете (см. п. 12 выше), и была существенно больше суммы, которая должна была быть присуждена истцу, пребывающему в постоянном и чрезвычайно серьезном физическом или умственном расстройстве под влиянием действия, направленного на причинение личного ущерба. Адвокаты заявителя не смогли бы предсказать, что будет назначена компенсация такой величины.

39. Правительство возражало, что такое средство защиты права, как компенсация ущерба за клевету, назначенная в деле заявителя, должно быть гибким, - для того, чтобы быть применимым к фактам каждого конкретного дела, особенно к фактам столь исключительного дела, как данное. Только обладая такой гибкостью, закон может достичь цели компенсации, в соответствии с законом о клевете, а именно уполномочивать присяжных присуждать, в свете соответствующих критериев общего закона (см. п. 23 выше), такую компенсацию ущерба, которая считалась бы адекватной при данных обстоятельствах. В любом случае, в задачи Суда не входит общая оценка английского закона о клевете.

40. Суд обращает внимание, во-первых, на то, что клевета, по мнению суда присяжных, имеет исключительно серьезный характер. Действительно, в ходе слушаний в Высоком Суде, адвокат заявителя и сам заявитель признали, что, в случае установления факта клеветы, суд присяжных должен был бы назначить очень существенную компенсацию ущерба (см. п. 11 выше).

41. Суд соглашается с тем, что национальные законы должны учитывать неограниченное разнообразие фактических ситуаций при назначении компенсации за ущерб репутации. Допускается значительная степень гибкости для того, чтобы дать суду присяжных возможность оценить ущерб в отношении к фактам конкретного дела. Действительно, это отражено в заключительной речи судьи на процессе по данному делу, обращенной к присяжным (см. п. 11 выше). Из этого следует, что отсутствие определенных руководящих принципов в юридических правилах, регулирующих оценку ущерба, должно рассматриваться как неотъемлемая черта закона о компенсации ущерба в этой области.

Таким образом, то, что заявитель, даже при соответствующей юридической консультации, мог с какой-либо степенью уверенности прогнозировать сумму компенсации ущерба, которая могла быть присуждена в его конкретном деле, - не соответствует требованию, вложенному в понятие "предписано законом" в статье 10 Конвенции.

42. Далее было отмечено, что пределы усмотрения, предоставленные суду присяжных при оценке ущерба, не были безграничными. Присяжные были обязаны принять во внимание такие факторы, как ущерб чувствам, беспокойство и неуверенность, сопутствующие разбирательству дела, отсутствие извинений, повторное подтверждение правдивости аспектов, по поводу которых была подана апелляция, защита репутации истца (см. п. 23 выше). Дать указания суду присяжных относительно положений законодательства было

делом судьи, участвующего в рассмотрении дела. Кроме того, Апелляционный суд имел полномочия отменить компенсацию, помимо прочих моментов на основании нелогичности, и назначить новое разбирательство. Поэтому очевидно, что, несмотря на то, что принцип пропорциональности как таковой не был предусмотрен в соответствующем национальном законодательстве, решения о суммах компенсаций были заключены в рамки целого ряда ограничений.

43. При рассмотрении дела судом присяжных, недостаточное обоснование сумм компенсаций ущерба - это норма, по большому счету неизбежная. Таким образом, претензия заявителя по поводу того, что отсутствие обоснования повредила его возможности предвидеть особенно крупный размер компенсации, которая была назначена в данном деле, неубедительна. Кроме того, это возражение могло бы быть отнесено к любой компенсации, какой бы ни была ее величина, и касается не столько размера компенсации, сколько самой сути суда присяжных.

44. Учитывая факт того, что высокая степень гибкости в данной области оправдана (см. п. 41 выше), различные критерии, которые должны быть приняты во внимание присяжными при оценке ущерба, а также пересмотр дела, осуществленный Апелляционным судом, Суд приходит к выводу, что соответствующие юридические правила, регулирующие компенсации ущерба за клевету, были сформулированы достаточно четко. Другими словами, компенсация ущерба была "предписана законом".

В. Преследовали ли компенсация ущерба и судебный запрет "законную цель"?

45. Компенсация ущерба и судебный запрет очевидно преследовали законную цель защиты "репутации или прав других". Это не оспаривалось.

С. Были ли компенсация ущерба и судебный запрет "необходимы в демократическом обществе"?

1. Компенсация ущерба

46. Заявитель и Комиссия придерживались мнения, что компенсации ущерба, присужденная в размере 1.5 миллиона фунтов стерлингов, была неадекватна законной цели защиты репутации или прав лорда Алдингтона. Заявитель указал, что в то время судебный контроль над суммами компенсации ущерба в делах о диффамации был недостаточен для того, чтобы гарантировать адекватность таких компенсаций.

Далее он подчеркнул, что суду присяжных не было дано указания рассмотреть, как фактор в пользу уменьшения размера компенсации, то, что клеветническая критика касалась действий, выполненных лордом Алдингтоном как должностным лицом в официальной должности, и поднимала вопросы огромной общественной значимости. В английском законодательстве не учитывалась важность этих факторов, свидетельствующих в пользу допущения широких границ приемлемой критики.

Далее, суду присяжных были даны указания относительно того, что попытка обосновать утверждения усугубляет нанесенный ущерб. Этот принцип, в совокупности со строгим положением об ответственности в делах о клевете, выливался в наложение более тяжелого наказания на подсудимого, который сделал свои заявления добросовестно, но которому не

удалось доказать их истинность, чем на подсудимого, который, заведомо зная, что лжет, не сделал никаких попыток обосновать свои утверждения (см. п. 22 выше).

47. Правительство утверждало, что размер компенсации ущерба разумно и адекватно соотносится с целью компенсации ущерба, нанесенного лорду Алдингтону, и целью восстановления его репутации. Оно указало на то, что статья 10 налагает "обязанности и ответственность". Брошюра заявителя была лжива и несправедлива и явно создана с целью спровоцировать возбуждение дела о клевете. Несмотря на то, что суд присяжных не предоставил каких-либо обоснований, - как отметил Апелляционный суд, было очевидно, что присяжные присудили такую большую сумму компенсации ущерба из-за чудовищности клеветы. Апелляционный суд был удовлетворен тем, что компенсация в размере 1.5 миллиона фунтов стерлингов стала целесообразным ответом присяжных на исключительные обстоятельства клеветы, которые они рассматривали. Иначе, как это наглядно демонстрируется в решении по делу "Сатклифф против Прессдрам Ltd" (Sutcliffe v. Pressdram Ltd), Апелляционный суд мог бы отменить компенсацию и назначить новое рассмотрение дела.

Правительство далее утверждало, что, по мнению Апелляционного суда, суд присяжных получил очень подробные указания от судьи, участвующего в рассмотрении дела (см. п. 17 выше). Кроме того, как судья объяснил присяжным, обращение суда присяжных к другим делам было бы неуместно и бесполезно, потому что факты и обстоятельства очень различны, - как и обращение к определенным суммам денег, так как определение размера компенсации ущерба является исключительно прерогативой суда присяжных (см. п. 11 выше).

Кроме того, на процессе в Высоком Суде и адвокат заявителя, и сам заявитель подтвердили, что если лорд Алдингтон выиграл бы возбужденное им дело о клевете, он должен был бы получить очень существенную сумму (см. п. 11 выше). В Апелляционном суде заявитель не выказал интереса относительно размера компенсации ущерба, а ранее он отклонил предложение лорда Алдингтона принять 300,000 фунтов стерлингов (см. п.п. 15 и 17 выше). Предложение осталось открытым, и заявитель мог в любое время уменьшить свою ответственность на 1.2 миллиона фунтов стерлингов, если он действительно этого хотел.

48. В самом начале Суд напоминает, что область пересмотра им дела ограничивается размером компенсации ущерба, как он был оценен судом присяжных при обстоятельствах судебного контроля, существующего в то время, и не распространяется на решение суда присяжных о факте клеветы. Из этого следует, что оценка им фактов даже более ограничена, чем в случае, если бы жалоба касалась также последнего пункта.

В этой связи, необходимо также обратить внимание, что восприятие того, что является надлежащим ответом общества на высказывания, которые не подлежат защите или объявлены не подлежащими защите статьей 10 Конвенции, может сильно отличаться в зависимости от страны - Высокого Договаривающегося Государства. Компетентные и авторитетные национальные специалисты смогут лучше оценить дело, чем Европейский Суд, и поэтому им должны быть предоставлены более широкие пределы усмотрения в этом отношении.

49. С другой стороны, факт того, что заявитель отказался принять предложение лорда Алдингтона согласиться на меньшую сумму (см. п. 15 выше), согласно Конвенции, не

уменьшает ответственность Соединенного Королевства в отношении оспариваемой суммы компенсации ущерба.

Однако, Суд принимает во внимание факт, что сам заявитель и его адвокат согласились с тем, что если бы присяжные вынесли решение о факте клеветы, они должны были бы назначить очень существенную компенсацию ущерба (см. п. 11 выше). И хотя это - важный момент, о котором следует помнить, - он не означает, что суд присяжных вправе назначить любую сумму компенсации, которую посчитает нужным, - поскольку, согласно Конвенции, компенсация ущерба за диффамацию должна разумно и адекватно соотноситься с ущербом, нанесенном репутации.

Присяжным были даны указания не наказывать заявителя, а только присудить сумму, которая компенсировала бы лорду Алдингтону моральный ущерб (см. п. 11 выше). Назначенная сумма в три раза превысила размер самой большой компенсации по делу о клевете, ранее присужденной в Англии (см. п. 12 выше), и с тех пор не было назначено ни одной компенсации сопоставимой величины. Вопрос о компенсации данного размера должен оставаться в очень большой степени открытым, - ввиду того, что независимый национальный закон, применяемый в то время, оказался не в состоянии обеспечить необходимое условие адекватности.

50. В этом отношении необходимо отметить, что в соответствующее время национальное законодательство предоставляло присяжным большую свободу действий. Апелляционный суд не мог отменить компенсацию просто на основании ее чрезмерности; это было возможно только в том случае, если сумма компенсации была настолько вне пределов разумного, что не могла быть вынесена сознательными людьми, - и они пришли к этой сумме спонтанным, несознательным или нелогичным путем (см. п. 26 выше). В недавнем деле, "Ранцен против "Миррор Груп Ньюспейперс Ltd (Rantzen v. Mirror Group Newspapers Ltd)", сам апелляционный суд сделал вывод о том, что предоставление почти неограниченных пределов усмотрения суду присяжных не может обеспечить удовлетворительный критерий для решения, что именно является "необходимым в демократическом обществе" для целей, обозначенных в Статье 10 Конвенции. Он отметил, что прецедентное право - будучи понято должным образом - требовало, чтобы суды уделяли большим суммам компенсации ущерба более пристальное внимание, чем в обычных случаях. Что касается указаний, которые судья мог давать присяжным, Апелляционный суд выразил надежду, что со временем ряд решений Апелляционного суда, принятых по делам по разделу 8 Акта о Судах и Юридических Службах, установил бы определенные стандарты в отношении того, что является "надлежащей" суммой компенсации. Тем временем присяжным должно быть предложено рассмотреть покупательную способность любой компенсации, которую они могли бы назначить, и гарантировать, что любая назначенная ими компенсация пропорциональна ущербу, нанесенному истцу, и является той суммой, которую необходимо предоставить, чтобы обеспечить адекватную компенсацию и восстановить его репутацию (см. п. 28 выше).

Суд может только подтвердить вышеизложенные высказывания Апелляционного суда о том, что возможности судебного контроля во время процесса по делу заявителя и рассмотрения его апелляции не предполагали адекватных и эффективных мер по предотвращению непропорционально большого размера компенсации.

51. Соответственно, принимая во внимание размер компенсации в деле заявителя в совокупности с отсутствием адекватных и эффективных мер предотвращения

непропорционально большого размера компенсации в данное время, Суд считает, что имело место нарушение прав заявителя в соответствии со статьей 10 Конвенции.

2. Судебный запрет

52. Заявитель далее утверждал, что судебный запрет (см. п. 12 выше) был неадекватен цели защиты репутации или прав лорда Алдингтона. Он имел очень большой размах и был вынесен в результате решения присяжных, которое не было каким-либо образом обосновано и которое судья интерпретировал самым широким образом, каким только было возможно. Он препятствовал любым комментариям о роли лорда Алдингтона в передаче казаков и югославов и публикации любых критических комментариев о действиях Пятого Корпуса, которые могли бы повредить лорду Алдингтону, вне зависимости от того, упоминалось его имя или нет. Поскольку апелляция не была удовлетворена, заявление с требованием изменить или отменить судебный запрет никак не могло достигнуть цели, в соответствии с состоянием английского права. Он явился постоянным и серьезным вмешательством в возможность заявителя продолжать выполнять свою профессию историка, препятствуя ему публиковать результаты его исследований в отношении рассматриваемых событий.

В любом случае, судебный запрет был неадекватным, если рассматривать его вместе с компенсацией как меры, частично выполняющие одну и ту же функцию. Присуждая компенсацию, присяжные не знали, что судья вынесет судебный запрет. Таким образом, очень вероятно, что вознаграждение было предназначено не только для того, чтобы компенсировать ущерб лорду Алдингтону, но также и помешать заявителю публиковаться в будущем.

53. Правительство оспаривало эти утверждения. Оно утверждало, что в свете решения, вынесенного присяжными, судья имел право предотвратить повторение клеветы заявителем в будущем, и это было целью судебного запрета. Несмотря на то, что адвокату заявителя во время суда дали возможность прокомментировать формулировку судебного запрета, он не высказал никаких возражений ни на суде, ни после. Заявитель не воспользовался возможностью, которая ему все еще предоставлена, просьбы об изменении или отмене судебного запрета; он также не подал апелляции в отношении этого запрета. При таких обстоятельствах Суд не должен удовлетворять жалобу.

Что касается аргумента заявителя о том, что судебный запрет пересекался с компенсацией ущерба, Правительство подчеркнуло, что, поскольку прежняя мера была нацелена на предотвращение ущерба в будущем, последующая была предназначена только для того, чтобы компенсировать уже нанесенный ущерб и восстановить репутацию лорда Алдингтона.

54. Как уже отметил Суд, вовсе не утверждается, что решение присяжных об установлении факта клеветы противоречит статье 10. Судебный запрет был только логическим следствием этого решения, и был вынесен именно для того, чтобы не допустить повторения заявителем клеветнических утверждений в отношении лорда Алдингтона. Не имеется каких-либо данных, указывающих на то, что судебный запрет вышел за рамки этой цели. Также не имеется каких-либо других оснований утверждать, что мера, взятая как отдельно, так и в совокупности с компенсацией, представляет собой неадекватное вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, как это гарантировано статьей 10.

D. Резюме

55. В конечном итоге, Суд заключает, что компенсация была "предписана законом", но не была "необходимой в демократическом обществе", поскольку не имелось, если принять во внимание ее размер в совокупности с состоянием национального права в данное время, гарантии разумной пропорциональности по отношению к преследуемой законной цели. Соответственно, по последнему пункту имело место нарушение статьи 10. С другой стороны, судебный запрет, взятый как отдельно, так и в совокупности с компенсацией, не повлек какого-либо нарушения этой статьи.

II. Предполагаемое нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции

56. Заявитель утверждал, кроме того, что имело место нарушение его права на доступ к суду, которое гарантировано п. 1 статьи 6 Конвенции, в связи с приказом Апелляционного суда, предписывающим ему выплатить 124,900 фунтов стерлингов в качестве обеспечения суммы затрат лорда Алдингтона в апелляционном процессе, - как условия рассмотрения апелляции этим судом. Насколько это важно, говорится в п. 1 статьи 6:

"Каждый при определении своих гражданских прав и обязанностей ... имеет право на справедливое и публичное разбирательство его дела ... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона ..."

57. Правительство и Комиссия не согласились с вышеприведенным утверждением.

A. Применимость п. 1 статьи 6

58. Несмотря на тот факт, что ранее в Суде этот вопрос не рассматривался, Суд должен решить, применим ли п. 1 статьи 6 к данному делу. Все дела о диффамации, которые рассматривались Судом в соответствии с п.1 статьи 6, касались заявителей, которые стремились защитить свою собственную репутацию, возбуждая дело в суде. Согласно установившейся правоприменительной практике, положение применяется к подобным процессам, - касающихся права пользоваться хорошей репутацией, являющейся "гражданским правом" в пределах значения п. 1 статьи 6 (см., например, постановление по делу «Хелмерз против Швеции» («*Helmers v. Sweden*») от 29 октября 1991 года, Серия А, № 212-А, стр. 14, п. 27. Статья 6 (ст. 6) должна также применяться к ответчику в таких процессах, где результат имеет прямое решающее значение для его "гражданских обязательств" по отношению к истцу.

Соответственно, п. 1 статьи 6 применим к данному делу.

B. Соответствие п. 1 статьи 6 Конвенции

59. Суд повторяет, что право доступа к судам, гарантированное п. 1 статьи 6 может подвергаться ограничениям в форме государственного регулирования. В этом отношении Государству предоставляются определенные пределы усмотрения. Однако Суд должен убедиться, во-первых, в том, что применяемые ограничения не ставят рамки или не сужают доступ, оставленный индивидууму, таким образом или в такой степени, что подрывают самую суть этого права. Во-вторых, ограничение должно преследовать законную цель, и должна существовать разумная пропорциональность между используемыми средствами и

целью, которой таким образом стремились достичь (см., например, постановление по делу «Фэйед против Соединенного Королевства» («Fayed v. the United Kingdom») от 21 сентября 1994 года, Серия А, № 294-В, стр. 49-50, п. 65).

Из установившегося прецедентного права следует, что п. 1 статьи 6 не гарантирует права на апелляцию. Однако, к Высокому Договаривающемуся Государству, которое устанавливает систему апеллирования, предъявляется требование обеспечить предоставление фундаментальных гарантий, закрепленных в статье 6, в пределах ее юрисдикции гражданам в апелляционных судах (см., к примеру, постановление по делу «Делькур против Бельгии» («Delcourt v. Belgium») от 17 января 1970 года, Серия А, № 11, стр. 14-15, п. 25). Однако, способ применения статьи 6 в процессах, проходящих в таких судах, зависит от конкретных особенностей этих процессов; необходимо принимать во внимание непрерывность процессов в национальном судопроизводстве и роли в них апелляционного суда (см., например, постановление по делу «Моннелл и Моррис против Соединенного Королевства» («Monnell and Morris v. the United Kingdom») от 2 марта 1987 года, Серия А, № 115, стр. 22, п. 56; а также вышеупомянутое постановление по делу «Хелмерз против Швеции», стр. 15, п. 31).

Задача Суда состоит не в том, чтобы заменить собой компетентных и авторитетных британских специалистов при определении наиболее оптимальной политики для регулирования доступа к Апелляционному суду в делах о клевете, и не в том, чтобы оценить факты, которые привели этот суд к предпочтению одного решения другому. Роль Суда состоит в том, чтобы рассмотреть, с позиций Конвенции, решения, которые эти специалисты приняли, действуя в предоставленных им пределах усмотрения (см., к примеру, вышеупомянутое постановление по делу «Фэйед против Соединенного Королевства», стр. 55, п. 81; и, с внесением необходимых изменений, постановление по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» («Edwards v. the United Kingdom») от 16 декабря 1992 года, Серия А, № 247-В, стр. 34-35, п. 34).

60. Заявитель утверждал, что предъявленное ему требование выплатить 124,900 фунтов стерлингов в течение не более чем четырнадцати дней представило собой неодолимое препятствие для его доступа к Апелляционному суду (см. п.18 выше). Оно подрывало сущность его права на доступ к этому суду и было неадекватным.

Во-первых, суд не был готов к тому, чтобы выделить более четырнадцати дней для выплаты суммы, и таким образом отказал ему в какой-либо реальной возможности найти деньги и продолжить рассмотрение апелляции.

Далее, он возложил на заявителя бремя доказывания того, что у него были реальные и веские основания для обжалования решения, вынесенного не в его пользу, - вместо того, чтобы потребовать от лорда Алдингтона, стороны, запрашивающей о вынесении приказа, который эффективно блокировал бы право на апелляцию, - доказательства явной необоснованности и бесперспективности апелляции. Апелляционный суд также не должен был принимать во внимание предложение лорда Алдингтона согласиться на меньшую сумму (см. п.17 выше).

Более того, Апелляционный суд не придал значения следующим факторам. Бесплатная юридическая помощь, предоставляемая правительственной программой (legal aid), была недоступна в делах о клевете даже ответчикам, которые, как и заявитель, защищали свое фундаментальное право на свободу выражения мнения. Потребность лорда Алдингтона в помощи была меньше по той причине, что затраты, понесенные им в Высоком Суде, в

значительной степени были покрыты страховой компанией "Сан Элиэнс", хорошо обеспеченной корпорацией (см. п. 17 выше).

Наконец, факт, что дело было рассмотрено в первой инстанции, не имел отношения к вопросу эффективного доступа в Апелляционный суд. Не было также существенным то, что он заслушал доказательства сторон перед тем, как вынести заключение об обеспечении суммы затрат; именно в решении Апелляционного суда была проявлена неадекватность, в связи с чем и была заявлена жалоба.

61. Суд считает, что приказ об обеспечении суммы затрат явно преследовал законную цель, а именно предотвратить предъявление лорду Алдингтону счета за судебные издержки, которые никогда не будут ему возмещены, - если апелляция заявителя не будет удовлетворена. Это не оспаривалось. Далее, поскольку внимание уделялось также бесперспективности апелляции заявителя, то можно сказать, как доказывало Правительство, что требование было предъявлено в интересах добросовестного отправления правосудия (см. п. 17 выше).

62. Подобно Правительству и Комиссии, Суд не может разделить мнение заявителя о том, что приказ об обеспечении суммы затрат подрывал саму сущность его права на доступ к суду и был неадекватен целям статьи 6.

63. Во-первых, дело рассматривалось в течение приблизительно сорока дней в Высоком Суде, в суде первой инстанции; в ходе рассмотрения лорд Алдингтон давал свидетельские показания в течение более шести дней и подвергался перекрестному допросу, заявитель давал свидетельские показания в течение более пяти дней, привлекалось множество свидетелей (см. п.п. 11 и 17 выше). Без всяких сомнений, заявителю был предоставлен полный доступ к суду во время этих слушаний. Это правда, что вначале он жаловался на их недостаточную справедливость. Однако, эта жалоба была объявлена Комиссией неприемлемой как явно необоснованная.

Суд наделяет большим весом вышеупомянутые суждения в своей оценке соответствия Статье 6 ограничений на доступ заявителя к Апелляционному суду. Действительно, как было указано ранее, необходимо принимать во внимание непрерывность процесса.

64. Предположительно, требуемая сумма - 124,900 фунтов стерлингов - была очень существенной, и срок - четырнадцать дней - для того, чтобы найти деньги, - был относительно коротким. Однако, нет никаких оснований предполагать, что сумма представляла собой непомерно завышенную оценку затрат лорда Алдингтона в Апелляционном суде, или что заявитель смог бы достать денег, если бы ему предоставили больше времени.

65. Согласно соответствующей практике Апелляционного суда, отсутствие денежных средств являлось основанием для обеспечения суммы затрат в этом суде, но только при определенных обстоятельствах. При осуществлении его права на усмотрение, удовлетворит ли он просьбу и вынесет ли такой приказ, Апелляционный суд должен был рассмотреть, будет ли эта мера равносильна отказу осужденному в правосудии, в особенности если принять во внимание конкретные обстоятельства апелляции (см. п.п. 16 и 17 выше). Если бы она имела обоснованные шансы на успех, Апелляционный суд отказался бы вынести приказ об обеспечении суммы затрат.

Разногласие между заявителем и лордом Алдингтоном по поводу обеспечения суммы затрат в процессе касалось конкретных обстоятельств, или отсутствия конкретных обстоятельств апелляции. Секретарь Апелляционного суда после колебаний решил, что апелляция имела как раз достаточно оснований, чтобы заявителю было позволено продолжать дело по апелляции без обеспечения суммы затрат. Это решение было впоследствии отменено Апелляционным судом, поскольку заявитель не сумел реально и веско обосновать свою апелляцию, в отношении как ответственности, так и компенсации ущерба. По пункту компенсации ущерба Апелляционный суд заключил, помимо прочих моментов, что заявитель не был так заинтересован в этом вопросе, как в вопросе об ответственности, и что он отказался принять предложение лорда Алдингтона согласиться на сумму 300,000 фунтов стерлингов. Поэтому, любое обжалование, мотивированное только размером взыскания, было бы ничем иным, кроме как учебным упражнением (см. п.п. 16 и 17 выше).

Суд не усматривает какого-либо произвола в обосновании Апелляционным судом приказа об обеспечении суммы затрат.

66. Кроме того, вопрос об обеспечении суммы затрат был рассмотрен сначала Секретарем Апелляционного суда, а затем судом в течение шести дней (см. п.п. 16 и 17 выше). Решение Апелляционного суда было, таким образом, основано на тщательной и всесторонней оценке соответствующих факторов (см. упомянутое выше постановление по делу «Моннелл и Моррис против Соединенного Королевства», стр. 25, п. 69).

67. В свете вышесказанного Суд не считает, что авторитетные национальные специалисты перешли границы своих пределов усмотрения тем, что поставили для заявителя условия, в соответствии с которыми могло быть продолжено рассмотрение его апелляции в Апелляционном суде. Нельзя сказать, что эти условия подрывали сущность права заявителя на доступ к суду или были неадекватны целям п. 1 статьи 6.

Соответственно, не было никакого нарушения п. 1 статьи 6 Конвенции.

III. Применение статьи 50 Конвенции

68. Граф Толстой-Милославский требовал справедливой компенсации в соответствии со статьей 50 Конвенции, согласно которой:

"Если Суд приходит к заключению, что решение или мера, принятая авторитетным специалистом в области права или другим крупным специалистом, принадлежащим к одной из Высоких Договаривающихся Сторон, полностью или частично противоречит обязательствам, следующим из ... Конвенции, и если внутригосударственный закон упомянутой Стороны допускает только частичную компенсацию в отношении последствий этого решения или меры, - решение Суда должно, при необходимости, предоставить справедливое удовлетворение потерпевшей стороне."

A. Просьба о "разъясняющем" решении

69. Заявитель не требовал компенсации за моральный ущерб, но просил Суд вынести "разъясняющее" решение, которое бы гарантировало, что он обязан, если обязан вообще, выплатить лорду Алдингтону только ту сумму за ущерб, какая была бы необходима для

обеспечения адекватной компенсации и восстановления репутации последнего, и что Правительство возместит заявителю любую сумму большего размера, которую он был обязан выплатить лорду Алдингтону.

70. Правительство полагало, что, поскольку заявитель не выплачивал лорду Алдингтону никаких денег в качестве компенсации, никаких дальнейших мер не требовалось.

71. Представитель Комиссии не высказал никаких комментариев по этому пункту.

72. Согласно Статье 50 Конвенции, Суд не уполномочен выносить "разъясняющее" решение, как этого просил заявитель (см., к примеру, постановления по делам «Филипс против Греции» («Philis v. Greece») от 27 августа 1991 года, Серия А, № 209, стр. 27, п. 79; «Пелладоа против Нидерландов» («Pelladoah v. the Netherlands») от 22 сентября 1994 года, Серия А, № 297-В, стр. 36, п. 44; «Аллене де Рибемон против Франции» («Allenet de Ribemont v. France») от 10 февраля 1995 года, Серия А, № 308, стр. 23, п. 65). Соответственно, требование заявителя по этому пункту должно быть отклонено.

В. Материальный ущерб

73. Заявитель также просил Суд предоставить ему соответствующую сумму компенсации за утраченную им возможность зарабатывать на жизнь профессией историка, - в результате действия постоянного судебного запрета.

74. Суд не находит оснований для существования причинно-следственной связи между аспектом, в котором было усмотрено нарушение (см. п. 55 выше) и каким-либо ущербом, который заявитель, возможно, понес в результате действия судебного запрета. Поэтому его требование по этому пункту также должно быть отклонено.

С. Затраты и издержки

75. Далее заявитель потребовал компенсации затрат и издержек общей суммой 104,000 швейцарских франков и 149,878.24 фунтов стерлингов, по следующим пунктам:

(a) 70,000 швейцарских франков за труд (200 часов по 350 швейцарских франков в час) г-на К.Ф. О'Нила (представителя в Швейцарии) с декабря 1990 года по август 1992 года, в связи с подготовкой и подачей первоначального заявления и материалов в письменном виде в Комиссию;

(b) 22,800 швейцарских франков для покрытия расходов, понесенных г-ном О'Нилом во время поездки в Лондон для консультации и подготовки вышеупомянутых письменных материалов для подачи в Комиссию;

(c) 11,200 швейцарских франков для покрытия расходов на телефонные переговоры, факс, ксерокопирование, почтовых расходов и переплетных работ в связи с вышеуказанным;

(d) 144,492.67 фунтов стерлингов за работу помощников адвоката, Теодора Годдарда и адвоката в период с августа 1992 года до 23 января 1995 года с письменными и устными выступлениями заявителя в Комиссии и Суде;

(e) 2,621.40 фунтов стерлингов для покрытия транспортных и командировочных расходов в связи с выступлениями вышеупомянутых представителей в Комиссии и в Суде;

(f) 2,764.17 фунтов стерлингов для покрытия расходов на ксерокопирование и различных других расходов (включая расходы на факс и транспортные расходы), понесенных в период с августа 1992 года по 23 января 1995 года.

76. Правительство и Представитель придерживались того мнения, что суммы, запрашиваемые по пунктам (a) и (d), были чрезмерными. Представитель Комиссии предложил Суду рассмотреть возможность выработки универсального подхода, не зависящего от национальных стандартов. Правительство не возражало против других требований, но предложило Суду рассмотреть сумму заявленных затрат с критической точки зрения.

77. Суд рассмотрит вышеупомянутые требования в свете критериев, установившихся в его прецедентном праве, - а именно, были ли затраты и издержки действительно понесены, были ли они необходимы для того, чтобы предотвратить или получить компенсацию за то, что было расценено как нарушение Конвенции, и являются ли они адекватными в отношении размера суммы.

По пункту, затронутому Представителем Комиссии, в отношении адекватности гонораров адвокатам, Суд повторяет, что он не считает себя связанным внутригосударственными критериями и инструкциями, но тем не менее он может использовать их помощь (см. постановления по делам «Кениг против Германии» («König v. Germany») от 10 марта 1980 года, Серия А, № 36, стр. 18-19, п.п. 22-23 и 25; «Санди Таймс» против Соединенного Королевства» (№ 1) («The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)») от 6 ноября 1980 года, Серия А, № 38, стр. 17, п. 41; «Силвер и другие против Соединенного Королевства» («Silver and others v. The United Kingdom») от 24 октября 1983 года, Серия А, № 67, стр. 10, п. 20). С другой стороны, принимая во внимание большие различия, существующие в настоящее время в нормах размеров сумм для выплаты, в зависимости от Высокого Договаривающегося Государства, универсальный подход к оценке размеров сумм для выплаты, в соответствии со статьей 50 Конвенции, не представляется правильным.

78. Рассмотрев требования заявителя, Суд не убедился в необходимости всех затрат и издержек. Учитывая также то, что только одна из жалоб заявителя в соответствии с Конвенцией (см. 55 выше) была удовлетворена, и вынося решение на основании равноправия, он присуждает 40,000 швейцарских франков по пунктам (a), (b) и (c) и 70,000 фунтов стерлингов по пунктам (d), (e) и (f).

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет единогласно*, что денежная компенсация ущерба была "предписана законом" в пределах значения статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет единогласно*, что компенсация ущерба, если принять во внимание ее размер, взятая в совокупности с состоянием национального права в соответствующее время, не была "необходимой в демократическом обществе" и таким образом явилась нарушением прав заявителя в соответствии со статьей 10;
3. *Постановляет единогласно*, что судебный запрет, взятый как отдельно, так и в совокупности с компенсацией ущерба, не является нарушением статьи 10;

4. *Постановляет единогласно*, что процесс в Апелляционном суде проходил в соответствии с п.1 статьи 6 Конвенции;
5. *Постановляет* восемью голосами против одного, что не было какого-либо нарушения права заявителя на доступ к суду, как это гарантируется п.1 статьи 6, в отношении приказа об обеспечении суммы затрат, вынесенного Апелляционным судом;
6. *Постановляет единогласно*, что Соединенное Королевство должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев, в качестве компенсации затрат и издержек 40,000 (сорок тысяч) швейцарских франков и 70,000 (семьдесят тысяч) фунтов стерлингов;
7. *Отклоняет единогласно* остальные требования о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании дела во Дворце Прав Человека, Страсбург, 13 июля 1995 года.

Ролф Риссдал
Винсент Бергер

Председатель
Начальник отдела Секретариата Суда

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 Правила 53 Правил Суда А, к этому постановлению прилагается особое мнение судьи Ямбрека.

Особое мнение судьи Ямбрека

1. Согласно прецедентному праву Суда, применение п. 1 статьи 6 Конвенции к процессу в апелляционных судах зависит от конкретных особенностей процесса по данному делу; необходимо принимать во внимание непрерывность процесса в национальном судопроизводстве и роль в нем апелляционного суда.

Я соглашаюсь с большинством в том, что приказ Апелляционного суда, предписывающий заявителю выплатить 124,900 фунтов стерлингов в качестве обеспечения суммы затрат лорда Алдингтона в апелляционном процессе, как условие того, что апелляция заявителя будет рассмотрена этим судом, - преследовал законную цель в интересах п. 1 статьи 6 Конвенции, а именно цель предотвратить предъявление лорду Алдингтону счета за судебные издержки, которые никогда не будут ему возмещены, в случае, если апелляция заявителя не будет удовлетворена (см. п. 61 постановления).

Однако, я не убежден в том, что законность вышеупомянутой цели сама по себе оправдывает ограничения, наложенные на доступ заявителя к Апелляционному суду. По моему мнению, приказ об обеспечении суммы затрат подрывал саму сущность права заявителя на доступ к суду, которое гарантируется п.1 статьи 6, и был неадекватен преследуемой цели (см. п.п. 61-67 постановления).

Поэтому, в отличие от большинства, я считаю, что имело место нарушение этого положения (п.1 ст. 6).

2. Что касается преследуемых целей - я согласен с заявителем, что в тех случаях, когда приказ об обеспечении суммы затрат влечет за собой лишение доступа к апелляционному суду по причине отсутствия денежных средств, он должен быть вынесен только на основании необоснованности, недобросовестности или неадекватности апелляции по другим причинам, а также на основании процессуального злоупотребления. Нельзя сказать, что апелляция заявителя попадает в эту категорию.

3. Во-первых, необходимо отметить, что, в то время как Апелляционный суд счел, что апелляция не имеет оснований, Секретарь этого суда вынес предварительное заключение, что пять из семи пунктов апелляции имели "достаточно оснований, чтобы... в этом случае не требовалось обеспечение суммы затрат" (см. п.п. 16 и 17 постановления). Эта разница в мнениях очевидно представляет собой основание для сомнения по поводу того, был ли адекватным приказ об обеспечении суммы затрат, в результате которого заявителю был прегражден доступ к Апелляционному суду.

4. Кроме того, мне трудно согласиться с рассуждением Апелляционного суда о том, что, ввиду отказа заявителя от предложения лорда Алдингтона согласиться на выплату суммы в 300,000 фунтов стерлингов, его апелляция, мотивированная размером взыскания, была "учебным упражнением" (см. п.п. 15 и 17 постановления). Предметом апелляции заявителя о компенсации ущерба явно была сумма в 1.5 миллиона, а не в 300,000 фунтов стерлингов. Действительно, Апелляционным судом было также отмечено, что предложение "не было уступкой помощников адвоката истца в связи с чрезмерностью суммы компенсации...". Таким образом, тот факт, что заявитель отказался принять предложение, не может быть истолкован как его незаинтересованность в вопросе о сумме компенсации ущерба. Напротив, тем самым предполагается, что он знал о том факте, что, согласно английскому законодательству о клевете, вопросы ответственности и компенсации ущерба взаимосвязаны. Как было заявлено лордом Хейлшемом в деле "Брум против Кассела и Компании Ltd" (*Broome v. Cassell & Co. Ltd*), в соответствии с законодательством о клевете, цель компенсации ущерба состоит в том, чтобы кто-либо "смог указать на сумму... достаточную для того, чтобы убедить постороннего человека в безосновательности обвинения" (см. п. 23 постановления).

5. Кроме того, при рассмотрении этого вопроса необходимо обратить внимание на основания, в соответствии с которыми мы усматриваем нарушение статьи 10, а именно размер компенсации, взятый в совокупности с отсутствием в соответствующее время адекватных и эффективных мер предотвращения непропорционально большого размера компенсации (см. п.п. от 49 до 51 суждения). В этой связи, я придаю значение не только ограниченным возможностям судебного контроля в отношении компенсаций, назначаемых присяжными, но также и отсутствию оснований для таких компенсаций и вытекающим из этого трудностям в оспаривании их основательности. Эти факторы, по моему мнению, в большой степени свидетельствуют в пользу заключения о том, что ограничения, наложенные на доступ заявителя к Апелляционному суду, были неадекватны целям статьи 6.

6. Кроме того, Апелляционный суд не принял во внимание тот факт, что, подавая апелляцию в отношении решения Высокого Суда, заявитель стремился защитить свое фундаментальное право на свободу выражения мнения - право, закрепленное в статье 10 Конвенции, которое представляет собой одну из необходимых основ демократического общества (см., например, постановление по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (№ 2) (*«Sunday Times v. the United Kingdom»* (no. 2) от 26 ноября 1991 года, Серия А, № 217, стр. 28-29, п.

50). Очень важно, чтобы п. 1 статьи 6 рассматривалась таким образом, чтобы гарантировать действительный и эффективный доступ к суду человеку, который хочет оспорить вмешательство в осуществление им своего права на свободу выражения мнения.

7. В любом случае, я не считаю, что отказ Апелляционного суда предоставить заявителю отсрочку, увеличив четырнадцатидневный срок для того, чтобы он мог найти сумму, необходимую для обеспечения затрат, - был оправданным (см. п. 18 постановления). Интересы заявителя в рассмотрении судом его апелляции явно перевешивали те, что были упомянуты Апелляционным судом в качестве обоснования отказа, а именно - избежание значительных ограничений во времени относительно времени, запланированного для рассмотрения апелляции. Я также позволю себе не согласиться с мнением большинства по поводу того, что "нет никаких оснований предполагать... что заявитель смог бы достать денег, если бы ему предоставили больше времени" (см. п. 64 постановления). Просьба об отсрочке подразумевала его желание предоставить обеспечение суммы затрат, или по крайней мере приложить усилия, чтобы это сделать, но Апелляционный суд не дал заявителю какой-либо реальной возможности доказать, что он сможет найти требуемую сумму, если ему будет предоставлено большее количество времени.

8. По этим причинам я прихожу к заключению, отличному от мнения большинства. Несмотря на то, что дело было всесторонне рассмотрено в Высоком Суде, - условия, предъявленные заявителю для рассмотрения его жалобы в Апелляционном суде, преступили пределы усмотрения страны-ответчика; они подрывали саму сущность права заявителя на доступ к суду и были неадекватны целям п. 1 статьи 6. Следовательно, я считаю, что имело место нарушение п. 1 статьи 6.

© Перевод Центра Защиты Прав СМИ

© Перевод с англ. Н. В. Самсоновой

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СТАТЬЕ 10
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
Том 2**

Научный редактор – Ю.Ю. Берестнев
Ответственный редактор - Г.Ю. Арапова
Составители – Г.Ю. Арапова, С. И. Машенкова
Художественное оформление - И.Ю. Ледовских
Компьютерный набор - С. И. Машенкова

Корректор А.А. муштай
Верстка Е.А. Муштай

Сдано в набор 26.11.04. Подписано в печать 20.12.04._
Формат 60x90 ¹/₁₆ Бумага офсетная
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Печ. Л.20
Тираж 1000 экз. Заказ № 1023

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Издательско-полиграфическое
Предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная,38/2